

Самообложение сельского населения в 1928 - 1933 гг.: к вопросу о последнем этапе русской крестьянской общины

Введение

Русская крестьянская община в 1920-е годы официально именовалась «земельным обществом». Подразумевалось, что функции общины ограничиваются поземельными делами, а все остальные - социальные, культурные и административные - находятся в распоряжении местных советов. Однако в действительности они выходили далеко за пределы компетенции земельного общества как объединения землепользователей. Фактически крестьянская община являлась организацией местного самоуправления деревни. Она располагала для этого значительными источниками доходов, включая такие, как: сдача земли в аренду, самообложение, общественные запашки, находящиеся в общинном пользовании леса местного значения, места под торгово-промышленными предприятиями, торговыми и базарными площадями, мельницы, перевозки и другие. Это обстоятельство позволяло земельному обществу даже подчинять сельский совет, потому что подавляющее большинство сельсоветов не имело своего самостоятельного бюджета¹.

Самообложение, то есть добровольный сбор средств населения на удовлетворение местных общественных нужд, в качестве источника доходов сметы земельного общества в 1920-е годы играло большую роль, доходя от 20% до 70-80% этой сметы². Применяя метод экстраполяции, НК РКИ РСФСР определял общую сумму таких сборов по РСФСР примерно в 100 млн. руб., что составляло более половины всего с.-х. налога, взыскиваемого в 1925/26 г.³

Что касается порядка раскладки самообложения в обществе, то существовало несколько вариантов, а именно: подушно (по едокам), по хозяйствам (по домам, по "дыму", по "дымовым трубам") или поштучно (с головы рогатого скота, с овцы) - одним словом, по принципу так называемой "крестьянской справедливости". Самообложение представляло собой, как правило, род целевых сборов, и, хотя виды и размер этих сборов были крайне разнообразны, в зависимости от целевого назначения сбора устанавливался и порядок его взимания. Например, на пастуха для рога-

того скота и на общественного быка производилась раскладка с коровы, на конского пастуха—с лошади, на ремонт пожарного инвентаря—с дома, на ремонт пожарного сарая—с дома, на делильщиков земли—с едока, на делильщиков сенокоса—с едока, на леса местного значения—с едока, на охрану стогов—с едока, на охрану лугов—с едока, на переправу через реку—с едока и т. д.⁴ Самообложение проводилось не только в денежной форме, но и в форме трудового участия населения в выполнении определенных работ (починка, строительство дорог, мостов, колодцев и др.) и натуральной оплаты (снабжение дровами школы и помещения сельсовета, оплата хлеба и картофеля пастуху и др.).

Этот "целевой" характер крестьянского самообложения имеет важное значение, хотя с середины 1920-х годов часть земельных обществ постепенно переходила к замене целевых сборов единым сбором. Например, устанавливалась общая раскладка, которая начислялась на земельный надел, причем две головы крупного скота приравнивались к одному наделу и т. д.⁵ Необходимо иметь в виду и то, что традиционное самообложение проводилось по мере необходимости, то есть *ad hoc*, а не регулярно, и тем более - не "сверху", "по-кампанейски".

Всеобщность и обязательность местного самообложения

29 августа 1924 г. ЦИК и СНК СССР впервые издали всесоюзный закон о самообложении сельского населения⁶, которое предлагалось проводить на началах добровольного соглашения граждан. Кроме того, самообложение было обязательным только для лиц, принимавших непосредственное участие в собрании и голосовавших за него. Для лиц же, не присутствовавших на собрании, или хотя и присутствовавших, но голосовавших против принятого постановления, самообложение было не обязательно.* Принятый закон опирался на указания прошедшего в конце января 1924 г. XI Всероссийского Съезда Советов о необходимости скорейшего повсеместного введения волостного бюджета, "совершенной недопустимости самочинных налогов и практики «самообложений»", и "скорейшем их изживании"⁷.

*Через год (17 августа 1925 г.) ВЦИК РСФСР ввел исключение по отношению к дорожному строительству и постановил, что решение схода об участии в этой работе, принятое простым большинством голосов и утвержденное ВИК'ом, является обязательным для всего населения данного селения⁸.

До введения волостного бюджета даже на волостном уровне из-за отсутствия в УИК'е средств на содержание сельсоветов, школ, больниц, врачебных пунктов, почты, канцелярий, ямщиков, постройку мостов и другого, была распространена раскладка самообложения в натуральной форме (зерно, дрова), причем, главным образом по душам⁹. Так, до закона 1924 г. в Алтайской губернии обследованиями было зарегистрировано около 150 налогов и сборов разных наименований, и эта губерния отнюдь не являлась исключением¹⁰. По закону 1924 г. предполагалось, что вве-

дение волостного бюджета позволит быстро ликвидировать самообложение как систему.

Однако указанный закон не соответствовал ни реалиям деревни, ни нуждам крестьянства в целом. Почти половина средств введенного волостного бюджета, а в отдельных волостях - еще большая часть (нередко до 80%), шла на содержание административного аппарата волости. Иначе говоря, волбюджет носил во многом потребительский характер, и в гораздо меньшей степени шел на удовлетворение местных хозяйственных и культурных нужд¹¹. Растущие разнообразные культурно-общественные, коммунальные потребности, обгоняя рост волостного бюджета, в условиях отсутствия сельского бюджета могли быть удовлетворены только за счет собираемых с самого населения средств. Большие суммы расходовались на содержание сельсоветов, сельской почты, на нужды народного образования, причем они подлежали покрытию за счет волбюджета. Кроме того, главное заключалось в том, что крестьяне одного селения были объединены не только территориально, но и в земельном отношении, а общность землепользования предполагала определенные совместные действия в хозяйственной сфере. В качестве примера можно привести наличие таких общинных потребностей, как содержание особых уполномоченных земобществ (см. ниже) и их секретарей, наем пастуха, покупка общей молотилки, устройство ограждения полей, приобретение и содержание общественного быка и т. д.

Все эти обстоятельства сохраняли прочные позиции самообложения. Так, в 1923/24 г. по Кузьминской волости Рязанской губернии самообложение превысило в 6,5 раз объем волостного бюджета¹². Обследование НК РКЦИ СССР 1925/26 г. установило, что, во-первых, самообложение существует повсеместно и в ряде губерний имеет тенденцию к самому широкому распространению, во-вторых, во многих селениях игнорируется принцип индивидуальной добровольности закона 1924 г. Добровольность отдельных лиц нередко заменялась коллективной добровольностью, то есть определенная группа заставляла своих членов участвовать в самообложении, не считаясь с их нежеланием. Существующая практика прямого нарушения закона свидетельствовала, что без подчинения несогласных воле большинства обойтись нельзя¹³.

Чтобы отринуть всякую мысль о принудительности таких обложений, всесоюзный закон 1924 г. запрещал финансовым и административным органам участвовать в организации самообложения. Проводить самообложение могли только общие собрания граждан (сходы), а не сельсоветы и волисполкомы. Парадоксально, что тем самым указанный закон дал широкий простор для развития деятельности общины, для укрепления ее мощи и авторитета¹⁴.

В связи с этим возникла необходимость отменить закон 1924 г. На совещании по советскому строительству при ЦИК СССР в апреле 1925 г. представители низовой сельской администрации подчеркивали, что деревня в своей хозяйственно-общественной жизни всецело опирается на

самообложение. Они высказывались за урегулирование этой системы и предлагали установить в законодательном порядке обязательность постановлений сельских сходов о самообложении для всех граждан данного селения¹⁵.

Совещание по советскому строительству постановило: "изменить декрет о самообложении в том смысле, чтобы при наличии особого ходатайства большинства граждан, голосовавших за самообложение на общественные нужды своего села, уездным и окружным исполнительным комитетам было предоставлено право в обязательном порядке привлекать к выплате своей доли меньшинство, не голосовавшее за самообложение"¹⁶. Кроме того, НК РКИ РСФСР, изучивший этот вопрос по указанию СНК РСФСР в ноябре 1926 г., пришел к выводу, что, несмотря на существование закона 1924 г., постановление о порядке самообложения на строго добровольных началах на практике является неосуществимым¹⁷.

Всесоюзный закон о самообложении от 24 августа 1927 г. вводил принципиально новые начала его проведения.

Во-первых, закон, хотя и сохранял добровольность самообложения, при этом устанавливал обязательность его для всех граждан данного селения по утверждению ВИК'ом (РИК'ом). Таким образом, именно данный закон, а не закон 1924 г., оформил де-юре существовавший тогда в деревне порядок самообложения.

Во-вторых, подчеркивалась разница между "мирскими сборами" в условиях царского режима и самообложением советского времени. Раньше значительная доля самообложения расходовалась на содержание сельской и волостной администрации или вышестоящей администрации, теперь же устанавливать самообложение для покрытия расходов на административные нужды воспрещалось, предполагалось, что для этого будут использоваться бюджетные средства. Более того, раскладка сборов по самообложению должна была производиться сельским советом с учетом мощности отдельных хозяйств¹⁸, запрещалось равномерное обложение всех по душам или по дворам. Даже предложение о том, что принцип раскладки самообложения для нужд, касающихся содержания пастуха, покупки и содержания племенного быка и. т. п., должен находиться в соответствии с количеством голов скота в крестьянском хозяйстве, а не основываться на ставке ЕСХН, было осуждено как установка на "мелкобуржуазную уравнильность"¹⁹.

В-третьих, с целью усиления роли сельского совета в деревне закон 1927 г. впервые установил, что сбор и расходование средств самообложения производится сельским советом. Тем самым для сельсоветов была открыта возможность вмешиваться в дела земельных обществ и сделан первый шаг к превращению сельсовета в настоящего хозяина деревни. По существу, закон предполагал включение в будущем средств от самообложения в сельский бюджет²⁰.

Однако в то же время закон 1927 г. категорически запрещал сельсоветам нецелевое, то есть помимо указанных в соответствующих поста-

новлениях общего собрания (схода), расходование средств самообложения. Наличие такого строгого целевого характера самообложения еще отражало стремление государства сохранить, по крайней мере формально, принцип неприкосновенности постановления общих собраний и автономные начала деревенской жизни, включая самоуправленческую функцию общины. С. Чугунов, большой знаток общины и сельсоветов, писал в 1926 г., что "громадное большинство общественных нужд деревни имеет именно поселенный характер и централизовать его хотя бы в масштабе сельсовета в настоящих условиях невозможно"²¹. Такова была преобладающая точка зрения тогда, когда сохранялась ориентация на защиту общинных порядков самообложения.

Принцип всеобщности и обязательности местного самообложения, введенный законом 1927 г., вскоре был умело использован советской властью в чрезвычайных обстоятельствах хлебозаготовительного кризиса, в ходе которого существенно изменился и сам характер самообложения.

Самообложение как "второй налог"

Основное содержание советской экономической политики после осени 1927 г. состояло в том, чтобы добиться макроэкономического равновесия между предложением промтоваров на потребительском рынке и платежеспособностью населения, значительно выросшей со второй половины 1926/27 хозяйственного года.

Рост платежеспособности населения в значительной мере вызывался так называемым 10-процентным снижением цен на промтовары, проведенном по решению февральского (1927 г.) пленума ЦК ВКП (б) и СТО. А. И. Микоян отмечал, что потребитель, благодаря снижению цен на промтовары с 1 января по 1 июня, получил огромную сумму в 110-120 млн., и предполагал, что до 1 октября получит в целом 340-350 млн. рублей²². Кроме того, начавшееся капитальное строительство не увеличивало производство предметов широкого потребления. Продажа товаров по ценам, не обеспечивающим рыночного равновесия, фактически означала льготную продажу товаров, а такой льготой пользовалось то население, которое находилось ближе к ним и могло гораздо легче их покупать, то есть городское население. Таким образом, с лета 1927 г. деревне не хватало промтоваров. Деревенский спрос на товары массового потребления стал обгонять городской в конце 1926/27 хозяйственного года²³. Позже, в апреле 1928 г., на Всероссийском торговом съезде нарком торговли РСФСР Н. Б. Эйсмонт, проанализировав соотношение между спросом и предложением промтоваров, заключал: "в четвертом и первом квартале [июль - сентябрь, октябрь - декабрь 1927 г. — *авт.*] недостаток товаров приходился, главным образом, на деревню, город мы снабжали лучше. Это являлось одной из причин затруднений в хлебозаготовках"²⁴.

Несмотря на 10-процентное снижение цен на промышленные товары, их индекс был выше индекса цен на с.-х. товары, причем по сравнению с

заготовительными ценами на хлеб*, цены на промтовары все еще были высокими²⁵. Тем не менее, в сентябре 1927 г. руководящие государственные органы решили снизить хлебозаготовительные цены, несмотря на хорошее качество хлеба нового урожая. Свои меры они оправдывали возросшей платежеспособностью сельского населения, которая значительно превысила предложение продукции предметов широкого потребления и вызвала так называемый "товарный голод"²⁶. Что касается политики снижения цен на промтовары, то правительство РСФСР в начале 1928 г. в специальном постановлении определило оставить цены на промтовары на ближайший год на прежнем уровне, то есть закрепить в основном достигнутые результаты снижения цен 1926/27 года²⁷. Иначе говоря, хотя снижение цен на промтовары в принципе сохранялось как генеральная установка, но цены временно стабилизировались в целях устранения последствий «товарного голода». Таким образом, намерение сократить «ножницы» с.-х. и промышленных цен отступало на задний план, и вместо этого приоритет был отдан снижению платежеспособности сельского населения.

*В июле-августе 1927 г. хлебозаготовительные цены были несколько повышены, несмотря на удовлетворительный ход заготовок. Тогда на рынок был выброшен запас урожая хлеба предыдущего года.

Очевидно, снижение в сентябре заготовительных цен служило одним из прямых поводов возникновения хлебного кризиса.²⁸ В целях преодоления кризиса советская власть в конце 1927 г. пошла на такие меры, как экстренное направление промтоваров в хлебные районы, взыскание с крестьян задолженности по с.-х. налогу, страховым платежам и др., используя в этих целях заем укрепления крестьянского хозяйства (ЗУКХ) и самообложение. Меры преодоления хлебного кризиса были тесно связаны с политикой, направленной на установление макроэкономического равновесия. В то время был распространен взгляд, согласно которому излишняя платежеспособность крестьян позволяла им удерживать у себя хлеб, а заставить их продать (сдать) хлеб следовало за счет извлечения из деревни денежной массы. То есть предполагалось, что можно стимулировать рыночные отношения путем налогового пресса «сверху». Позже, в феврале 1928 г., Сталин также высказывался, что деревня "растет и богатеет"²⁹, а в условиях отставания предложения промтоваров от роста платежеспособного спроса, "надо было ... выкачать из деревни денежные излишки, используя для этого законы о самообложении, крестьянском займе и борьбе с самогоном"³⁰.

Такая "теория" налогового пресса была малоосновательной при низкой заготовительной цене, и при большом разрыве между рыночной и официальной цене. Действительно из округов Урала сообщали, что налоговые меры воздействия не эффективны. Они лишь усугубляли озлобленность сельского населения. "Самообложение и другие виды платежей, – говорится в отчете Челябинского окружкома ВКП(б), – в настоящее время стимулами для выброски хлеба не являются. Так, в Пивкинском

сельском совете за 18 февраля 1929 года поступило самообложения 1300 рублей, от продажи водки – 1200 рублей, от продажи продовольственных товаров – 410 рублей. Хлеба за этот день не сдали ни фунта"³¹.

Следует иметь в виду, что всесоюзный закон о самообложении от 24 августа 1927 г. имел еще своей целью упорядочить налоговое обложение в деревне вообще, чтобы "не ослаблять" платежеспособного спроса крестьянства³². Уже одно это свидетельствует, насколько резко в короткий срок изменилась ситуация. Обращает на себя внимание статья в органе Наркомфина (осень 1929 г.), которая откровенно признавала: после 1928 г. извлечение средств из деревни обычно столь часто ставилось во главу угла проводимых кампаний самообложения, что хозяйственное его значение незаслуженно отодвигалось на второй план³³.

В то время советское законодательство, соблюдая деревенские обычаи, устанавливало, что сборы в порядке самообложения могут производиться как в денежной, так и в натуральной форме, а равно в виде трудового участия. Однако трудовое участие сельского населения в самообложении так же, как и обложение в натуральной форме, на практике в условиях 1927/28 г. не поощрялось. Происходило это не только из-за отмеченного обстоятельства, но и потому, что при форме трудового участия принцип прогрессивного обложения почти никогда не проводился³⁴.

Самообложение в неденежной форме, которое на местах еще практиковалось в 1927/28 г., вскоре, как нам представляется, резко сократилось. Так, в Ольховском районе Уральской области в феврале-апреле 1928 г. были установлены постепенные, в четыре этапа, сроки платежей самообложения (в денежной форме), а некоторым сельсоветам было разрешено заменять деньги натурой, но только в последний, четвертый срок сбора³⁵. Позже, в 1930 г., в Нижегородском крае (по отчетным данным на 1 мая) из общей суммы самообложения, оформленного на сходах, лишь 0,8% падало на трудовое или натуральное участие³⁶. В начале 1929/30 бюджетного года общепризнанное мнение о "перенасыщении деревни деньгами", "оседании значительных сумм в деревне", способствующих медленной сдаче хлеба, вылилось в кампанию мобилизации денежных средств сельского населения. В ходе этой кампании, особенно со второй половины 1930 г., самообложение фактически считалось обязательным, наряду с сельхозналогом и страховкой³⁷. В 1933 г. проведение самообложения не в денежной форме было, наконец, запрещено³⁸.

С 1927/28 г. самообложение стало ежегодной государственной кампанией «сверху», которая теперь имела своей главной целью изъятие денежных средств у крестьянства. Как будет показано ниже, общая сумма средств, изъятая из деревни по линии самообложения, достигала в 1932 г. по РСФСР 313 млн. руб., притом, что сельское население сократилось. Если сопоставить ее с суммой самообложения в 100 млн. руб. в середине 1920-х годов, то можно представить степень давления, оказанного на крестьянство.

Самообложение неизбежно сопровождалось административным на-

жимом. В передовой статье томской газеты «Красное знамя» от 21 февраля 1928 г. писалось: "Самообложение должно быть проведено всюду. Всякое противодействие этому важнейшему мероприятию надо рассматривать, как преступление". Материалы обследования НК РК РСФСР весной 1928 г. отмечали, что "на местах наблюдалось недовольство части середняцких слоев крестьянства, отождествлявших самообложение с налогом"³⁹. И в самом деле, председатель Мысовского сельсовета Пермского округа заявлял крестьянам (дословно): "самообложение есть налог. Значит суд... А суд - тюрьма"⁴⁰. Один комсомолец в своем письме в Шадринскую окружную газету задавался вопросом, почему та не пишет подробно об арестах крестьян в деревне. Он отмечал, что аресты, причем, "за каждую пустяковину", "за одно слово, сказанное на общем собрании", весьма распространены и добавлял, что "никогда крестьянин не согласится принять на себя самообложение", "самообложение это слово – выдумка Сталина"⁴¹.

Нет ничего удивительного, что введенное в 1928 г. в таких условиях самообложение было враждебно встречено крестьянством. Деревня представляла собой единое целое. Об этом свидетельствуют многие материалы. Документ НКВД РСФСР отмечал, что "общие недочеты кампании – отсутствие надлежащей подготовки и допущение административного нажима – создавали условия, позволявшие зажиточным слоям деревни в отдельных случаях вести за собой середняков и бедноту". В качестве примера приводилось сообщение Тамбовского ГИК'а о выступлениях бедноты против самообложения⁴². В Курской губернии "кулацкие выступления" носили явно "антисоветский характер": "Долой соввласть и верховное правительство, чтобы оно не ошибалось..., мы подготовляем против вас, коммунистов, восстание, и вы это скоро почувствуете"⁴³. Когда на пленуме Спасско-Михайловского сельсовета Александровского района Воронежской губернии встал вопрос о самообложении, в помещение сельсовета пришли до 100 крестьян и стали кричать, что "советская власть грабит и душит крестьян": "Самообложение не под силам, долго ли нас будут грабить? Не дают жить; если хотят, то пусть берут винтовки и все забирают у нас. Взяли налог, страховку и берут без конца"⁴⁴.

Что касается раскладки сумм по самообложению среди крестьян, то она производилась в каждом сельсовете по-разному. Разумеется, и в кампанию 1928 г. на местах, где крестьянская стихия добилась преимущества, самообложение проводилось в форме уравнительного обложения всех по душам или по дворам, без учета имущественного положения, о чем сохранилось множество свидетельств. Отмечались и случаи переобложения бедноты. Но теперь самообложение имело своей главной целью нанесение удара по зажиточным крестьянам. В 1928 г. взносы по самообложению были не выше 35% оклада ЕСХН, однако зажиточные крестьяне привлекались к самообложению не только в большем размере, но нередко в невероятном размере. В Кубанском округе в начале 1928 г. "кулаки и *середняки* переоблагались от 150 до 200 с лишним процентов" (курсив наш)⁴⁵.

Особенно сильно ударили по торговцам и владельцам промыслов, что вызывало массовое закрытие торговых и промысловых заведений в деревне. Например, в Барнаульском округе Сибирского края Алейский сельсовет настолько переобложил торговцев, что почти 50% их закрыли свои предприятия и покинули пределы поселки, оставляя после себя огромную сумму недоимок. Такое явление было особенно заметно в деревне, потому что и кампания самообложения проводилась исключительно в деревне. Разумеется, свернувшийся частник не мог быть заменен кооперацией или госторговлей⁴⁶.

Действительно, классовый принцип раскладки самообложения применялся во многих районах. Однако в то время существенное значение имела еще одновременность и универсальность разных кампаний. Стоит сказать, что попытка выделить реакции крестьян только лишь на самообложение является односторонней и абстрактной⁴⁷. Даже тогда, когда раскладка производилась с учетом мощности отдельных хозяйств и устанавливались льготы по самообложению для неимущих или малоимущих хозяйств, не следует думать, что эти слои деревни вообще избегали принудительного изъятия денег.

Бедные крестьяне, наоборот, особенно легко становились объектами кампании взыскания задолженности по сельхозналогу, кредиту, страховым и другим сборам, которая развертывалась одновременно с кампаниями по хлебозаготовкам, самообложению и займу.* 8 февраля 1928 г. Тамбовский губком партии отмечал, что имелся ряд случаев продажи с торгов имущества деревенской бедноты из-за ничтожной суммы задолженности по налогам и недоимкам. Сообщалось: "Большое распространение случаев нажима на бедноту мы наблюдаем с момента оживления кампании по взысканию просроченных ссуд Губсельбанка. Иногда дело доходит до того, что подвергается продаже с торгов последняя лошадь или корова в бедняцком хозяйстве на покрытие числящейся за этим хозяйством ссуды, взятой в кредитном товариществе"⁴⁸.

*То, что беднота и батраки были недовольны официальной политикой, верно и в отношении хлебозаготовок. В ходе хлебозаготовительной кампании при отпуске промтоваров (особенно дефицитных) требовалось предъявление квитанций о сдаче хлеба. Это – скрытая форма прямого «товарообмена», хотя последний был осужден. Но даже когда за сдаваемый хлеб крестьянин получал деньги и на эти деньги покупал в лавке товары, различия между этими двумя видами сделок не было, потому что крестьянин имел в виду не деньги, а именно приобретение промтоваров. Беднота и батраки, выражали резкое недовольство, говоря: "у кого хлеба нет, тот ходит нагишом"⁴⁹.

Разверсточная система самообложения

Главное заключалось в том, что в 1928 г. самообложение проводилось прежде всего по инициативе вышестоящих исполкомов. Замечательная статья В. Верлинского, написанная на основе материалов обследования,

проведенного НК РКИ РСФСР в апреле-мае 1928 г., подчеркивала, что "кампания шла не снизу, как это должно было бы быть, а сверху"⁵⁰. Согласно данным НКВД РСФСР, посланным НК РКИ РСФСР в июле 1928 г., исполкомы каждого рангов устанавливали для нижестоящих органов ориентировочные «контрольные цифры» поступлений от самообложения. То есть сначала УИК и ОкрИК разрабатывал план проведения кампании и распределения сумм самообложения по отдельным районам в порядке контрольных цифр, а потом каждый РИК, получив свой план, также разверстывал по отдельным сельсоветам сумму самообложения. В процессе развертывания кампании эти цифры и планы повсеместно трактовались как «твердые задания», обязательные для местных советов и даже для населения⁵¹.

Об этом довольно четко свидетельствует постановление заседания президиума Златоустовского окружного исполкома (Уральская область) от 18 января 1928 г., которое установило по районам контингент самообложения и обязало РИК'и в течении двухнедельного срока разверстать по отдельным селениям падающую на район по самообложению сумму. Кроме того, оно обязало райисполкомы рекомендовать сходам расходовать установленные УИК'ом денежные средства на строго установленные им цели (дорожное строительство, народное образование, здравоохранение, мелиорация), но с учетом местных нужд и особенностей⁵². При этом постановление ссылалось на всесоюзный закон о самообложении от 24 августа 1927 г., употребляя выражение "в соответствии с опубликованным декретом ЦИК СССР о самообложении сельского населения". Однако всесоюзный закон вовсе не предусматривал такого разверсточного метода и принципа установления «сверху» целевого расходования средств самообложения.

Таким образом, на местах цели расходования средств самообложения фактически определялись заранее «сверху». Не безынтересно, что широкую разъяснительную работу на общих собраниях окружное постановление относилось по степени важности на последнее место, и это было свидетельством формальности принципа добровольности и инициативы «снизу». Обстановка была уже совсем иная, чем на совещании по советскому строительству в 1925 г., когда тоже высказывалась необходимость устанавливать обязательность самообложения для всех граждан данного селения. На том совещании предполагалось, что принудительность решений большинства для меньшинства существует внутри общины, на основе ее собственных приговоров. Теперь же речь шла о разверстке суммы самообложения общине «сверху», с "рекомендацией" целевого расходования его средств.

Сами сельсоветы к обсуждению предложений ВИК'ов подходили механически. Из 69-ти сельсоветов, обследованных НК РКИ РСФСР в апреле-мае 1928 г., в 43-х контрольные цифры ВИК'ов (РИК'ов) по самообложению были вынесены на утверждение сходов без изменений и поправок⁵³. Председатели сельсоветов, работа которых была оценена как

неудовлетворительная, получали взыскания, снимались с должности, привлекались к уголовной ответственности. В этом смысле постановление Златоустовского окружного исполкома показательное. Сельсоветы практически не играли существенной роли в самообложении, а если и играли какую-либо роль, то чаще всего - исполнителя приказаний вышестоящих органов⁵⁴.

Разверсточная система самообложения принимала характер «твердого задания» из района в сельсовет. Фактическое руководство процессом в большинстве случаев лежало на уполномоченных ВИК'ов и РИК'ов, назначенных и отправленных ими по сельсоветам⁵⁵. Информационная сводка по шести округам Уральской области очень живо описывает положение деревни в феврале 1928 г. Там везде уполномоченными и председателями сельсоветов практиковалась разверстка суммы самообложения и размещение крестьянского займа среди населения, и были обнаружены случаи, когда крестьянские дворы, оказавшиеся не в состоянии платить раскладку, подвергались описи и продаже имущества (лошади, скот, семена, и др.).

Приведем некоторые примеры из сводки: "Уполномоченный Суханов говорит, что выполнение займа и самообложение возможно только путем разверстки"; "В Чапашинском сельсовете председатель рассказывал, что он сам проводил раскладку самообложения без собраний разверсткой и в его сельсовете крестьяне 3 деревень едят суррогат на 80%". Требование уплаты денег проводили нередко "под угрозой замолчи", "под угрозой винтовки". Одновременность разных кампаний по извлечению денег приводила к недоимке дворов, и, как следствие, к описи имущества или его отнятию: "[Наложили – *авт.*] налогу – 15 р. 92 к. (...), самообложение – 90 руб., займа – 20 руб., уплачено 60 руб. – все хлебом, а за 50 руб. недоимка – опись имущества, отбирают нетель". Встречались случаи, когда описи даже не производили: "Описи не сделали, а сразу забрали посуду и стулья, а в ящиках и сундуках все перерыли"⁵⁶. Конфискованное продавали практически за бесценок сами экспроприаторы. Позже секретарь Средне-Волжского обкома М. М. Хатаевич признавался, что подобная конфискация имущества при проведении самообложения и реализации займа была по существу "раскулачиванием"⁵⁷.

Нельзя сказать, что администрирование в деревне было исключительно результатом давления со стороны местных активистов. Вышестоящие инстанции настаивали на выполнении плана. Так, 23 марта 1928 г. президиум Златоустовского окружного исполкома, отмечая резкое падение поступлений средств самообложения, - что ставило под угрозу выполнение контрольных цифр к 1 апреля, - постановил: "категорически предложить под личную ответственность Пред-рик'ов усилить принудительные меры взыскания к недоимщикам"⁵⁸. Против неплательщиков принимались особые меры с целью обложения штрафом и описи имущества. В середине февраля 1928 г. Борисоглебский уездный комитет Тамбовского губкома ВКП(б) предложил всем уполномоченным УИК'ов, председателям ВИК'ов

и ответственным секретарям волостных комитетов приступить активнее к взиманию платежей по самообложению, и для этого "взыскивать в первую очередь с маломощных хозяйств дабы дать возможность просрочиваться зажиточно-кулацкой части населения, а потом приступить к взысканию с них платежей на основе наших пролетарских законов"⁵⁹. Такая мера могла вызывать недовольство и среди бедняков.

Изменение социально-экономической сущности самообложения видно и по следующим мерам воздействия на неплательщиков. Раньше за неуплату самообложения земельные общества применяли такие виды наказаний, как лишение земельного надела, лишение права покоса лугов, лишение права выгона скота на общественное пастбище, лишение права пользоваться дровами из лесов местного значения, денежные штрафы и другие. Иногда уполномоченные земельных обществ обращались в народный суд с просьбой взыскать недоимки по самообложению в судебном порядке. Но суд таких исков не принимал⁶⁰.

Теперь же проведение самообложения стало государственным делом. Формально добровольное, самообложение фактически превращалось в государственную повинность⁶¹. Недоимка по самообложению взыскивалась в порядке, установленном для взыскания сельхозналога. В частности, имущество неплательщиков описывалось и продавалось с публичных торгов.

Если иметь в виду обстановку вокруг самообложения, не следует понимать буквально тот вывод обследования НК РКИ РСФСР, что сходы утверждали внесенные сельсоветами суммы самообложения без каких-либо поправок (в 53-х случаях из 69-ти), хотя одновременно отмечалось, что сходы проявляли очень мало инициативы в принятии постановлений по самообложению⁶². На самом деле этот факт выражает не иначе как формальный характер крестьянских сходов.

Всесоюзный закон 1927 г. устанавливал, что для разрешения вопросов о самообложении требуется присутствие на сходе не менее половины общего числа граждан, имеющих избирательные права, и вопросы решаются простым большинством присутствующих. Однако на практике, особенно в крупных селениях, кворум почти никогда не удавалось собрать. Советская власть, которая очевидно заранее предполагала эту ситуацию, в постановлении ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1928 г. позволяла созывать в таком случае повторный сход, который считался действительным при любом количестве собравшихся⁶³. Районные уполномоченные и сельсоветы, широко пользуясь этим правом, назначали подобные собрания через 20-30 минут после объявленного несостоявшимся первого собрания. Так что, как отмечал адресованный в СНК СССР документ от 14 августа 1928 г. (авторство неизвестно), вопросы самообложения решались "случайным или искусственно подобранным незначительным числом голосов на вторичном собрании". Разумеется, под "незначительным числом голосов" подразумевались главным образом деревенские активисты⁶⁴.

В целях устранения этих недостатков постановление ВЦИК и СНК

РСФСР от 4 октября 1928 г. установило, что повторный сход может быть созван не ранее, чем через день, и он считается действительным в случае присутствия на нем не менее одной трети общего числа избирателей⁶⁵. Однако целый ряд материалов ЦЧО по-прежнему свидетельствовал о нереальности кворума, установленного последним постановлением. Протоколы сходов крестьян в Козловском районе с ноября 1928 г. по февраль 1929 г. показали, что в них очень часто не указывали количество присутствующих граждан, а если и указывали, не отмечали, какое общее число избирателей они представляли. Иногда, несмотря на то, что и то, и другое число указывали, фактически явка избирателей не могла считаться законной. Например, на общем собрании (повторном) с. Ново-Хмелевого из 751 избирателя присутствовало 157 человек, то есть гораздо меньше, чем требовалось для законного кворума⁶⁶.

Можно полагать, что в Козловском районе в этот период ни один сход по вопросу самообложения не был законным. Докладная записка от 14 марта 1929 г. о результатах обследования кампании по самообложению за 1928/29 г. в Сухо-Березовском сельсовете Бобровского района Воронежского округа утверждала, что на всех общих собраниях сельсовета, где приняли план самообложения, не было кворума, добавляя: "однако, несмотря на то, что эти собрания были повторные, кворум все-таки не выдержан и со стороны РИК'а опротестования не последовало"⁶⁷. Последнее указание позволяет прийти к выводу, что кворум был номинальным, причем протоколы на таких сходах получали утверждение (или, по крайней мере, молчаливое согласие) со стороны РИК'а. Кстати, подобные факты были широко распространены и в кампанию 1927/28 г.

Постановление ОблРКИ ЦЧО (март 1929 г.) просило НК РКИ РСФСР поставить в соответствующих инстанциях вопрос "о нереальности кворума, установленного постановлением от 4 октября 28 г."⁶⁸. Но этот кворум не только не был отменен, но даже был введен в общесоюзный закон о самообложении с 1930 г. Таким образом, тот факт, что собрание, где не было законной явки избирателей, принимает постановление о самообложении, свидетельствует, что давление на крестьянство существовало в течение всего рассматриваемого нами времени.

Разумеется, есть действительные примеры того, что крестьянский сход по самообложению состоялся, но с большим трудом. В марте 1928 г. секретарь Воронежского губкома признавал, что сопротивление самообложению со стороны крестьян получило широкое распространение: "Мы имели целый ряд сел и волостей, где это самообложение обошлось нам довольно дорого. Собрание созывали по 4-5 раз, трепали нервы, и т. д., и т. п."⁶⁹ В Липецком уезде Тамбовской губернии отмечались случаи, когда против самообложения выступал даже советский актив, в результате чего собрания приходилось проводить неоднократно, иногда до четырех раз⁷⁰.

Во избежание таких трудностей сельские работники пошли по пути наименьшего сопротивления. Вот характерный пример: в январе 1928 г. на Северном Кавказе, при принятии постановления о самообложении "го-

лосуют «кто против», «кто воздержался», [но —авт.] «кто за» не голосуют, так как предложение может провалиться. Товарищи из Ейского района передавали: собрание общества началось в 11 часов, кончилось в 7 часов вечера, все выступали против декрета о самообложении, а постановление принято единогласно"⁷¹. Подобные методы скоро будут повторяться при проведении сплошной коллективизации.

Одновременность разных кампаний

Одновременность разных кампаний, в том числе по самообложению, по займу, по хлебозаготовкам, привела к аналогичному способу проведения всех кампаний.

Во-первых, в области реализации займа укрепления крестьянского хозяйства тоже возникла в 1928 г. та же разверсточная система, что и при самообложении.

Срок окончания кампании размещения крестьянского займа был установлен на 31 марта. По материалам информационного отдела ЦК ВКП(б), принудительное размещение займа допускалось в январе в отдельных районах, а к концу февраля и в начале марта оно отмечалось повсеместно⁷². Несомненно, здесь огромное влияние оказал телеграммный циркуляр НКФ от 27 февраля, который предложил, что реализация должна проводиться на основе «контрольной цифры (задания)». В этом можно обнаружить сходство кампаний самообложения и займа. По такой системе ВИК'и (РИК'и) получали задания размещения займа от окружных и уездных финотделов и разверстывали его по сельсоветам, а сельсоветы, руководствуясь данными о состоятельности отдельных крестьянских дворов, должны были определить, на какую приблизительно сумму должен был бы подписаться каждый крестьянин села⁷³.

Для размещения займа повсюду созывался сход. В деревне несколько кампаний шли одновременно, их проводили одни и те же работники⁷⁴. Они ухитрялись придать займу "характер самообложения", проводимого постановлением общего собрания с соблюдением классового принципа и даже иногда по определенной шкале в зависимости от доходности на хозяйство и едока. Однако обычно результаты реализации отставали от плановых заданий, так что вслед за собранием проводился подворный обход, сопровождаемый требованиями покупки займа. Порой «методы морального воздействия» заменялись прямым принуждением: отказом молоть хлеб, отказом от продажи водки, вызовом в сельсовет и даже показательным процессом с постановлением о "выселении из района".* Таким образом, размещение займа превращалось "в дополнительную разверстку полуналогового характера"⁷⁵.

*Надо иметь в виду, что еще в начале 1928 г. имелось немало случаев принятия сходами постановлений об исключении укрывателей хлеба из земельных обществ и выселении их за пределы сел. Очевидно, это были показательные примеры, для выполнения заготовительного плана⁷⁶.

Нарком финансов СССР Н. П. Брюханов настаивал, что нельзя считать этот циркуляр причиной административного нажима, потому что он определенно указывал на недопустимость принудительного размещения займа⁷⁷. Но для проведения кампании по реализации займа был дан очень короткий для деревни срок. Уже упомянутые материалы ЦК отмечали, что местные парторганизации считали принуждение неизбежным ("смотрим сквозь пальцы"). Наряду с неоднократным предупреждением против давления, они одновременно "бешено и зверски" нажимали на волостного работника. Поддерживать баланс было довольно трудно, потому что излишнее привлечение к ответственности за перегибы могло привести к срыву кампании. Как нами уже отмечалось, исполкомы каждого рангов устанавливали для нижестоящих органов "ориентировочные" «контрольные цифры» поступлений от самообложения, но в процессе развертывания кампании эти цифры повсеместно неизбежно превращались в «твердые задания».

1 апреля 1928 г. в центральных газетах было опубликовано письмо А. И. Рыкова от 31 марта, которое признавало, что "в некоторых районах" применяются методы заданий по размещению займа для отдельных губерний, округов, а иногда волостей и даже сельских советов, причем местные органы часто рассматривали эти задания как обязательные для исполнителя. Рыков добавлял, что эти задания должны рассматриваться лишь как "приблизительная наметка"⁷⁸. Это было компромиссное предложение, как и в случае с Брюхановым. Выступая позже на июльской конференции ЦК ВКП(б), И. М. Варейкис напомнил, что 1 апреля была закончена кампания распространения займа, вот почему Рыков выждал некоторое время и осудил принуждение (Варейкис говорил: "вы политически правильно выступили")⁷⁹.

Во-вторых, надо обратить особое внимание на хлебозаготовительную кампанию⁸⁰. Еще в начале 1928 г. в отдельных местах появилась типичная разверсточная система хлебозаготовки. 2 февраля 1928 г. на заседании Орловского губкома в присутствии В. М. Молотова, Г. В. Чухрицы и Я. А. Яковлева было сделано признание, что "в начале января" началась "продразверстка, выражающаяся до разверстывания заготовительных планов до волостей и отдельных селений, а местами путем обхода отдельными работниками крестьянских дворов для определения излишков с предложением вывозить". Об этом говорилось еще на пленуме губкома 9 января, что свидетельствует о довольно раннем складывании подобной системы⁸¹. Причем, планы разверстывал сначала уезд. Например, в Елецком уезде той же губернии, о "разверстке заготовительных планов до селений" говорилось именно в циркуляре УИК'а⁸².

То же самое можно сказать про Курскую губернию. В январе Белгородский и Старо-Оскольский уезды, которым местная газета «Курская правда» присудила первое место в части "коллективная сдача хлеба, организованная постановлением схода", спустили ВИК'ам план заготовок. ВИК'и, в свою очередь, разверстали планы по сельсоветам и предложили

производить разверстку с указанием, кто из крестьян и сколько должен вывезти хлеба. В сельсоветах уполномоченные от ВИК'ов и УИК'ов совместно с председателями сельсоветов стали производить вечерние обыски (с фонарями), проверяя наличие хлеба⁸³. 4 января Ольшанский ВИК Белгородского уезда направил в села директиву о необходимости обследовать каждое хозяйство для выявления излишков хлеба, составления списков крестьян и объявления каждому под расписку, сколько он должен сдать хлебных излишков⁸⁴. Дата "4 января", если она правильна, более ранняя, чем директива Сталина от 5 января (высланная 6 января)⁸⁵. На апрельском пленуме ЦК ВКП (б) секретарь Курского губкома А. К. Лепа отмечал тот факт, что тогда меры разверстывания заготовительного плана до села пользовались поддержкой А. И. Микояна и Г. В. Чухриты. Чухрита даже писал в своей телеграмме от 14 января, что он будет применять этот метод в качестве опыта и в других районах, хотя термин "разверстывание" в Белгороде предполагалось заменить "планами-заданиями"⁸⁶.

На апрельском пленуме Микоян признал такие меры неправильными. Лепа "тоном победителя-героя", как характеризовал его Микоян, противопоставил предложенному свой метод заготовок. Согласно этому методу, планы должны были доводиться лишь до волостей, а дальше предлагалось разверстать их по экономическим организациям (по кооперативам, по заготовителям). Лепа объяснял это тем, что планы, если они доведены до сельсоветов, поневоле заставляют сельсоветы производить подворную разверстку⁸⁷.

Однако к концу хлебозаготовительной кампании обстановка вокруг хлебозаготовок опять обострилась. Июнь – последний месяц сельскохозяйственного года, последний месяц хлебозаготовительной кампании, требовал от местной власти наиболее напряженной работы. В тот момент в отдельных местах появилась разверсточная система с посылкой уполномоченных. 1 июня на совместном заседании бюро Орловского губкома ВКП (б) и председателей областного бюро ЦК ВКП (б) ЦЧО отмечалась чрезвычайно слабая заготовка хлеба в мае. В связи с этим было предложено командировать членов бюро губкома и членов губкома в качестве уполномоченных по уездам. Предполагалось, что они останутся на местах до выполнения заданий. Им были поручено принять меры к усилению работы уездных парторганизаций, включая посылку уполномоченных из уезда, волости в село, а также разверстать цифры заготовок "вплоть до села". Во время заседания два председателя облбюро ЦК ВКП (б) ЦЧО оказывали давление на бюро Орловского губкома, настаивая довести контрольные цифры заготовок до сельсоветов и оставить "подворную заготовку", утверждая, что "административный нажим надо провести скорее"⁸⁸. Кстати, что касается "подворной заготовки", то в отношении майских и июньских заготовок М. М. Хатаевич говорил: "повышение заготовок теперь достигается только методами подворной заготовки, а подворная заготовка – это значит обыск, лазание по амбарам, нажим"⁸⁹.

Июльский пленум ЦК ВКП(б), встречая новый хлебозаготовительный

год, требовал повышение заготцены хлеба. Предварительная наметка плана о повышении этой цены была произведена в абсолютно секретном порядке в комиссии по разработке резолюции по хлебозаготовкам 1927/28 г. еще накануне апрельского пленума⁹⁰. Вскоре, в августе 1928 г., для проведения новой хлебозаготовительной кампании 1928/29 г. Наркомторг СССР утвердил принятые особым хлебным совещанием основные положения заготовок. По этим положениям планы хлебозаготовок, утверждаемые Наркомторгом Союза, распределялись областными, краевыми и губернскими органами Наркомторга только по округам. Дальше планы распределялись между экономическими организациями (кооперативами и заготовительными органами). Но низовым органам, то есть РИК'ам и сельсоветам, самостоятельных планов заготовок давать не предполагалось. Однако этот порядок не распространялся на основные хлебные районы. В этих районах окрисполкомам предоставлялось право доводить хлебозаготовительные планы до РИК'ов. Список таких РИК'ов устанавливался областными или краевыми исполкомами. Но и в таких районах селению хлебозаготовительный план не давали⁹¹. Эта директива, во многом близкая методу Лепы, имела целью в известной мере нормализовать хлебный рынок.

И в области самообложения в кампании 1928/29 г. разверсточная система тоже сначала была осуждена. Так, неопубликованное постановление ВЦИК и СНК РСФСР "О порядке проведения самообложения в 1928/29 году" от 4 октября 1928 г. предусматривало добровольность самообложения, запрещало проведение его в порядке специальной кампании, административное давление «сверху», «кампанейство», его обязательность для всех без исключения сельских местностей⁹².

Однако в действительности, как позже констатировало официальное издание Наркомфина, во многих местах "специальные кампании" продолжались, причем директивные распоряжения некоторых финансовых органов указывали на необходимость подобных кампаний. Высказывались и требования привлекать к самообложению все без исключения селения, вопреки отказам и нежеланию последних. Очевидно, на необходимость таких мер оказывало влияние ухудшение хода хлебозаготовок в ноябре 1928 г. Необходим был "налоговый пресс", чтобы заставить крестьян "продавать" хлеб, и в то же время самообложение стало одним из методов мобилизации денежных средств населения. Следствием такого подхода становилось то, что в постановлениях сельских сходов часто отсутствовали все важные и необходимые в обычных случаях сведения: цели, предмет и размер самообложения, сроки его уплаты, список выбранных от населения уполномоченных в комиссию по раскладке самообложения⁹³. Тем не менее, в большинстве случаев РИК'и утверждали такие постановления, так как понимали, что получить требуемый кворум не представлялось возможным даже на повторных сходах. Бывали случаи, когда по настоянию РИК'ов сходы созывались по 3-4-5 раз...⁹⁴

Весной 1929 г. стал применяться так называемый "новый метод" хле-

бозаготовок, который, однако, по сути дела не был новым. Его сутью было доведение хлебозаготовительного плана до села. Тогда целая деревня специальным постановлением схода брала на себя обязательство ("самообязательство") сдать государству определенное количество хлеба, которое разверстывалось между отдельными хозяйствами по степени их мощности⁹⁵. Как отмечалось выше, в начале 1928/29 сельскохозяйственного года хлебозаготовительный план устанавливался для округа или, в основных хлебных районах, для района, а дальше распределялся между экономическими организациями. Селение такого плана не имело. Теперь план стал приниматься по селениям, а внутри селения этот «поселенный план» распределялся между хозяйствами.

Этот метод фактически стал отождествляться с самообложением, для которого и использовалось понятие "самообязательство". Интересно отметить, что на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) Сталин толковал новый метод хлебозаготовок 1929 г. по аналогии с самообложением^{96*}. Вероятно, под влиянием этого высказывания, местные органы начали ссылаться на закон о самообложении и налагать на крестьянское хозяйство - в случае невыполнения им твердого задания - штраф в пятикратном размере в административном порядке.⁹⁷ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 27 июня 1929 г. узаконило эту практику, и обязательство сдачи хлеба, налагаемое на отдельных крестьян сельскими сходами, рассматривалось как "государственная повинность" каждого крестьянского хозяйства, за неисполнение которой советский закон (ст. 61 Уголовного кодекса РСФСР) предусматривал особые меры воздействия, в том числе выселение из данной местности⁹⁸.

*Не случайно, в начале 1928 г., когда стала получать распространение «коллективная сдача хлеба», организованная постановлением схода (обычно под давлением уполномоченного ВИК'а), появилось характерное сообщение (из Казани), что "в Мензелинском кантоне, на одном из собраний крестьяне единогласно приняли решение **о немедленном сборе самообложения хлебом, передав его государству**"⁹⁹. Думается, такое сообщение соответствовало бы духу Сталина больше всего.

Один московский учитель в своем дневнике от 29 июня переписал из газеты все это постановление и постановление об изменении ст. 61 Уголовного кодекса и отметил: "под шумок проходят всякие драконовы меры по адресу крестьянства. Местные власти получают огромные карательные функции против отдельных лиц, «уклоняющихся» от выполнения общих постановлений"¹⁰⁰. Поскольку «поселенный план» стал государственной повинностью для *отдельных хозяйств*, это постановление дало юридическое основание для их раскулачивания.

После того, как в хлебозаготовках вводился «поселенный план», кампании по самообложению, в свою очередь, стала проводиться таким же образом, как хлебозаготовки. Так, например, в октябре 1930 г., в самый разгар кампании по самообложению, орган НКФ требовал решительно покончить со старыми методами работы и настаивал, что "в первую оче-

редь должно быть проведено доведение контрольных цифр самообложения до села"¹⁰¹. Целый ряд материалов тех и последующих лет показывает, что годовые и квартальные планы (контрольные цифры) о твердом задании самообложения устанавливались «сверху вниз», то есть из республики, края (области), округа (ликвидированного в 1930 г.), района, сельсовета до селения с посылкой уполномоченных¹⁰².

Непринятие сходом надлежащего решения о самообложении влекло за собой наказание села в целом. Это было своего рода копией хлебозаготовок. Так, в постановлении Мышкинского райисполкома Ивановской области от 12 ноября 1929 г. буквально говорилось: "в тех случаях, где самообложение принято менее 15% к уплачиваемой сумме сельхозналога, эти селения временно оставить на карантине, применив к ним всевозможные меры, способствующие увеличению процента самообложения..."¹⁰³

В начале 1930-х годов для мобилизации средств населения на селе и в целях сочетания сбора обязательных сельских платежей с другими хозяйственно-политическими кампаниями, особенно хлебозаготовками, на уполномоченных по заготовкам возложили одинаковую ответственность как за выполнение плана хлебозаготовок, так и за полный сбор сельских платежей. На местах был организован прием сельхозналога, самообложения и страховых платежей от населения в пунктах сдачи хлеба, широко поощрялось принятие «встречных планов», применялся метод соцсоревнования сельсоветов, отдельных селений и хозяйств за досрочное выполнение плана, вывешивались «красные» и «черные доски». Были созданы бригады для подворного обхода и взыскания недоимок, для чего применялись самые решительные меры: опись, продажа имущества, суд¹⁰⁴. В таком промышленном районе, как Московская область, в качестве принудительных мер взыскания распространялись также и "аресты на зарплату".¹⁰⁵ И, в самом деле, в 1930 г. по стране план самообложения был перевыполнен на 10%¹⁰⁶.

20 июля 1930 г. метод установления поселенных планов хлебозаготовок распространялся и на заготовки скота, картофеля, молока, льна и пеньки¹⁰⁷. И в кампанию мобилизации денежных средств населения, в том числе в порядке самообложения, тоже применялся тот же самый метод. Постановление Политбюро ЦК ВКП (б) от 5 сентября 1930 г. обязало партийные и советские органы "довести контрольные задания по всем видам обязательных платежей до села"¹⁰⁸. Кроме того, и участие в лесозаготовках, и работа в торфодобывающей промышленности также становились обязательными с конца 1920-х годов. Система отработочной повинности формировалась вскоре так: план доводился через области до РИК'а, а РИК, в свою очередь, распределял его по сельсоветам и колхозам^{109*}.

*Вербовка единоличников на лесозаготовки и сплав проводилась в порядке принятия ими «добровольных самообязательств» с 1928/1929 г. 13 февраля 1930 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР "О мероприятиях

по усилению работ на лесозаготовках и лесосплаве". В нем писалось о мерах ответственности для крестьян, не вышедших на лесозаготовки в том случае, если: "общим собранием граждан (сельским сходом) принято постановление о выполнении в порядке самообязательств всем селом определенной работы по заготовке и вывозке леса, а также по сплаву (в том числе со своей гужевой силой) и в связи с этим произведена раскладка заданий между отдельными хозяйствами..."¹¹⁰ Автор выражает признательность Татьяне Димони, которая обратила наше внимание на этот документ.

Таким образом, не будет преувеличением сказать, что разверсточная система, вытекшая из хлебозаготовок и кампании самообложения, с 1928 г. стала фактически советской социально-экономической моделью.

Расходование средств самообложения не по прямому назначению

Как отмечалось выше, всесоюзные законы о самообложении с 1927 г. строго запрещали расходование собранных путем самообложения средств на мероприятия, не предусмотренные постановлениями сходами. Представлялось важным, чтобы крестьянство на деле убеждалось: уплаченные им деньги расходуются на неотложные для местного сообщества мероприятия. Но так как зачастую сами постановления сходов были формальными, средства самообложения расходовались не по прямому назначению. К тому же зачастую план расходования средств не отвечал действительным потребностям того или иного села, а для его выполнения не было соответствующих технических возможностей. В результате, за 1927/28 г. в стране оказался неиспользованным 41% собранных сумм самообложения. И в следующем году дело не улучшилось. Это давало крестьянам повод отказаться от самообложения, и такие случаи имелись¹¹¹.

Кроме того, как отмечалось в материалах обследования, проведенного НК РКИ РСФСР весной 1928 г., в отдельных местах волостные и районные исполкомы стремились "урвать из средств самообложения как можно больше на свою долю" и брали значительные суммы на бюджетные нужды¹¹². Приводились факты, что собранные по самообложению средства специальным постановлением исполкома объявлялись неприкосновенными впредь до утверждения УИК'ом всех сельсоветских смет, и сберкассам даже давалось распоряжение выдавать сельсоветам суммы с особого в каждом отдельном случае разрешения ВИК'а (РИК'а)¹¹³. Обследование НК РКИ РСФСР и ОблФО ЦЧО в марте 1929 г. в Касторенском районе Воронежского округа ЦЧО установило, что значительные средства самообложения были направлены в Касторенское кредитное товарищество на текущий счет РИК'а. РИК выдавал эти средства на руки представителям сельсоветов, директорам школ и др., а также подрядчикам на производство тех или иных работ¹¹⁴.

Стремление ВИК'ов оставить часть суммы самообложения в своем распоряжении не только сохранилось в дальнейшем, но еще более усилилось в 1930-е годы. Вот типичная жалоба из Волновского сельсовета,

Слободского района Горьковского края, относящаяся к 1933 г.: "Ежегодно у нас в сельсовете проводится самообложение и ежегодно райисполком 70% полученных сумм куда-то списывает. В 1932 г. РИК без ведома сельсовета снял со счета 12000 руб. Такая же картина и по другим сельсоветам района. Между тем у нас в сельсовете надо ремонтировать школы, клубы, налаживать пожарную охрану и т. д. В деревне спрашивают, куда деваются собранные средства, а мы не знаем, что и говорить"¹¹⁵. Поскольку подобные жалобы были получены некоторое время спустя после опубликования постановления Президиума ВЦИК от 20 декабря 1932 г., категорически запрещающего изымание средств из сельских бюджетов и изъятие у сельсоветов средств самообложения¹¹⁶, они могут служить свидетельством складывания традиции, весьма характерной и показательной для той эпохи. Изъятие средств самообложения в районы в конечном счете было юридически оправдано (см. ниже).

Это стремление было часто связано с тенденцией расходования средств самообложения не на односельские, а районные нужды. Поскольку сами решения, принятые сходами, сплошь и рядом отражали намерения вышестоящих органов (РИК'ов, ОкрИК'ов и др.), постольку на первый план зачастую выдвигались так называемые "межселенные нужды". Приведем один показательный пример.

24 апреля 1928 г. президиум Кубанского окрисполкома распределил суммы фонда самообложения между отдельными отраслями хозяйства (народное образование, здравоохранение, сельское хозяйство, коммунальное хозяйство, промышленность), а также между районами, и предложил всем РИК'ам и сельским советам в ближайшее время провести соответствующие решения через общие собрания граждан. Предполагалось израсходовать средства самообложения главным образом на мероприятия районного значения. Кроме того, в отрасль "сельское хозяйство" были включены станичные семенные фонды на весеннюю посевкампанию и постройка мясокомбината общеокружного значения. Несомненно, постановления общих собраний были результатом давления извне и имели лишь формальное значение. Чтобы использовать часть средств самообложения на постройку мясокомбината, президиум Кубанского окрисполкома неоднократно и в категорической форме предлагал РИК'ам немедленно созывать общегражданские собрания. Причем, ссылка на невозможность их созыва ввиду проходящих весенних кампаний не принималась¹¹⁷.

Правда, позже, 26-27 июня президиум Кубанского окрисполкома запретил использование собранных средств самообложения на мероприятия, выходящие за рамки прерогативы соответствующих стансоветов, в пределах которых были собраны средства. Предлагалось распространить этот порядок на все случаи, когда имелось согласие общегражданских собраний на мероприятия общеокружного (постройка мясокомбината) и районного значения. Разумеется, последнее предложение означало, что сам президиум признавал формальность решений сходов¹¹⁸. Тем не менее,

тенденция расходования средств самообложения на межселенные нужды сохранилась и укоренилась де-факто еще в 1928 г.

Например, постановление Воронежского губисполкома от 5 марта 1928 г. санкционировало самообложение на сельскую почту. Правда, это незаконное постановление потом отменили (12 ноября того же года), но эта отмена была формальной, и "фактически самообложение на почту практикуется в больших размерах и теперь [в 1929 г. – *авт.*]"¹¹⁹. Постановление коллегии Вятской губернской РКИ от 12 августа 1929 г. привело данные, что в 1927/28 г. 58,8% сумм средств самообложения было израсходовано на мероприятия селенного значения (противопожарная охрана, дорожное дело, благоустройство, сельское хозяйство) и 41,2% - на мероприятия межселенного и районного значения (народное образование, здравоохранение, прочие хозяйственно-культурные нужды)¹²⁰. По документу НКВД РСФСР, посланному НК РКИ РСФСР 18 июля 1928 г., отчисления, ушедшие в распоряжение ВИК'а и РИК'а на межселенные нужды, составляли местами 35-50% всех средств самообложения¹²¹.

В районах, где крестьяне хотели расходовать собранные средства самообложения на свои неотложные нужды, РИК'и и другие вышестоящие инстанции нередко вмешивались в расходование средств, несмотря на протесты сельсовета и населения. Имели место всевозможные переброски средств с одного мероприятия на другое и особенно на удовлетворение административных нужд, и все без санкций общих собраний. Так, по протоколу Семено-Александровского сельсовета Бобровского района Воронежского округа от 28 августа 1928 г. сумма в 1075 рублей снималась с содержания общественного колодца, скотного могильника, пожарного обоза, избы-читальни, ветпункта, ремонта пожарного обоза, дорожного строительства и перебрасывалась на нужды сельпочты (825 руб.) и оплату телефонной связи (250 руб.). Чаще всего разные виды расходов сельсоветов и любые другие административные нужды включались в пункт "прочие расходы" в смете¹²². 28 марта 1928 г. Шадринский окружной исполком Уральской области, *после* принятия постановлений сходов о целевом использовании средств самообложения, прямо дал распоряжение всем РИК'ам "бороться с расходами на мелкие нужды селения, как например, устройство плотин, колодцев, скотских кладбищ и т. п."¹²³

Позже, 1 июня 1931 г. НКФ РСФСР обратился в СНК РСФСР с предложением, чтобы расходовать средства самообложения на мероприятия и учреждения сельского и межселенного значения и на отдельные общерайонные мероприятия и учреждения, имеющие значения для населения всего района (например, больница, школа крестьянской (колхозной) молодежи и т. п.)¹²⁴. Как будет показано ниже, это предложение было принято правительством СССР в 1932-33 гг.

Из-за существовавшей в то время системы взаимопроникновения кампаний обнаруживаются особенно характерные примеры. Во-первых, были случаи размещения займа в обмен на средства самообложения. Такая мера весьма широко практиковалась в 1927/28 г., так как крестьяне ока-

зывали особенно сильное сопротивление кампании размещения займа. Они не знали разницы между ценной бумагой и лотерейным билетом или (в районах принудительного размещения) налоговой квитанцией, а заем для них был "антихристовой печатью"¹²⁵. Обследование самообложения в Бобровском районе Воронежского округа показало: на основании распоряжения (бывшего) Бобровского УИК'а от февраля 1928 г. большинство сельсоветов потратили значительные средства на покупку облигации ЗУКХ. В Хреновском сельсовете того же района из суммы около 6000 рублей, которую сельсовет дополнительно разверстывал по классовому принципу, 1000 рублей было передано волисполкому на ремонт больницы волостного значения, а остальная сумма, "согласно распоряжению волисполкома", предназначалась на приобретение ЗУКХ¹²⁶.

Во-вторых, значительную часть средств, собранных по самообложению, раздавали местным кооперативным организациям для помощи им в приобретении промтоваров в целях усиления хлебозаготовок. В Хреновском сельсовете не было выполнено постановление схода о постройке школы, ввиду того, что по смете было предусмотрено только 2400 руб., а дополнительная смета не была составлена из-за приобретения займа. Зато 6300 рублей было выдано заимообразно потребительским обществам¹²⁷.

В 1930 г. собранные средства самообложения нередко использовались даже в целях коллективизации. Так, по Нижневолжскому краю по распоряжению вышестоящих исполкомов из средств самообложения выдавалась зарплата двадцатипяти тысячникам¹²⁸.

В то время законы союзных республик ежегодно устанавливали, согласно союзному закону о самообложении, перечень мероприятий, на которые можно собирать средства путем самообложения. Тем не менее, как, например, констатировал Уральский облизполком в мае 1928 г., в большинстве округов РИК'и нарушали инструкцию ОблИК'а, изменяя (расширяя) перечень мероприятий¹²⁹. Это означало, что перечень, установленный законом РСФСР, служил тормозом для свободной деятельности РИК'ов.

Задача подчинить работу земельных обществ руководству сельских советов была поставлена на XV съезде ВКП(б). Молотов тогда подчеркивал: "мы немножко с этим запоздали, а это означает, что мы должны за это дело взяться по-настоящему"¹³⁰. Однако ввиду обострившихся взаимоотношений между советской властью и крестьянством в обстановке хлебозаготовительного кризиса с конца 1927 г. необходимость упразднить земельные общества стала неотложной. Об этом свидетельствуют результаты обследования НК РКИ РСФСР Тамбовской деревни в начале 1928 г. Они сводились к следующему: "выборные органы земельных обществ, пользующиеся в деревне большим авторитетом, благодаря тем функциям власти, которые они несут до сих пор, оказывали очень часто то скрытое, то открытое сопротивление проведению наших мероприятий"; "престиж земельных обществ в деревне очень часто выше, чем сельсоветов и активная часть деревни с большим интересом участвует в работе

земельных обществ, чем в работе советов"; "этот актив, легально существующий и воспитавшийся на разрешении типичных крестьянских вопросов и на защите интересов деревни, выполняет функции крестьянского союза и несомненно служит зародышем его"¹³¹.

Характер земельного общества как "крестьянского союза" воплощали в себе, прежде всего, ходоки и различного рода уполномоченные земельных обществ. В мае 1928 г. на совещании заведующих орготделов местных исполкомов представитель Тамбовской губернии говорил: "земельное общество является таким очагом, из которого сплошь и рядом исходят различные «ходачества» и сутяжничество с существующей советской системой"¹³². В условиях обострения с конца 1927 г. ситуации в деревне, вызванного разными кампаниями, следует учитывать сам факт существования крестьянской общины. "Земельные общества пользуются правом объединяться в союзы, а следовательно это право имеет и актив земельных обществ, получая таким образом возможность из зародышевого состояния крестьянского союза превращаться в более обширную и могучую организацию", - резюмировал подготовленный РКИ документ и, задавая вопрос, выгодно ли пролетариату, чтобы в деревне существовала иная власть, сам же и отвечал: "несомненно нет"¹³³.

В следующем 1929 году специальная группа ЦКК-НК РКИ вновь обследовала советский аппарат в Козловском округе ЦЧО (бывшей Тамбовской губернии). Группа предложила практические мероприятия, направленные на подчинение земельного общества руководству сельсовета. Они состояли в том, чтобы установить обязательность: 1) избрания уполномоченных земобществ из членов сельсовета от данного селения, 2) внесения земобществами всех постановлений на утверждение сельсоветов, 3) включения доходов земобществ в бюджеты сельсоветов. Это заключение нашло полное отражение в постановлении президиума Козловского окрисполкома от 3 апреля 1929 г.

Группа ЦКК-НК РКИ делала упор особенно на третий пункт своих предложений и настаивала на ускорении введения так называемых самостоятельных сельбюджетов. Руководитель группы М. М. Харитонов требовал, чтобы средства самообложения расходовались под контролем сельсоветов, либо путем включения их в сельбюджеты (со строго целевым назначением), либо – по особым сметам¹³⁴. Но Козловский окрисполком поддерживал только второй метод. Его аргумент был таким: "имея в виду, что самообложение населения не носит постоянный характер и размер, и имеет строго целевое назначение в зависимости от нужд того или иного селения, входящего в состав сельсовета, признать целесообразным установить контроль сельсовета за расходованием этих средств путем составления особой сметы (в виде спецсредств к местному бюджету), *не входящей в основной бюджет сельсовета* и расходуемой строго на те нужды, которые указаны в постановлениях самих граждан" (курсив наш)¹³⁵. Опасения Козловского окрисполкома были оправданны. Как оказалось вскоре, включение средств самообложения в сельбюджет сразу

привело к отрицанию его целевого назначения.

В 1930 г., с развертыванием коллективизации, началась новая стадия. "Основные положения об организации сельских советов" от 3 февраля 1930 г. и новый общесоюзный закон о самообложении от 16 августа 1930 г. установили принцип самостоятельности сельских бюджетов за счет включения в них средств самообложения. Начиная с 1 октября 1930 года (т.-е., с "особого квартала")*, средства самообложения входили в состав доходной части сельбюджетов. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 10 ноября 1930 г. предусматривало введение самостоятельных бюджетов в районах сплошной коллективизации с 1 января 1931 г. во всех сельсоветах, а в остальных районах - в сельсоветах с населением более 1000 человек¹³⁶.

*С 1931 г. экономический год (с октября по сентябрь) совпадал с календарным годом (с января по декабрь). Поэтому нужен был "особый квартал": октябрь-декабрь 1930 г.

Как только средства самообложения включались в сельбюджет, они теряли свой целевой характер. В особом квартале 1930 г. и в дальнейшем поступления по самообложению обращались на общекбюджетные нужды, включались в «общий котел»¹³⁷*. С 1931 г., при утверждении контрольных цифр местного бюджета, СНК РСФСР включал эти средства в доходную часть местного бюджета.¹³⁸ Докладная записка НКФ РСФСР от 22 сентября 1932 г., адресованная во ВЦИК РСФСР, констатировала, что как в центре, так и на местах средства, собранные по самообложению, зачислялись полностью в доходы местного бюджета на покрытие расходов, предусмотренных общим планом местного бюджета, без выделения особых мероприятий за счет самообложения. В таком же виде контрольные цифры местного бюджета доводились и РИК'ами до сельсовета. Следовательно, перед последним стояла сложная задача согласовать решения общих собраний об использовании самообложения с планом сельского бюджета, составленным РИК'ом. Разумеется, вместо повторного созыва общих собраний, который, как уже отмечалось, был затруднен и часто оказывался бесполезным, сельсоветы становились на путь выполнения плана, предложенного РИК'ом. Нередки были случаи и прямого нарушения решений общих собраний районными и республиканскими финансовыми органами, которые перечисляли средства самообложения в свой районный и даже областной бюджет.¹³⁹

*В то время существовало общепризнанное мнение, что самообложение отличается от налогов не только своим добровольным характером, но и тем, что оно не идет в «общий котел» государственных и местных доходов¹⁴⁰.

Общая сумма средств самообложения значительно увеличилась по РСФСР с 105 млн. рублей в 1929/30 г. до 313 млн. рублей в 1932 г. Тем не менее, это огромное увеличение не сопровождалось столь же быстрым ростом местного бюджета в целом и в особенности по тем отраслям и мероприятиям (капитальные вложения), которые были связаны с самообложением. Таким образом, вследствие включения средств самообложения в бюджет сложилась характерная ситуация. С одной стороны,

РИК'и имели утвержденные бюджеты. С другой стороны, у них не было возможности изыскать дополнительные доходные источники, потому они расходовали собираемые суммы самообложения в соответствии с бюджетами. В итоге РИК'и перекладывали расходы, проводившиеся ранее за счет бюджетных средств, на средства самообложения, и тем самым по существу игнорировали целевую установку самообложения¹⁴¹.

Правда, еще оставалась некоторая свобода расходования средств, так как все законодательные акты 1930 года, вводившие самостоятельные сельбюджеты, пока сохраняли принцип неприкосновенности решения общих собраний. Так, постановление СНК РСФСР от 1 сентября 1930 г. категорически запрещало направлять средства самообложения не по прямому назначению, и НК РКИ РСФСР своим циркулярным распоряжением от 31 декабря 1930 г. предложил ОблРКИ привлекать виновных к ответственности за неправильное расходование этих средств¹⁴². Однако, по сути, правительство вело двойную игру, поскольку произвести проверку использования сумм самообложения на прямому назначению не представлялся возможным, так как эти средства теперь расходовались в общем порядке исполнения бюджетов. Такая постановка вопроса уже отставала от времени. Якобы принципиальное (по крайней мере внешне) отношение правительства к этому вопросу, на самом деле, вызывало путаницу в работе нижестоящих инстанций.

В связи с расходованием средств самообложения 1930 г. не по прямому назначению Западно-областная РКИ обратилась 12 мая 1931 г. в НК РКИ РСФСР и просила его поставить вопрос на обсуждение правительства. По этому письму, с особого квартала 1930 г. по контрольным цифрам НКФ, утвержденным правительством, самообложение включалось в общий объем доходной части сельбюджета, но, согласно распоряжению ОблФУ, собранные по области средства были зарезервированы, значительные суммы из них были израсходованы районами и переданы области (в областной фонд регулирования)¹⁴³.

Докладная записка НКФ РСФСР в СНК РСФСР от 1 июня 1931 г., подготовленная, очевидно, на основе подобной информации из разных областей страны, констатировала, что в 1931 г., после того, как самообложение включилось в общий объем доходной части сельского бюджета, в отдельных районах значительная часть этих средств обращалась на заработную плату работникам культурно-социальных учреждений: в ЦЧО 53% всех расходов покрывалось средствами самообложения, в Западной области - 25%, в Московской области - 20% и т. п. Без официального разрешения со стороны правительства некоторые край(обл)исполкомы вынуждены были принять соответствующие решения. Был расширен перечень нужд, на которые разрешалось расходовать средства самообложения. В частности, вносились предложения разрешить расходовать эти средства на полное содержание (вместе с зарплатой) ряда культурно-социальных и хозяйственных учреждений, состоящих на местном бюджете, за исключением содержания сельсовета*. Такое предложение почти ничем не от-

личалось от предложения заменить самообложение надбавкой к с.-х. налогу на местные нужды¹⁴⁴.

*Как отмечалось выше, официально было запрещено использовать средства самообложения на административные расходы по содержанию местных органов власти, так что край(обл)исполкомы тогда не предлагали тратить средства самообложения на содержание сельсоветов. Хотя, разумеется, в то время в действительности был отмечен ряд случаев расходования этих средств на оплату аппарата сельсовета и административные расходы.¹⁴⁵

На самом деле необходимо было ослабить противоречия между требованиями закона и создавшейся практикой. 15 августа 1931 г. СНК РСФСР разрешил совнаркомам АССР и край(обл)исполкомам распространить на отдельные районы право расходования средств самообложения на зарплату работникам культурно-просветительных учреждений для следующих 14 административно-территориальных единиц: Северный край, Западная область, Нижегородский край, ЦЧО, СВК, Западно-Сибирский край, Восточно-Сибирский край, Башкирская АССР, Казахская АССР, Киргизская АССР, Автономная Республика немцев Поволжья, Татарская АССР, Чувашская АССР, Уральская область. 22 февраля 1932 г. СНК РСФСР разрешил и исполкому Ивановской Промышленной области распространить на отдельные районы области то же право¹⁴⁶.

Но речь шла пока только о зарплате работников культурно-просветительных учреждений. А постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 28 августа 1932 г. разрешило повсеместно отчислять за счет средств самообложения полное содержание не только социально-культурных, но и ряда хозяйственных учреждений. Но здесь еще оставался подробный перечень учреждений и мероприятий, на которые можно собирать средства путем самообложения¹⁴⁷. Чтобы полностью разрешить расходовать средства самообложения не по прямому назначению, необходимо было упразднить сам перечень мероприятий, который каждый год устанавливался законами союзных республик, а в конце концов, и сам принцип сохранения целевого назначения самообложения. НКФ РСФСР в документе от 1 июня 1931 г., направленном в СНК РСФСР, считал целесообразным в новом законе о самообложении отказаться от подробного перечня мероприятий, ограничившись только указанием, что эти средства должны быть направлены на культурные и хозяйственные нужды села¹⁴⁸. Это намерение сразу не осуществилось. Положение о перечне мероприятий исчезло в общесоюзном законе 1933 г. о самообложении. Кроме того, именно в этом законе, наконец, отпал важнейший пункт, устанавливавший обязательное сохранение целевого назначения включенных в сельбюджеты средств самообложения. Фактически это означало окончательный разрыв самообложения с традициями сельской общественности.

Оставалось только привести юридические нормы в соответствие с действительностью. Так как мероприятия, требующие больших расходов, например, постройка амбулаторий, школ повышенной ступени (средних школ), местных электростанций и т. п., не могли быть проведены в от-

дельных селениях, общесоюзный закон 1932 г., в отличие от прошлых лет, впервые открыл юридическую дорогу к возможности расходования средств самообложения на мероприятия, обслуживающие несколько селений, *не объединенных одним сельсоветом, и район в целом*. Для материального обеспечения подобных мероприятий закон 1933 г. давал РИК'ам возможность получить значительную сумму этих средств с сельбюджетов, устанавливая, что средства, собранные по самообложению, поступают в сельские и районные бюджеты.

В законе 1934 г. о самообложении появилось новое положение, согласно которому средства, собранные по самообложению, в размере 75% поступали в сельские и районные бюджеты и расходовались на культурные и хозяйственные мероприятия, предусмотренные бюджетом (*т. е. не решением собрания граждан, а в бюджетном порядке*); а 25% оставались в полном распоряжении сельского совета на не предусмотренные сельским бюджетом нужды села. Характерно, что даже в отношении этих последних, весьма незначительных средств, не было упомянуто о необходимости их расходования в точном соответствии с постановлением общего собрания.

Общесоюзный закон 1933 г. о самообложении объявил, что "самообложение населения для удовлетворения его культурных и хозяйственных нужд *проводится* в сельских местностях и дачных поселках" (курсив наш), тогда как соответствующие законы на протяжении 1927-1932 гг. предусматривали, что граждане, проживающие в сельских местностях и дачных поселках, *могут* выносить постановления о самообложении для удовлетворения их культурных и хозяйственных нужд¹⁴⁹. Таким образом, самообложение и формально перестало быть добровольным.

Как отмечалось выше, введенный весной 1929 г. «поселенный план», несмотря на официальные заявления о его добровольном характере, подвергался разверстанию между отдельными хозяйствами сельским сходом. Тем самым обязательство каждого крестьянского хозяйства рассматривалось как "государственная повинность", а его неисполнение зачастую грозило раскулачиванием. «Поселенный план» явился определяющим моментом хлебозаготовок в годы первой пятилетки и практически подчинил себе систему контрактации, подготовив переход к обязательным поставкам 1933 г., имеющим силу "налога"¹⁵⁰.

Таким же образом, самообложение, как материальная основа общинного самоуправления, с 1928 г. стало частью государственной фискальной системы, превратившись практически в род местной государственной повинности или местного налога для пополнения местных бюджетов. Предположения крестьян в 1928 г., что введенное самообложение является дополнительным налогом, оправдались. Как и «поселенный план» (читай - обязанность), план самообложения доводился до села в форме контрольных цифр "сверху вниз".

Связанная с самообложением ситуация 1930-х годов имела две отличительные особенности. Первая заключалась в изъятии средств самооб-

ложения вышестоящими над сельсоветом организациями, особенно райисполкомами; вторая – в расходовании средств самообложения не по прямому назначению, т.-е. помимо решений общих собраний граждан или же без согласия сельских общих собраний граждан. Обе эти особенности наметились как тенденции уже в конце 1920-х годов. Причем, они явились двумя сторонами одного и того же общего процесса поглощения и передачи самоуправленческой функции земельных обществ вышестоящим инстанциям, что фактически означало конец общины как местного крестьянского союза¹⁵¹.

Следует обратить внимание на социальный аспект этого процесса. Введение всеобщего начального обучения и значительный рост сети начальных школ, медицинских учреждений, зарплат оперативно-обслуживающего и технического персонала, потребности телефонизации деревни, развитие сельской инфраструктуры в целом были затруднены при сохранении принципа расходования средств самообложения исключительно в соответствии с решениями общего собрания одного селения. Средства, собранные путем самообложения, направлялись и на межселенные нужды, на общерайонные (иногда даже областные) мероприятия. Перевод средств местного самообложения в районные бюджеты отражал крутой поворот традиционного общества к модернизации, когда потребности социально-экономического развития неизбежно разрывают узкие локальные связи в рамках одного села. Однако это была *определенного рода* модернизация, в том смысле, что она сопровождалась значительным ослаблением функций низовых аппаратов и местного сообщества. Чтобы представить этот процесс, надо в заключение объяснить обстановку вокруг сельсоветов в 1930-е годы.

Самостоятельность сельбюджета: вместо заключения

Трудно было претворять в жизнь идею превращения сельсовета в настоящего хозяина деревни вместо земельного общества с помощью введения самостоятельного сельбюджета. Правда, к 1932 г. сельбюджеты имелись практически везде, за исключением некоторых районов¹⁵². Однако, по мере повсеместного введения самостоятельных сельбюджетов ускорялся и процесс передачи сельбюджета райбюджету, по аналогии с передачей средств самообложения району. В 1930-е годы нарушение бюджетной самостоятельности сельсоветов со стороны райисполкомов было весьма существенным фактором.

По существу, с самого начала, еще в 1920-е годы, даже в случае, когда существовали "самостоятельные" сельские бюджеты, они "повсеместно и во всех союзных республиках" вводились фиктивно, механически, без участия сельской общественности и даже сельсоветов. Практически нормой была ситуация, когда "приходит в район или волость указание, что надо, как бы по разверстке, образовать столько-то сельских бюджетов и все". В большинстве случаев РИК'и сами составляли и исполняли бюд-

жеты сельсоветов, а также задерживали причитающиеся советам отчисления¹⁵³.

В дальнейшем положение по существу не только мало изменилось но, как представляется, еще и ухудшилось¹⁵⁴. РИК'и в лице РайФО не только в корне меняли построенные сельсоветами бюджеты, но, фактически, продолжали составлять его в своем аппарате и в 1930-е годы. Результат обследования Дмитровского района Московской области в 1931-32 гг. был таковым, что бюджеты, составленные РайФО "без всякого участия сельсоветов", препровождались сельсоветам для исполнения "без всякого согласования с ними"¹⁵⁵. С марта 1932 г. бюджеты, разосланные из района под названием «контрольных цифр», должны были рассматриваться и прорабатываться сельсоветами. Однако результат обследования Ивановской Промышленной области в ноябре того же года опять-таки показал, что большинство сельсоветов "совершенно не обсудило контрольные цифры на своих заседаниях и широких совещаниях с общественностью"¹⁵⁶.

В годы сплошной коллективизации многие сельские советы были ослаблены и нередко даже распущены из-за своей неподготовленности к разным кампаниям в деревне. Но сельские бюджеты номинально имели прочную финансовую базу. Подобное положение для сельского бюджета было создано благодаря закреплению за ним таких крупных статей доходов, как средства самообложения, сельхозналог, а также значительная часть отчислений от госзаймов, реализуемых среди крестьянского населения. Однако от сельсоветов поступали жалобы, суть которых заключалась в том, что даже в случае, если сельхозналог, самообложение, страховые поступления и средства от реализации госзайма были собраны ими полностью и все деньги сданы в Госбанк, районный финансовый отдел перечислял на свой счет "сколько вздумается и когда вздумается"¹⁵⁷.

Попытка создать "самостоятельные" сельские бюджеты в конце концов закончилась неудачей. Даже в Московской области проверка бюджетной кампании 1933 г. признавала хаотическое состояние сельских бюджетов. В большинстве случаев сельсоветы получали из района – "для руководства и исполнения" – приходо-расходную смету, составленную чисто канцелярским путем. Получалось поэтому, что и сами сельсоветы часто не знали своих "сельбюджетов" ("бюджетных 'шпаргалок' из района"). Практиковалось и незаконное списывание бюджетных средств со счетов сельсоветов, изъятие у сельсоветов средств самообложения, включение в районный бюджет (помимо сельского) доходов от некоторых предприятий и имуществ сельского значения и других источников, по закону полностью закрепленных за сельсоветам, и так далее, и тому подобное¹⁵⁸.

Позже, на проводимом СНК СССР в июле 1935 г. совещании нарком финансов СССР Г. Ф. Гринько говорил: "Большинство же сельсоветов вплоть до настоящего времени живет еще по примитивным приходо-расходным сметам, составленным за них в районном финансовом от-

деле и утвержденным президиумом РИК'а чохом по всем сельсоветам". "Краевые и районные исполкомы и райфо очень часто смотрят на сельские бюджеты, как на балансовую статью своих мероприятий. Сельские бюджеты плохо защищены от вышестоящих районных и областных местных бюджетов". Все участвовавшие в совещании работники сельсоветов и райисполкомов подтверждали эту характеристику. Секретарь Головщенского сельсовета Грязинского района Воронежской области откровенно говорил о действительном положении дела: "В нашем сельсовете фактически своего бюджета нет. Он числится на бумаге. В районе его утверждали без нашего участия. Райисполком по своему усмотрению уменьшал одни статьи и увеличивал другие. Причитающиеся нам отчисления идут в районный бюджет, а оттуда нам переводят столько, сколько заблагорассудится"¹⁵⁹.

Многие сельсоветы потеряли всякую заинтересованность в самостоятельных бюджетах, усматривая в них лишь обузу для своих канцелярий. Более того, отношение сельсоветов к действиям вышестоящих инстанций было тоже пассивным. Изъятие значительных сумм сельбюджетов приводило к усилению их финансовой зависимости от районов. Они вынуждены были жить на переводимые им из РайФО дотации за счет средств самообложения. Районы полагали, что, составляя сельбюджет, они оказывают помощь сельсоветам, которые "де слабы счетными силами". Сельсоветы, лишённые бюджетной самостоятельности, в свою очередь, не стремились укрепить свои бюджеты, рассчитывая на то, что в случае нехватки средств их пришлют из районного центра. В отдельные сельсоветы такие пособия достигали 80% ко всей сумме доходов¹⁶⁰.

Следующее наблюдение, опубликованное в середине 1930-х годов, весьма показательное: "В итоге всего этого получается *мелочная опека* со стороны района над сельбюджетом, что приводит к урезке бюджетных прав сельсоветов, лишению их бюджетной самостоятельности и нередко превращает сельбюджет, в глазах самого сельсовета, не говоря уже об общественности, в простой клочок бумаги. Есть немало районов, где сельсоветы фактически переведены на положение *иждивенцев*, питающихся подачками из районных центров и выполняющих обязанности ответственных сборщиков дохода" (курсив наш)¹⁶¹.

В ходе упомянутой ранее проверки в Московской области выяснялось, что по целому ряду сельсоветов расходная часть их бюджетов состояла почти целиком из заработной платы. Это был серьезный дефект сельбюджетов, свидетельствующий отнюдь не о хозяйственно-производственном, а преимущественно потребительском их характере. Сельсовет не стал деревенским хозяином, заменившим общину. Проверка выявила также факты взимания сборов с населения на дополнительную оплату работникам сельсоветов, содержание уполномоченных и ночных сторожей и т. п.¹⁶² Это было не что иное, как «самообложение».

На совещании членов ВЦИК и предриков в феврале 1932 г. мнения всех участников сошлись на том, что "район ущемляет бюджетные права

сельсоветов, и ссылается при этом на то, что его урезывает край, а при обращении к краю, там говорят: «нас урезал НКФин, поэтому мы урезаем вас»¹⁶³. В докладной записке НКФ РСФСР во ВЦИК от 5 ноября 1932 г. было недвусмысленно написано: "В условиях закрепления платежей сельского населения за сельскими бюджетами при необеспеченности районных, а в большинстве административных единиц и краевых бюджетов, закрепленными за ними доходами, перераспределение внутри краев (областей) и АССР в 1931 г. пошло в направлении изъятия средств *снизу вверх*; от сельских и городских бюджетов в вышестоящие" (курсив наш)¹⁶⁴. Такая система и в дальнейшем сохранилась и даже укоренилась. В 1934-1935 гг. установленное по годовому плану распределение доходов в ряде случаев нарушалось, и имели место прямые изъятия средств районами из сельских бюджетов и краями – из районных¹⁶⁵. Очевидно, что усиление изъятия средств "снизу вверх" соответствовал утверждению централизованного управления народным хозяйством, а также процессу, который проходил в ущерб интересам сельских советов в форме передачи "снизу вверх", непосредственно вышестоящим инстанциям, функций, раньше присущих обществу-общине.

Примечания

¹ О самообложении в 1920-е годы см.: Taniuchi Yu. *The Village Gathering in Russia in the Mid-1920's*. Soviet and East European Monographs No.1, CREES, University of Birmingham, 1968; Данилов В.П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Ежегодник по аграрной истории. Вып. 6. Вологда, 1976; Кознова И.Е. Сельские советы и земельные общества: динамика взаимоотношений в 1921-1929 гг. по материалам Европейского центра РСФСР. М., 1980 (работа депонирована в ИНИОН РАН); Яхшиян О.Ю. Самообложение в деревне 1920-х годов // Научные труды МПГУ. Серия: социально-экономические науки. М., 1998; Сафонов А.А. Советская власть и общинное крестьянство Тамбовской губернии накануне коллективизации: проблемы взаимоотношений (по материалам кампании по самообложению 1928 г.) // Власть и общество в России. XX век. М.-Тамбов, 1999. После написания настоящей статьи появилась посмертная книга проф. Ю. Таниути. Революция сверху: происхождение сталинизма (на японском языке). Токио, 2004.

² Лузин А. Резунов М. Низовой советский аппарат. М., 1929. С. 22.

³ Коммунальное дело. 1927. № 4. С. 45.

⁴ Боговой И. Деревенские будни. М.-Л., 1928. С. 129-130.

⁵ Вестник финансов. 1928. № 1. С. 80.

⁶ Летом 1923 г. ВЦИК РСФСР издал циркуляр, запрещающий органам власти вводить сборы в денежной и натуральной форме, если эти сборы не предусмотрены законоположениями, и допускающий сборы для общественных нужд только на началах добровольного согласия граждан, объединившихся для этой цели в организации (Советская волость. 1923. № 1. С. 25).

Здесь и далее о союзных законах о самообложении каждого года, см.: СЗ. 1924. № 6. Ст. 69; СЗ. 1927. № 51. Ст. 509; СЗ. 1930. № 44. Ст. 451; СЗ. 1931. № 48.

- Ст. 320; СЗ. 1932. № 65. Ст. 376; СЗ. 1933. № 32. Ст. 189; СЗ. 1934. № 30. Ст. 232; СЗ. 1935. № 30. Ст. 233; СЗ. 1936. № 40. Ст. 341. В 1928, 1929 гг. действовал закон 1927 г. с поправками. Что касается колхозников, то они не участвовали в самообложении до закона на 1930 г. включительно, но с закона 1932 г. в самообложении участвовали и колхозники. В законе 1931 г. указывалось, что "в самообложении участвуют...колхозники, имеющие необобщественные доходы".
- ⁷ Экономическая жизнь. 31 января 1924 г.
- ⁸ СУ. 1925. № 57. Ст. 455.
- ⁹ Подробнее см.: ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 90. Л. 76; Д. 91. Л. 5; Д. 92. Л. 9, 20 об.
- ¹⁰ Коммунальное дело. 1927. № 4. С. 44.
- ¹¹ НК РКФСР. Волостной бюджет и волостное хозяйство (по материалам обследования НК РКФСР). М., 1925. С. 71-82; Деревня и наши недостатки. Гомель, 1925. С. 44-45.
- ¹² НК РКФСР. Волостной бюджет и волостное хозяйство. С. 67-69.
- ¹³ Низовой бюджет и общественное хозяйство деревни. Под ред. М. Л. Леонтьева. М., 1929. С. 86; Казаков П. Самообложение крестьянского населения. М., 1929. С. 12.
- ¹⁴ Филиппов И., Крынская Б. Территория и материальная база сельсоветов. М., 1930. С. 58.
- ¹⁵ Подробнее см.: Совещание по вопросам советского строительства (апрель, 1925 г.). М., 1925. С. 99-107. В 1926 г. редакции журнала «Советский путь» и «Крестьянской газеты» получили огромное количество писем из деревни. Письма о самообложении по своему количеству уступали только письмам "о семье и браке" и "о сельхозналоге". Об анализе этого деревенского отклика, см.: Крестьянская газета. 23 ноября 1926 г.; Советский путь. 1926. № 6. С. 24-32; Советское строительство. 1927. № 4. С. 84-89. Кстати, на совещании представитель Наркомфина Е.В. Полюдов высказался за самообложение в форме натуральных повинностей, объясняя его возможностью избытком рабочей силы в деревне и неполной нагрузкой рабочего скота. Представитель Саратовской губернии называл это худшей формой самообложения в условиях НЭПа (Совещание по вопросам советского строительства (апрель, 1925 г.). С. 107, 119). Точка зрения Полюдова имеет, на наш взгляд, отношение к такой политике того времени, как разрешение применения наемного труда в сельском хозяйстве, поощрение сельских кустарей и т. д.
- ¹⁶ Совещание по вопросам советского строительства (апрель, 1925 г.). С. 184.
- ¹⁷ Советское строительство. 1927. № 4. С. 92.
- ¹⁸ Ни всесоюзный закон 1924 г., ни декрет ВЦИК от 17 августа 1925 г (о дорожном строительстве) не устанавливали принципов раскладки самообложения, последние находились по-прежнему полностью в компетенции сходов.
- ¹⁹ Советское строительство. 1926. № 3-4. С. 86-87; Революция права. 1928. № 6. С. 140.
- ²⁰ Советское строительство. 1928. № 4. С. 46; Финансы и народное хозяйство. 1928. № 16. С. 29.
- ²¹ Власть советов. 1926. № 9. С. 4-5.
- ²² Микоян А.И. Результаты кампании по снижению цен. М., 1927. С. 6.
- ²³ Контрольные цифры народного хозяйства СССР на 1927/28 год. М., 1928. С. 242.

²⁴ НКТорг РСФСР. Всероссийский торговый съезд. 25-28 апреля 1928 г. Основные вопросы торговли. М., 1928. С. 20-21.

²⁵ Экономическая жизнь. 20 августа 1927 г. (доклад заместителя председателя Хлебопродукта Капелинского о перспективах хлебозаготовительной кампании 1927/28 года.)

²⁶ ГАРФ. Ф. А-410. Оп. 1. Д. 45. Л. 87; Как ломали НЭП. Т. 2. М., 2000. С. 442. Первый источник - телеграмма И.Я. Вейцера (члена коллегии НКТорга СССР) от 9 сентября 1927 г., а второй - выступление А.И. Микояна на июльском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП(б), связанное с оценкой им роли Госплана СССР (особенно Эм. И. Квиринга) на объединенном совещании СНК СССР и СТО в сентябре 1927 г. Именно в сентябре (на самом деле, с начала 1927 г.) за повышение заготовительных цен на хлеб высказывался в Политбюро Н. Осинский (Большевистское руководство. Переписка. 1912-1927. М., 1996. С. 358). О динамике движения заготовительных цен на хлеб в те месяцы 1927 г. см.: Движение цен. № 19-20. 1927. С. 30-31; № 21-22. 1928. С. 3; № 23-24. 1928. С. 4-5; Экономическое обозрение. 1927. № 11. С. 49.

²⁷ НКТорг РСФСР. Торговля РСФСР (1925-1928). Л., 1929. С. 236.

²⁸ К апрельскому пленуму ЦК ВКП (б) эту точку зрения разделяли многие руководители партии и государства (Трагедия советской деревни. Т. 1. М., 1999. С. 34, 162; Как ломали НЭП. Т. 1. М., 2000. С. 61-62, 70-71, 80, 91. См. также статьи В.П. Шеханова и С.А. Первушина: Экономическое обозрение. 1927. № 11. С. 49-50; 1928. № 2. С. 43; 1928. № 7. С. 138.

²⁹ Заслуживает внимания, что в январе 1928 г., выступая с докладом, Сталин всерьез говорил о кулацких хлебных излишках в размере 50-60 тысяч пудов, то есть около миллиона килограммов (!) хлеба на каждое хозяйство (*Сталин И. В. Сочинения*. Т. 11. М., 1949. С. 2).

³⁰ *Сталин И. В. Сочинения*. Т. 11. С. 12, 14.

³¹ *Базаров А.* Дурелом, или Господа колхозники. Курган, 1998. С. 45.

³² Власть советов. 1927. № 42. С. 4.

³³ Вестник финансов. 1929. № 10. С. 71.

³⁴ Подробнее см.: Вестник финансов. 1929. № 7. С. 89.

³⁵ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 295. Л. 147.

³⁶ Статистическое обозрение. 1930. № 1. С. 106; Финансы и народное хозяйство. 1930. № 25. С. 20.

³⁷ Финансы и народное хозяйство. 1929. № 43. С. 2-3; 1930. № 22. С. 1; 1930. № 23/24. С. 10.

³⁸ Финансы и социалистическое хозяйство. 1933. № 9. С. 3.

³⁹ *Верлинский В.* Практика самообложения крестьянства // Экономическое обозрение. 1928. № 8. С. 34. См. также: Красная армия и коллективизация деревни в СССР (1928-1933 гг.). Неаполь, 1996. С. 102; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. М., 2000. Т. 2. С. 702; и ряд др. Существуют крестьянские воспоминания о том, как все селения в Вятской губернии отказались принимать самообложение в 1927 г. (подробнее см.: Бердинских В. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001. С. 315-316).

⁴⁰ Советское строительство. 1928. № 9. С. 59.

⁴¹ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 295. Л. 92.

⁴² ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1011. Л. 144.

- ⁴³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 341. Л. 168.
- ⁴⁴ Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 2. С. 679.
- ⁴⁵ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 296. Л. 30.
- ⁴⁶ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1011. Л. 116-117.
- ⁴⁷ Об одновременности и универсальности разных кампаний см. также следующие живые примеры: *Кудюкина М.М.* Общее и особенное в настроении крестьянства накануне коллективизации // Бахтинские чтения. Философские и методологические проблемы гуманитарного познания. Вып. 1. Орел, 1994. С. 272; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 212.
- ⁴⁸ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 281. Л. 47.
- ⁴⁹ Подробнее см.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2600. Л. 23, 37; Д. 2604. Л. 21; ЦСУ СССР. Материалы по текущей статистики обмена. Вып. 1. С. 5; Красная армия и коллективизация деревни в СССР (1928-1933 гг.). С. 102, 108; Статистическое обозрение. 1930. № 5. С. 13.
- ⁵⁰ *Верлинский В.* Указ. соч. С. 33; его же. Практика самообложения крестьянства // Известия. 7 марта 1928 г. См. также: Советское строительство. 1928. № 9. С. 59.
- ⁵¹ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1011. Л. 138.
- ⁵² ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 295. Л. 158.
- ⁵³ *Верлинский В.* Указ. соч. С. 33.
- ⁵⁴ Власть советов. 1928. № 33. С. 6; № 28-29. С. 18-19.
- ⁵⁵ Власть советов. 1928. № 33. С. 6.
- ⁵⁶ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 295. Л. 15-16.
- ⁵⁷ Газета: Коммуна. Самара, 26 июня 1928 г.
- ⁵⁸ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 295. Л. 164.
- ⁵⁹ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 281. Л. 40.
- ⁶⁰ *Боговой И.* Указ. соч. С. 131.
- ⁶¹ В 1989 г. один крестьянин в Тамбовской области, прочитав статью Н.В. Тепцова о коллективизации, писал редакции газеты «Сельская жизнь», что самообложение, как "налог изъятия средств", "и поныне существует, и сельское население уже привыкло платить, как раньше платили оброк" (*Тепцов Н.В.* В дни великого перелома. М., 2002. С. 359).
- ⁶² *Верлинский В.* Указ. соч. С. 33.
- ⁶³ СУ. 1928. № 8. Ст. 73.
- ⁶⁴ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 297. Л. 14. См. также: *Верлинский В.* Указ. соч. С. 34; Власть советов. 1928. № 28-29. С. 19.
- ⁶⁵ СУ. 1928. № 126. Ст. 806.
- ⁶⁶ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 329. Л. 164-165.
- ⁶⁷ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1191. Л. 28.
- ⁶⁸ Там же. Л. 3-4.
- ⁶⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 652. Л. 12.
- ⁷⁰ *Сафонов А. А.* Указ. соч. С. 291.
- ⁷¹ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 194; ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 296. Л. 30. См. также: Советское строительство. 1929. № 1. С. 17.
- ⁷² РГАСПИ. Ф. 17. оп. 69. Д. 603. Л. 47.
- ⁷³ Как ломали НЭП. Т. 1. С. 341. Весьма характерно, что секретарь Курского губкома А.К. Лепа не разрешил переслать эту телеграмму сельсоветам, учитывая допущенные случаи нажима в хлебозаготовительную кампанию (там же. С.

136).

⁷⁴ По воспоминанию одного комсомольца, в 1930 г. его задача была – вовлечение населения в колхоз, сбор денег на налог, страховку, самообложение, распространение займа, и хлеботорговля. "Работа была кропотливая, опасная, она требовала уравновешенности, справедливости, чтобы не принести горя людям" (Тетцов Н.В. В дни великого перелома. С. 285).

⁷⁵ Финансы и народное хозяйство. 1928. № 16. С. 13-14, 19.

⁷⁶ Экономическая жизнь. 10 марта 1928 г. (сообщение из Майкопа)

⁷⁷ Как ломали НЭП. Т. 1. С. 342.

⁷⁸ Правда. 1 апреля 1928 г.; Экономическая жизнь. 1 апреля 1928 г.

⁷⁹ Как ломали НЭП. Т. 2. М., 2000. С. 338. То же самое говорил на апрельском пленуме П.П. Постышев: "ничего, 80% собрали, а тогда письмо [Рыкова – авт.] получили" (Как ломали НЭП. Том 1. С. 135).

⁸⁰ Подробнее о хлебном рынке 1927-28 гг. и хлебозаготовке 1928 г. см. нашу статью (на японском языке): Кризис хлебозаготовок в 1927/28 с.-х. году (части 1-ая и 2-ая) // Экономический журнал (Кэйдзайгаку ронсю. Токийский университет). Т. 67. № 1. 2001; № 4. 2002.

⁸¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3551. Л. 51 об.-52.

⁸² Там же. Л. 30.

⁸³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 67. Д. 341. Л. 166. См. также: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2604. Л. 11-11 об.; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Т. 2. С. 712-713; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 226.

⁸⁴ Френкель И.Ш. Борьба с кулачеством в Курской губернии во время хлебозаготовительных кампаний 1928 и 1929 гг. // УЗ Курского пед. ин-та. Вып. 6. 1957. С. 49.

⁸⁵ Нельзя упускать маленькое указание Е. Осокиной: "наиболее ранние из найденных сведений о проведении массовых репрессий пришли из Курской губернии (конец декабря 1927 года)" (За фасадом «сталинского изобилия». М., 1998. С. 54. Прим. 4). Пожалуй, более важные сведения приводятся в статье С. Есикова «Хлебозаготовительный кризис и социально-политическая ситуация в деревне Центрального Черноземья (1927-1929 гг.)», публикуемой в настоящем сборнике. В ней сообщается, что в октябре и ноябре 1927 г. Тамбовские губком и губисполком неоднократно обращались в Москву с требованием применять чрезвычайных мер при проведении хлебозаготовок. 20 декабря 1927 г. было принято постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О предоставлении сельским Советам права производства обыска и выемок», которое допускало методы административного нажима на крестьянство.

⁸⁶ Как ломали НЭП. Т. 1. С. 135.

⁸⁷ Там же. С. 135, 151-152. По Лепе, тогда у Наркомторга была установка: "планы хлебных заготовок должны доводиться до сельсовета" (там же. С. 135).

⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3552. Л. 321-325.

⁸⁹ Как ломали НЭП. Т. 2. С. 251.

⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 84. Оп. 2. Д. 6. Л. 52.

⁹¹ Советская торговля. 1928. № 37. С. 28.

⁹² ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1011. Л. 11.

⁹³ Вестник финансов. 1929. № 7. С. 88.

⁹⁴ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1191. Л. 10.

- ⁹⁵ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 614-615, 805 (прим.186). Фактически М. А. Черновым была признана идентичность поселенного плана и продразверстки, см.: Ежегодник хлебооборота. № 4[-5][за 1929/30-1930/31 гг.]. М., 1932. С. 17. Автор разделяет точку зрения, что новый метод хлебозаготовок с доведением планового задания до села стал фактически повторением того, "как это делалось при продовольственной разверстке военных лет" (Как ломали НЭП. Т. 5. М., 2000. С. 6).
- ⁹⁶ Окуда Х. Революция в Поволжье: деревня при сталинском режиме 1929-1934 (на японском языке). Токио, 1996. С. 19 (*Сталин И. В. Сочинения*. Т. 12. М., 1949. С. 88); *Куренышев А. А.* Крестьянство и его организации в первой трети XX века. М., 2000. С. 202.
- ⁹⁷ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 615-616.
- ⁹⁸ Окуда Х. Революция в Поволжье. С. 34; В борьбе за хлеб. Материалы в хлебозаготовительной кампании 1929/30 г. М., 1929. С. 51 (М. Чернов). В связи с упоминанием Н. В. Крыленко "общегосударственной повинности" см.: Трагедия советской деревни. Т. 1. М., 1999. С. 615. См. также: *Доманевская О.* На крестьянском фронте // Социалистический вестник. Берлин, 1929. № 15 (19 августа). С. 3-5; *Прокопович С. Н.* Народное хозяйство СССР. Т. 1. Нью-Йорк, 1952. С. 180-182; *Мошков Ю. А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929-1932 гг.). М., 1966. С. 64-65; *Гущин Н. Я.* Сибирская деревня на пути к социализму. Новосибирск, 1973. С. 191-195; *Фридберг Л. Я.* Государственный хлебный фонд СССР и финансово-экономические рычаги его образования (1921-1929 гг.). М., 1976 (работа депонирована в ИНИОН РАН). С. 200-209; *Taniuchi Yu.* Decision-making on the Ural-Siberian Method // *Soviet History, 1917-1953*. N. Y., 1995; и др.
- ⁹⁹ Газета: Советская Сибирь. Новосибирск, 24 января 1928 г.
- ¹⁰⁰ *Шитц И. И.* Дневник «великого перелома» (март 1928-август 1931). Париж, 1991. С. 129-130.
- ¹⁰¹ Финансы и народное хозяйство. 1930. № 29. С. 13.
- ¹⁰² Здесь приведем лишь примеры из журнала «Финансы и народное хозяйство» (с 1931 г. «Финансы и социалистическое хозяйство»): Финансы и народное хозяйство. 1930. № 1. С. 17; № 29. С. 13; Финансы и социалистическое хозяйство. 1931. № 1. С. 17, 54; № 23. С. 27; № 27. С. 26-27; № 30-31. С. 28.
- ¹⁰³ Финансы и народное хозяйство. 1930. № 25. С. 23.
- ¹⁰⁴ Центральный государственный архив Московской области (ЦГАМО). Ф. 807. Оп. 1. Д. 2477. Л. 35, 52, 179; Д. 2479. Л. 2-3 об., 18-19.
- ¹⁰⁵ ЦГАМО. Ф. 2170. Оп. 10. Д. 16а. Л. 7.
- ¹⁰⁶ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1431. Л. 21.
- ¹⁰⁷ Окуда Х. Революция в Поволжье. С. 307; Трагедия советской деревни. Т. 2. М., 2000. С. 842. См.: там же. С. 639-641.
- ¹⁰⁸ Трагедия советской деревни. Т. 2. С. 600-601.
- ¹⁰⁹ *Безнин М. А., Димони Т. М., Изюмова Л. В.* Повинности российского крестьянства в 1930-1960-х годах. Вологда, 2001. С. 8-9.
- ¹¹⁰ *Доброноженко Г. Ф.* Коллективизация на Севере. 1929-1932. Сыктывкар, 1994. С. 102.
- ¹¹¹ Финансы и народное хозяйство. 1929. № 39. С. 19.
- ¹¹² ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 295. Л. 12 об.; *Верлинский В.* Указ. соч. С. 36.

- ¹¹³ Верлинский В. Указ. соч. С. 36.
- ¹¹⁴ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 1. Д. 1191. Л. 41.
- ¹¹⁵ Власть советов. 1933. № 11. С. 28.
- ¹¹⁶ Там же. С. 27.
- ¹¹⁷ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 296. Л. 32-33 об.
- ¹¹⁸ Там же. Л. 35.
- ¹¹⁹ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1191. Л. 9.
- ¹²⁰ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1016. Л. 2.
- ¹²¹ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1011. Л. 138.
- ¹²² ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1191. Л. 17.
- ¹²³ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 295. Л. 61.
- ¹²⁴ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1431. Л. 28.
- ¹²⁵ Подробнее см.: Экономическая жизнь. 18 мая 1928 г.; Финансы и народное хозяйство. 1928. № 51. С. 3, 8-9; Калинин М.И. О едином сельско-хозяйственном налоге на 1928-29 г. М.-Л., 1928. С. 31.
- ¹²⁶ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1191. Л. 17, 33.
- ¹²⁷ Там же. Л. 33-33 об.
- ¹²⁸ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1244. Л. 75.
- ¹²⁹ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 295. Л. 12.
- ¹³⁰ XV съезд ВКП (б). Стен. отчет. М.-Л., 1928. С. 1085.
- ¹³¹ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 281. Л. 11-13.
- ¹³² Окуда Х. Процесс становления колхозов: конец общины в России (на японском языке). Токио, 1990. С. 194-196 (Резунов М. Сельские советы и земельные общества. М., 1928. С. 39; Большевик. 1928. № 9. С. 79); Сафонов А.А. Указ. соч. С. 293.
- ¹³³ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 281. Л. 13-14.
- ¹³⁴ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 331. Л. 6.
- ¹³⁵ ГАРФ. Ф. Р-374. Оп. 6. Д. 293. Л. 108-108 об.
- ¹³⁶ СУ. 1930. № 58. Ст. 690.
- ¹³⁷ Финансы и социалистическое хозяйство. 1931. № 12. С. 17.
- ¹³⁸ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1431. Л. 32 об.
- ¹³⁹ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1574. Л. 82.
- ¹⁴⁰ Казаков П. Самообложение крестьянского населения. М., 1929. С. 4.
- ¹⁴¹ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1574. Л. 82-82 об.
- ¹⁴² ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1431. Л. 6.
- ¹⁴³ Там же.
- ¹⁴⁴ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1431. Л. 27-28; Финансы и социалистическое хозяйство. 1931. № 12. С. 17.
- ¹⁴⁵ Советское строительство. 1932. № 6. С. 121.
- ¹⁴⁶ СУ. 1931. № 47. Ст. 359; ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1618. Л. 5. Порядок проведения самообложения на 1931 год, принятый ВЦИК и СНК РСФСР 10 августа 1932 г., то есть, лишь пятью днями ранее постановления СНК РСФСР от 15 августа, еще "категорически" запрещал использование средств самообложения на зарплату работникам социально-культурных учреждений наряду с административными расходами по содержанию местных органов власти (СУ. 1931. № 44. Ст. 336). Это свидетельствует об экстренности постановления от 15 августа.

¹⁴⁷ СУ. 1932. № 70. Ст. 313.

¹⁴⁸ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1431. Л. 28.

¹⁴⁹ См. также: Буртина Е. Коллективизация без "перегибов" // Октябрь. 1990. № 2. с. 167.

¹⁵⁰ План заготовки от колхозов и земобществ, контрактовавших посе́вы, составлял часть поселенного плана (Давыдов Б. Как довести план хлебазаготовок до села? М.-Л., 1930. С. 13). Подробнее см.: Окуда Х. Революция в Поволжье. С. 56-58.

¹⁵¹ В данном случае речь идет лишь о конце общины как организации местного самоуправления деревни. Автор пока не рассматривает той роли, которую играли отдельные крестьянские общинные порядки и традиции в колхозах, однако считает важным их изучение. Автор вполне разделяет постановку вопроса И.Е. Козновой о сохранности в колхозной деревне общинных принципов и традиций (см.: Кознова И.Е. Роль традиций, исторического опыта и социальной памяти крестьянства в эволюции земельных отношений // Земельный вопрос. Под ред. Е. С. Строева. М., 1999. С. 219, 225; ее же. XX век в социальной памяти российского крестьянства. М., 2000. *Passim* (например, С. 96-97, 105-106, 124-125, 152-154); Многоукладная аграрная экономика и российская деревня (середина 80-х – 90-е годы XX столетия). Под ред. Е.С. Строева. М., 2001. С. 123, 124, 161, 188; и др. Подробнее см.: Окуда Х. "Частная собственность на землю" в России: традиции и современность (на японском языке) // Ежегодник ученого общества по сравнительному изучению экономических систем (Хикаку кэйдзай тайсэй гаккай нэнпо), 2004. т. 41. № 1.

¹⁵² О количественном росте сельских бюджетов в 1920-е и 1930-е годы, см.: Окуда Х. Самообложение 1928-1933 гг. // Okuda H.(ed.) *History of the Russian Peasantry in the 20th Century* (vol. 1). CIRJE-F-189, Faculty of Economics, the University of Tokyo. Tokyo, 2003, p. 109.

¹⁵³ Власть советов. 1929. № 15. С. 7; Леонтьев С.М. Для чего нужен сельский бюджет и как его строить. М., 1929. С. 26.

¹⁵⁴ О положении в 1932 г. см.: Советское строительство. 1933. № 10. С. 92, 97.

¹⁵⁵ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1574. Л. 27.

¹⁵⁶ Там же. Л. 61.

¹⁵⁷ Власть советов. 1933. № 11. С. 28.

¹⁵⁸ Власть советов. 1934. № 6. С. 45.

¹⁵⁹ Советское строительство. 1935. № 9. С. 18; Власть советов. 1935. № 14. С. 17-18.

¹⁶⁰ Подробнее см.: ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1244. Л. 72 об; Д. 1574. Л. 31 об.; Советское строительство. 1934. № 11. С. 60.

¹⁶¹ Власть советов. 1934. № 6. С. 45-46.

¹⁶² Власть советов. 1934. № 6. С. 45; № 19. С. 22.

¹⁶³ Власть советов. 1932. № 5. С. 26.

¹⁶⁴ ГАРФ. Ф. А-406. Оп. 10. Д. 1574. Л. 80 об.

¹⁶⁵ Власть советов. 1935. № 1. С. 42.

Ш. КОЛХОЗНОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

Нонна Тархова

«Крестьянские настроения» в Красной Армии в 1928 – 1931 гг.: (реакция армии на процессы коллективизации и раскулачивания в деревне)

Проблема места и роли Красной Армии в советском обществе неоднозначна. С одной стороны миссия армии заключалась в защите безопасности государства от внешней угрозы, с другой стороны, она зачастую использовалась для подавления «беспорядков», возникающих внутри страны, если они представляли угрозу общественному спокойствию. Примеров тому немало, и в первую очередь, участие армии в подавлении крестьянских волнений в годы гражданской войны и последующие. Ярчайшие среди них – крестьянские восстания на Тамбовщине, в Поволжье, в Сибири.

Проведение коллективизации деревни в СССР в 20-30-е годы также сопровождалось повышенной степенью насилия в отношении крестьянства. Безусловно, что это насилие в свою очередь вызывало ответную реакцию противодействия. На переход к насильственным заготовкам хлеба, сопровождавшимся арестами и обысками, крестьянство отреагировало массовыми выступлениями, которых в 1928 г. было зарегистрировано 711. Дальнейшие действия власти – сплошная коллективизация и раскулачивание, еще более обострили взаимоотношения власти и крестьянства. В 1929 г. количество зарегистрированных выступлений достигает 1307, а в 1930 г. – 13754. Только за первые три месяца 1930 г. число крестьянских выступлений составило 8018, среди которых 160 приняли повстанческий (вооруженный) характер¹. Известно, что основной вооруженной силой, используемой властью для проведения карательной политики в деревне, являлись органы ОГПУ и соответственно подчиняющиеся им войска. Но и Красная Армия не могла остаться в стороне от процессов, происходящих в обществе. Она также в той или иной степени была втянута в этот процесс.

Участие и вовлечение армии в борьбу с деревней в период ломки деревни до сих пор не стали предметом самостоятельного исторического исследования. Хотя отдельные эпизоды нашли отражение в ряде статей². Однако, что наиболее важно, за последние десять лет в научный оборот был введен немалый и достаточно репрезентативный круг источников, позволяющий будущим исследователям опираться на опубликованные

архивные документы³. Более того, опубликованные источники позволяют определить основные направления изучения роли и места армии в обществе в период коллективизации и раскулачивания деревни в СССР. *Первое* – использование армии в проведении карательных мероприятий (подавление выступлений, изъятие хлеба и имущества, проведение раскулачивания). *Второе* – политико-моральное состояние армии, ее реакция на новую политическую ситуацию в стране. *Третье* – вовлечение самой армии, как социального организма в происходящие в обществе процессы, использование ее возможностей для пропаганды и проведения в жизнь «нового курса» партии в деревне.

Важность *первого направления* определяется не только воссозданием количественной и событийной картины, происходящего в деревне насилия с участием армии, хотя это обстоятельство важно, так как до сих пор нет подобных исследований. Не менее важным является определение той черты размежевания, которая была установлена между органами ОГПУ и Красной Армией при привлечении вооруженной силы против мирного населения.

Значимость *второго направления* исходит из социального состава армии, в которой крестьянство преобладало не только в рядовом составе, но и по армии в целом. В связи с этим армия оказывалась в центре парадоксальной ситуации. С одной стороны, она была призвана защищать власть, с другой стороны, она могла стать детонатором взрыва в обществе. Уроки Кронштадта, подтолкнувшие правительство к изменению политики в деревне и принятию решений о НЭПе, были еще свежи в памяти не только власти, но и армии.

Актуальность *третьего направления* основывается на том, что армия, будучи социальным организмом, теснейшим образом связанным с деревней, не могла остаться в стороне от общественных процессов. Как и в предыдущем случае образуется парадоксальная ситуация. С одной стороны, «деревенские связи» армии активно использовались для упрочения политики власти в деревне, и на это была направлена агитационно-пропагандистская и организационная работа (последняя – в виде создания красноармейских колхозов и различных курсов для подготовки «деревенских кадров»). Это направление использования армии наиболее описано в работах советского периода. С другой стороны, «деревенская» по своему составу армия становится объектом карательных мероприятий, направленных на изъятие «социально-чуждых элементов». Эти меры, начавшиеся зимой 1928 г., как оперативные шаги власти, способствующие идеологическому усилению армейских рядов, приобрели в дальнейшем постоянный характер, превратившись в продолжение политической кампании по раскулачиванию, но уже в армейской среде. В связи с тем, что до последнего времени материалы о проведении и результатах этой кампании внутри армии были недоступны исследователям, она остается неизвестной широкому кругу исследователей, как военной, так и аграрной истории.

Таким образом, предложенные направления нацелены на изучение Красной Армии как социального объекта, а также как средства и одновременно объекта политического насилия в период коллективизации советской деревни. Цель данной статьи ограничена показом реакции Красной Армии на изменение политики в деревне.

К началу изменения политического курса в деревне, армия не только имела официальный статус крестьянской, называясь Рабоче-Крестьянской Красной Армией, но что более важно, она была таковой и по социальному составу. В 1927 г. крестьяне составляли **65,4%** от всего состава армии (против 21,8% рабочих, 8,6% служащих, 4,2% прочих). Этот процент был значительно выше среди рядового состава кадровых частей – **74,3%** (против 19,9% рабочих, 4,2% служащих, 1,6% прочих)⁴. В 1929 г., когда был взят курс на сплошную коллективизацию и раскулачивание, эти показатели незначительно понижаются, оставаясь по-прежнему высокими. Крестьяне составляли **63,6%**⁵ от всего состава армии (против 24,3% рабочих, 9,2% служащих, 2,9% прочих)⁶, а среди рядового состава – **71,8%**⁷ (против 22,5% рабочих, 4,2% служащих, 1,5% прочих)⁸. Зная общую численность РККА в 1929 г. – 613286 человек, а число рядового состава – 417127 человек⁹, не трудно сделать расчеты. Таким образом, в 1929 г. крестьянская прослойка в армии составляла – **390049 человек**, а среди рядового состава – **299497 человек**. Добавим к этому, что наибольший процент крестьян в армии приходился на сухопутные силы, которые насчитывали в 1929 г. – 560802 человек¹⁰, что составляло – 91,4% от всей армии в целом. Как известно, в военно-морские и военно-воздушные силы предпочитали призывать рабочих, имеющих более высокий, чем крестьяне навык работы с техникой.

В рассматриваемый период в Красной Армии был установлен трехгодичный срок военной службы. С учетом приведенных выше цифр следует, что ежегодный взаимообмен между армией и деревней составлял около 100 тыс. человек. При этом отметим, что контингент военнотружеников представляли молодые мужчины (в возрасте 22-25 лет), относящиеся к активной части деревни и являющиеся ее будущим. Возвращаясь после службы в деревню, они становились основными «винтиками» власти, на которых ложилась ответственность за ее действия, а в итоге эффективность проведения «новой политики».

Помимо кадровых частей Красная Армия имела систему территориальных формирований, через которые также проходило мужское население страны, в том числе и старшие возраста, призываемые на ежегодные сборы. В 1929 г. крестьянская прослойка переменного состава территориальных частей составляла 720116 человек¹¹, что почти в два раза превышает численность рядового состава кадровых частей. Таким образом, ежегодно через армию (ее кадровые и территориальные части) проходило более 800 тыс. человек.

При желании статистический ряд можно продолжать, подкрепляя его цифрами, детализирующими крестьянскую прослойку по видам и родам

войск. Но даже эти общие показатели достаточны, чтобы понять какую потенциальную социальную силу представляла для властей армия. В лице ее власть могла получить либо крепкого союзника, либо серьезного противника. В связи с этим, настроение армии, именуемое в официальных бумагах как политико-моральное состояние, для власти всегда являлось предметом повышенного внимания.

Изучение политико-морального состояния армии не было новым явлением для армейских политорганов. Эти обязанности входили в их функции всегда. За время существования политорганов была сформирована достаточно гибкая система, как самих органов, так и соответствующей информирующей документации. Система политорганов строилась в армии по вертикали: полк – дивизия – округ – Политуправление РККА. *Политаппарат полка*, являясь низовым звеном, состоял из а) военного комиссара полка, б) полкового бюро ВКП(б) во главе с секретарем, в) организатора работы ВЛКСМ, г) политических руководителей (по числу рот и команд в полку), д) школы (в составе всех учителей), е) клуба во главе с начальником, ж) библиотеки, возглавляемой заведующим. Верхние звенья политаппарата (дивизионный и окружной) включали *политический отдел дивизии* и *политическое управление военного округа*, в составе которых действовали отделы (организационный, агитационно-пропагандистский, общий). *Политическое управление РККА (ПУ РККА)* являлось руководящим центральным органом военного ведомства, ведавшим вопросами политического руководства и воспитания армии. Оно действовало на правах отдела ЦК ВКП(б), которому подчинялось в партийном отношении. Такое двойное подчинение ПУ РККА способствовало установлению тесной связи партии и армии не только в сфере проведения партийных решений в массы, но и в сфере информирования высших и центральных органов власти о настроениях и колебаниях армейских масс.

Система информирования о ежедневной жизни армии была выстроена по той же схеме, что и структура политорганов. Военком полка составлял периодические донесения, отправляя их наверх. Политотдел дивизии, получая донесения из полков, группировал информацию в форме политических сводок, направляя их далее по инстанции. Соответствующую работу проводило политуправление округа, получая дивизионные политсводки. Периодичность составления политсводок (как дивизионных, так и окружных) четко регламентировалась служебными документами. О чрезвычайных ситуациях, происходивших в период между составлением сводок, политорганы должны были сообщать внеочередными донесениями. Сводки и внеочередные донесения являлись повседневными периодическими формами отчетности и информирования.

Поступавшая снизу в ПУ РККА информация перерабатывалась в зависимости от дальнейшего ее назначения, приобретая форму либо официальной документации, либо оставаясь в недрах аппарата как рабочий материал. Официальное информирование шло по определенному списку

и имело два направления: «наверх» – по линии партийных и государственных органов (ЦК ВКП(б), СНК, ОГПУ и др.) и «вниз» – по линии армейских политорганов (политуправление военного округа, иногда корпуса). Формы информирования были различными. Это могли быть – *периодические политсводки* о политико-моральном состоянии армии, содержащие фактический материал; *обзоры*, анализирующие тенденции и направления; *доклады*, конкретизирующие различные ситуации. Итоговым результатом всей информационной деятельности ПУ РККА являлись ежегодные доклады о политико-моральном состоянии армии. Таковы были механизм и принципы сбора, анализа и рассылки информации о состоянии армии.

Помимо ПУ РККА информация о Красной Армии, ее политико-моральном состоянии собиралась органами ОГПУ, в частности особыми отделами, действовавшими в составе армии и подчинявшимися Особому отделу ОГПУ¹², который в свою очередь, являлся независимым от политорганов источником информирования властей. Статус ОО ОГПУ и соответственно местных его органов с началом «нового курса» партии в деревне возрастает, о чем свидетельствует тот факт, что с 1927 г. происходит совмещение должностей начальника ОО ОГПУ и заместителя председателя ОГПУ. С этого времени Г. Г. Ягода становится одновременно руководителем ОО ОГПУ.

Описание механизма и принципов сбора информации было предпринято нами неслучайно. Знание их позволяет: *первое* – оценить степень достоверности и презентативности имеющихся в арсенале исследователей источников, *второе* – проследить оперативность фиксации происходящих в армейской среде явлений, *третье* – определить причины принятия тех или иных решений, имеющих отношение к деревне.

«Крестьянские настроения»¹³ в армии, на показ которых нацелена эта статья, не были новым явлением для Красной Армии. Под этим уже вошедшим в армейскую политическую терминологию выражением подразумевался повышенный интерес крестьянских слоев армии к событиям в деревне, желание скорейшего возвращения домой, и, наконец, недовольство деятельностью властей в отношении деревни. Безусловно, что принятые в ноябре 1927 г. решения партии об усилении хлебозаготовок¹⁴ должны были дать реакцию армии. И она последовала.

В январе 1928 г. на совещании начальников политуправлений военных округов была принята закрытая резолюция, первый пункт которой гласил: «Хлебозаготовительная кампания дала уже свое отражение в армии, но не в одинаковой степени в отношении различных округов (наиболее резко в СКВО¹⁵, затем в УВО¹⁶, в меньшей степени в ПриВО¹⁷; "крестьянские настроения" пока еще не совсем затонули флоты)». Наряду с ростом КН в резолюции был отмечен еще ряд серьезных тенденций: «слабость» работы низового звена политорганов и ее «непопоротливость» (пункт 2); «недопонимание» армейской парторганизации линии

партии в деревне, правда с оговоркой «некоторой части» (пункт 2); наличие «в казарме классового чуждых элементов», и опять с оговоркой «очень незначительное» (пункт 3); «попытки со стороны деревни воздействовать на советскую власть через армию путем посылки жалоб, писем, ходоков» (пункт 3)¹⁸.

Не вызывает сомнения, что все отмеченные явления заставили политорганы серьезно задуматься над возникшей в армии ситуацией. Об этом свидетельствуют не только сроки подготовки, но и уровень лиц, участвующих в работе по составлению резолюции. Она была утверждена и разослана в округа 3 февраля 1928 г., лишь через месяц после проведения совещания. И хотя резолюция исходила от имени совещания, в действительности в ее составлении и редактировании активное участие принял начальник Политического управления РККА А. С. Бубнов, который в собственноручно составленной препроводительной записке к ней написал: «Предлагаю принять к руководству в качестве моих директив». Более того, им же был вписан последний (девятый) пункт, подчеркивающий значение всей предстоящей работы политорганов: «Всю работу по укреплению политико-морального состояния РККА политсостав и парторганизации должны вести, учитывая, что Красная Армия является крупнейшим фактором в деле проведения политики партии в деревне и укрепления ее влияния среди масс батраков, бедняков, середняков»¹⁹.

В этой же резолюции было зафиксировано принципиально важное решение о систематическом изучении настроений красноармейцев. Пункт 7 гласил: «Политорганам все настроения красноармейцев на почве проведения политики партии в деревне и в особенности последних мероприятий внимательно изучать и освещать в текущих информационных донесениях»²⁰. Дальнейшее развитие этого решения повлекло за собой появление целого ряда информационных источников, составивших основу для написания данной статьи. Первыми из них стали две сводки ПУ РККА – от 14 февраля и от 10 марта 1928 г.

Прежде чем перейти к анализу содержания этих сводок позволим немного внимания уделить принципам их составления, ибо в последующем подобная форма обобщения фактической информации активно использовалась ПУ РККА в своей дальнейшей информационной работе, в том числе и при характеристике «крестьянских настроений». Основу сводок составляют выдержки из писем, полученных красноармейцами из деревни, а также цитирование их высказываний на различных собраниях и разговорах (хотя и в меньшей степени). При цитировании писем указывался как автор, так и адресат письма, что позволяет определить степень родства состоящих в переписке. В большинстве случаев авторами писем в армию были прямые родственники (отец, брат). Отметим, что эту важную для села социальную функцию – поддержание семейных связей, выполняла мужская часть деревни. Чрезвычайность событий в деревне заставляла писать и других лиц (кум, демобилизованный красноармеец и пр.). Таким образом, сводки представляют собой совокупность

выдержек писем «из народа».

В последнее время наблюдается повышенный интерес исследователей к этой группе источников, о чем свидетельствуют многочисленные публикации сборников (даже серийные) «писем к власти». Намного реже публикуются (преимущественно в журналах) письма «личные», адресованные к родным, близким, друзьям. Причина такой ситуации нам видится в том, что «личная переписка» хранится в семейных архивах и может стать доступной для общества при желании владельцев. Письма «во власть» направлялись конкретным государственным, политическим или общественным деятелям, либо в органы власти и редакции газет, поэтому они отложились в государственных архивах и более доступны для исследователей.

Отмеченные нами особенности информационных сводок в отношении «писем из деревни» очень важны, так как делают сводки источником своего рода бесценной эпистолярной информации, исходящей от деревни. Ценность этой информации повышается в силу того, что в письмах к родным деревня писала «от души», выражая свои чувства открыто, без оглядки на власть и цензуру. В них были не только собственные эмоции, но и новости родни, соседей и, наконец, деревни в целом. В письмах «во власть» эмоциональный фон мог меняться, ведь от власти крестьянин ждал либо конкретной помощи (письмо-жалоба), либо одобрения своим действиям (письмо-обращение). Это, на первый взгляд не столь явное, но все же присутствующее, различие между письмами «личными» и «во власть» делает информационные сводки о крестьянских настроениях важными историческими источниками.

Другая особенность информационных сводок заключается в том, что в них при цитировании писем указывается не только источник «деревенской информации» (кто пишет, из какого села), но и источник «политической информации» (из какого политдонесения нижестоящего звена взята конкретная выдержка). Ссылка на источник информации (особенно при кампеляции) позволяют исследователю проводить анализ ее достоверности в случае необходимости.

Отметим также еще одну особенность сводок – принципы подачи информации. В основу сводок положен тематический принцип систематизации информации, что позволяло политорганам в свою очередь обратить внимание на злободневные вопросы и показать развивающиеся тенденции. Более того, каждый тематический раздел (какой бы он не был по величине) содержал в себе первичные выводы, которые в конце сводки объединялись в итоговую часть. Обязательное присутствие выводов, являющееся составной частью армейских оперативных и разведывательных сводок, стало важнейшим элементом и политических информационных сводок.

Анализ КН в армии за первые два месяца «нового курса» в деревне показал, что явления, зафиксированные в январе 1928 г. (в приводимой резолюции совещания) получили дальнейшее развитие в последующие

месяцы – в сводках за февраль и март. Выводы и примеры, содержащиеся в этих информационных сводках, давали более обстоятельную картину настроений в армии. В них на конкретных примерах из писем и высказываний показывалось: *первое* – реакция деревни на усиление ХЗ; *второе* – реакция красноармейцев на события в деревне; *третье* – отражение «деревенских дел» на социально-политической ситуации в армии; *четвертое* – неготовность армейских политорганов и всей партийной организации (рядовых коммунистов и комсомольцев) к работе в новых условиях. Позволим перейти к основным выводам сводок с использованием отдельных наиболее ярких выражений из них.

Реакция и настроения деревни: общий вывод – деревня шокирована действиями властей, она бросилась за советом и помощью к своим сыновьям в армию. В отношении помощи уточнялось – она «не просто жалуется своим сыновьям, а просит у них помощи», просит «защиты против действий местных властей», просит содействия в борьбе против «притеснений»²¹. Более того, в сводке от 14 февраля отмечалось, что «иногда даже пытается восстановить красноармейцев против службы в армии – предлагает бежать из армии, а в отдельных случаях просит вооруженной поддержки». Итоговый вывод первой сводки (от 14 февраля) был еще более категоричным – «деревня через свои письма усиленно втягивает красноармейцев в деревенские дела и даже требует от своих сыновей в армии помощи и противодействия хлебозаготовительному нажиму»²².

Количество приходящих из деревни в армию писем в сводках характеризовалось, как «потоки писем» с жалобами на «притеснения», «возвращение разверстки 1920 г.» и т.д. При этом отмечалось, что «особенно силен был этот поток в СКВО, отчасти в УВО, слабее в других округах», приводился пример, свидетельствующий о масштабе этого «потока писем» – в Новочеркасском гарнизоне (СКВО), насчитывающем 5 тыс. человек, за день было получено до 6 тыс. писем. В сводке от 10 марта отмечалось распространение этой тенденции и на другие округа²³. Приводимые далее цитаты из сводок показывают первую реакцию деревни.

Описание происходящих событий: «До каждого приходят ночью и забирают хлеб...»; «Мельницы все закрыты...»; «Мелют за хлеб и по норме...»; «В лавках ничего не дают...»; «В лавках продают только за хлеб...»; «Со всех берут, а ведь деньгами не берут...»; «На деньги купить ничего нельзя»; «У кого хлеба нет, берут лошадь и корову, что у хозяина есть, то и берут...»; «Берут расписку с обязательством, что крестьянин к такому-то числу должен хлеб сдать; при расчете с крестьянином за хлеб ему навязывают облигации или приходят на следующий день и заставляют подписаться, говоря, что деньги у тебя есть, давай сюда...»; «За продналог судят и за страховку описывают, забирают вещи, судят и наделяют облигации...»; «Приходят тройки и предлагают весь излишек продать...»; «Всем зажиточным хозяевам раздали повестки для вывоза хлеба, предвидется гибель...»; «На деревню прислана разверстка 10000

пудов (3 пуда с засеянной десятины)...»; «Хлеб заставляют продавать кооперации в то время, когда частник платит дороже...»; «Запретили продавать хлеб на базарах, а бедняку купить негде, так что придется трудно переживать до нового хлеба...»; «Покупают хлеб за 1 р. 15 к., а семенная ссуда 1 руб. 35 копеек...»; «Милиция забирала у крестьян, приехавших на базар, все продукты (зерно, мука, куры). Все отвозили в отделение милиции и там расплачивались, по каким ценам не известно».²⁴

Состояние деревни: «Сообщаю великие новости...»; «Все наши ходят как дурные»; «ну одним словом хуже войны...»; «У нас сейчас такое идет, что сам черт не поймет»; «Предвидится гибель...»; «В станице народ стал прямо как мертвый...»; «У кого хлеба нет, ходит нагишом»²⁵.

Реакция деревни: «Народ поговаривает делать забастовку и разбивать амбары кулаков...»; «Народ бунтует насчет хлеба...»; «Хотят устроить голодовку, как в 1921 г...»; «На 11-м году революции советская власть начала опять требовать налоги, также, как и в 1921 г...»; «Вернулась проклятая продразверстка, как в 20-21 гг...»; «Вы там служите, а у нас дела плохи, в 10-ю годовщину говорили, что все хорошо, говорили про достижения, но пережили мы разруху и голод, а такого несчастья еще не было...»; «А все потому, что нет союза между крестьянами – один против другого, а если бы был союз крестьянский, то сыграло бы что-либо другое, тогда бы крестьянам и товары всевозможные, и с/х машины. Это нужно и вам ...»; «Не обижайся на службу, потому что дома еще хуже – работай как собака [за] этот несчастный хлеб, а продать не имеешь права...»²⁶.

Деревня ищет защиты у армии: «Напиши нам, у нас есть слухи, что будет мобилизация ... и будут забирать хлеб, чтобы кормить их. Потом у нас говорят, что деньги скоро пропадут...»; «Мы, наверное, останемся без хлеба и будем голодать зиму. Скажи там своим начальникам, чтобы они помогли нам в этом, как семье красноармейца...»; «У нас говорят мир только до апреля, а с апреля начнется война, посоветуй, как поступить или хлеб сдать, а набрать мануфактуры, или хлеб запрятать...»; «Дорогой сынок, ...постарайся дать ответ, что оно там предчувствуется или какая война на носу, или договор заключили с каким государством, чтобы платить пшеницей...»; «Что же ты там служишь, помоги нам старикам, а то мы наверное, будем зиму голодать...»; «Это нужно и вам красноармейцам, крестьянским сынам, выступать на собраниях и высказываться и защищать своих отцов-крестьян, чтобы дать им отдохнуть и хоть немножко окрепнуть, ведь все движение идет только через крестьян, а их угнетают; еще раз прошу – выступайте на собраниях (*подчеркивание документа*) и митингах и защищайте свою крестьянскую кровь (кум)...»; «Ну здорово наш защитник, ...должен сказать, что недоволен на тебя...»; «Солдатики, зачем вы служите, мы голодаем, нам не дают хлеба...»²⁷.

Реакция и настроения красноармейцев на события в деревне. Общий вывод – хлебозаготовки вызвали большую волну крестьянских

настроений в армии. Если в сводке от 14 февраля настроения красноармейцев отмечались, как еще «не оформившиеся в целом», «возможно дальнейшее усиление недовольств красноармейцев по мере получения писем из дому», то в сводке от 10 марта говорилось о распространении «волны крестьянских настроений» и на другие округа и достижения «кульминационного пункта» и «наибольшего напряжения» к середине – концу февраля. При этом отмечался даже спад этой волны. Основными источниками информации для армии являлись письма, но в сводке от 10 марта уже говорится о других путях – «ходоки» и отпуски²⁸.

Общая характеристика настроений давалась в следующих выражениях – реагируют «довольно болезненно», «особенно болезненно воспринимается самообложение», проявляют «растерянность», «нервозность», непонимание «доходящих до них отдельных сведений и слухов», «того что делается в деревне», «в общем, совпадают с настроениями деревни: те же разговоры о введении разверстки, о близости войны», «чаще всего повторяют в тех же почти формулировках недовольства крестьян». Отмечалась более резкая реакция переменного состава армии, который «в ряде случаев» пытался даже «воздействовать на армию, чтобы она заступилась»²⁹.

Основные мотивы КН. Если в сводке 14 февраля просто фиксировалось наличие КН, то в сводке 10 марта уже внимание нацелено на их «мотивировку», анализ которых составляет самостоятельный раздел. В итоговых выводах сводки от 10 марта (пункты 1-3, 5) говорилось: «ХЗ и самообложение в деревне стоят в центре внимания красноармейцев и держат их в напряженном состоянии», «по-прежнему много разговоров идет вокруг вопроса – зачем берут хлеб, куда его отправляют», «в связи с ХЗ среди красноармейцев отмечались разговоры о ликвидации НЭПа, о возвращении времен военного коммунизма», «кампания ХЗ весьма часто связывается красноармейцами и крестьянами с войной, с платежами за границу»³⁰.

Основными мотивами КН признавались «вопросы вокруг хлеба», в частности – проведение кампаний по хлебозаготовкам и самообложения, сбору недоимок, ограничение свободной торговли хлебом и низкие цены на хлеб (запрещение перевозить хлеб из района в район, продажа товаров только за хлеб). Наряду с этими приоритетными причинами были и другие, вызывавшие усиление КН красноармейцев, в частности – обесценивание денежных накоплений в деревне («никчемность», «ненужность» денег) и недовольствие действиями местных властей³¹.

Важность «хлебного вопроса» для деревни не требует никаких пояснений. Обращает на себя внимание содержащийся в сводке от 10 марта вывод, что в вопросах ограничения торговли и низких цен на хлеб «смыкаются интересы зажиточного крестьянина, кулака, частично середняка». Актуальность «денежного вопроса» для красноармейцев объяснялась тем, что полученные в армии деньги зачастую посылались ими в качестве конкретной помощи близким: «Ты нам деньги не перечисляй, они те-

перь не нужны...». В связи с этим красноармейцы советуют своим родным – взять деньги из сберкасс. Не понимая происходящие события, красноармейцы связывали их с действиями местных властей. Эта тенденция, как распространенное явление, была зафиксирована в конечных выводах сводки от 10 марта, при этом отмечалось, что «местами это выливается в озлобленность красноармейцев и угрозы по их адресу»³².

Безусловно, что поток писем из деревни вызвал ответный поток, но уже в деревню. Эти письма (как и «деревенские письма») не отложились в архивах. К сожалению, не выявлены пока и сводки, обобщающие их, составляемые все теми же армейскими политорганами. Однако в рассматриваемых нами сводках имеется информация о том, что пишут и советуют красноармейцы своим близким. Среди них – «сократить посевы весной», «не платить самообложение», «взять деньги из сберкасс, пока не лопнули»; в отношении же местных властей – угрозы. Правда, при цитировании подобных советов в сводках зачастую присутствует оговорка «отдельные», «некоторые», «в ряде случаев». В сводке от 10 марта отмечается, что деятельность местных властей стала причиной жалоб и обращений красноармейцев в центральные органы власти, Калинин. Более того, среди предложений со стороны «некоторых красноармейцев» были и о «посылке в деревню комиссии из армии». Отмечались и более серьезные «угрозы», в частности, дезертирство из армии³³.

Наряду с отмечающейся общностью настроений деревни и армии в сводках указывались *особенности настроений красноармейцев*. Одна из них – «заостренность политических выводов», другая – проявлялась в том, что «материально-бытовые недочеты в части полностью увязываются с хлебозаготовками». Уже в сводке от 14 февраля указывалось, что красноармейцы «чаще всего повторяют в тех же почти формулировках недовольства крестьян, с большей силой заостряют политические выводы, противопоставляют город – деревне, рабочий класс – крестьянству, командира – красноармейцу». Эти же факты отмечаются и в сводке от 10 марта, но уже со словами «резкого противопоставления». Более того, в выводах к сводке (пункт 4) говорится об этом, как о достаточно распространенном явлении: «Часто также в связи с хлебозаготовками заостренно ставится вопрос о взаимоотношениях города и деревни: ХЗ рассматриваются, как изъятие хлеба для рабочих и улучшение жизни рабочих за счет крестьян вообще»³⁴.

Усиление недовольства красноармейцев было отмечено и по отношению «к материально-бытовым недочетам», которые «полностью увязываются» с ХЗ. Если в сводке от 14 февраля эти проявления недовольств фиксировались, как отдельные факты, то в дальнейшем отмечалось их усиление: «ХЗ еще более обострили чуткость красноармейцев к внутриармейским недочетам: материально-бытовые недочеты вызывают еще более резкие недовольства, чем обычно»³⁵.

Отражение «деревенских дел» на социально-политической си-

туации в армии. Общий вывод – события в деревне способствовали расслоению в среде красноармейцев–крестьян и разделению их на социальные группы – бедняков, середняков и кулаков. Более того, эта тенденция была отмечена и в отношении комначсостава. Уже в первой сводке от 14 февраля указывалось на социальное расслоение казармы как «довольно отчетливое деление» с наличием «даже» отдельных случаев «острого классового антагонизма» между кулацкой и бедняцкой группами крестьян. Однако в итоговых выводах к сводке (пункт 3) оно фиксировалось с оговоркой «наметилось расслоение». В связи с этим во второй сводке (от 10 марта) уже было обращено внимание на более детальный анализ поведения и реагирования различных социальных групп красноармейцев. Этому вопросу был посвящен самостоятельный раздел. В нем подтверждалось «отчетливое» расслоение, при этом указывалось, что основным местом для споров становятся «трибуна красноармейских собраний», которые в свою очередь «резко разделились на два лагеря – кулацко-настроенных красноармейцев и бедняков»³⁶.

Настроения *бедняков* характеризовались как «одобряющие» политику ХЗ и нажима на кулака, но наряду с этим в сводках отмечались и проявления «своих подчас очень резких» недовольств, идущих «с другого конца, чем у зажиточных и даже середняков». В большинстве своем они касались вопросов торговли (только по линии кооперации и только за хлеб): «Все продают за хлеб, а хлеба у бедняка нет, значит, выгадывает кулак. Бедняк продал свой хлеб раньше, когда товаров не было...» или «Нажим на кулака есть, а помощи бедноте нет или она слаба...». Любопытен вывод, сделанный в отношении бедняка, который «очень часто не имеет твердой позиции, а иногда подпадает под влияние кулацких элементов и крепких середняков и выступает с ними». *Середняков* «больше всего волнуют низкие цены на хлеб, высокие – на товары и нажим по усилению сдачи хлеба», при этом отмечалось, что середняки «вообще иногда блокируются с кулаком». Последние, говорилось в сводке, «ведут себя очень осторожно, часто замкнуто, а выразителями их интересов выступают крепкие середняки». Интересно, что при характеристике настроений кулаков была сделана оговорка – «ХЗ еще раз показали, что в армию просочились отдельные кулацкие элементы»³⁷. Позиция *рабочих* характеризовалась – «стоят в стороне», «интереса к ХЗ не проявляют», «относятся безразлично, как к не касающемуся их делу»³⁸.

Первоначальный анализ ситуации в армии показал, что события в деревне отразились и на настроениях *комначсостава* – «прежде всего, различно реагирование младшего и среднего» звена. Этому вопросу во второй сводке (от 10 марта) отведен специальный раздел, выводы которого были неутешительными. Реагирование *младшего начсостава* (далее н/с) «ничем не отличается от рядовых красноармейцев (вплоть до деления на социальные группы деревни – бедняков, середняков, зажиточных)», при этом отмечалось, что его «выступления более четко и закончено политически формулированы» в связи с лучшим развитием. Реак-

ция *среднего начсостава* отмечалась как «неоднородная». *Беспартийный начсостав* проявил полное «безразличие» к происходящим в деревне событиям, высказывая «иногда даже недовольство новой дополнительной нагрузкой, мешающей прямой его работе – военной учебе»³⁹.

Неподготовленность политорганов армии и всей партийной организации к разъяснительной работе. Общий вывод – политаппарат и парторганизации к хлебозаготовительной кампании оказались неподготовленными, выявилось незнание и непонимание сущности кампании. Работа среди красноармейцев разворачивалась вяло и охватила незначительные массы. При этом отмечалось, что партийцы и комсомольцы, в ряде случаев, не только не могли противостоять недовольствам красноармейцев, но и «сами оказались в хвосте» беспартийных, выражая недовольство кампанией. Были примеры, когда даже комиссары частей «допускали в разъяснительной работе политические ляпсусы» или «проявляли нервозность под давлением красноармейских настроений». Эти выводы были подтверждены и в сводке от 10 марта с той только разницей, что среди примеров нездоровых явлений среди партийцев и комсомольцев отмечались отдельные случаи даже выхода из партии. Основным недочетом их деятельности по-прежнему оставалось – незнание существа кампании и объяснение ее, как искривление работы местных властей, сглаживание, затушевывание вопроса⁴⁰.

Выводы первых сводок ПУ РККА заставили руководство военного ведомства в лице наркома К. Е. Ворошилова написать 13 марта 1928 г. начальнику ПУ РККА А. С. Бубнову следующее распоряжение, с оговоркой «только лично». Приведем его полностью, ибо эта небольшая по размеру записка говорит о значимости зафиксированных явлений:

«Хлебозаготовительная кампания 1927/28 года отозвалась в частях Красной Армии целым рядом болезненных явлений. В целях наибольшего их учета и практических выводов для дальнейшего военного строительства, считаю необходимым самым внимательным образом изучить все имеющиеся у Вас по этому вопросу материалы.

Кроме того, полагаю полезным затребовать дополнительные, обработанные в форме докладов, материалы от СКВО, СибВО, ПриВО, УВО и МВО. В эти доклады должны быть включены не только данные, имеющиеся в политорганах Красной Армии, но также материалы местных партийных, советских и кооперативных органов. После проработки всего вопроса в целом, прошу представить мне, по возможности, краткий доклад в письменном виде с Вашими выводами»⁴¹.

Доклад, который требовал К. Е. Ворошилов, был подготовлен ПУ РККА 7 апреля 1928 г. в виде справки, подписанной начальником информационно-статистического отдела ПУ РККА Черневским, под названием «Краткие выводы об отражении хлебозаготовительной кампании в Красной Армии и работе партполитаппарата в связи с ней»⁴². В этой справке содержалось 8 пунктов, из которых пять – представляли собой

выводы, требуемые наркомом. Все они подтверждали ранее приводившиеся в сводках:

1) Проводимые партией в деревне кампании — по хлебозаготовкам, самообложению и взиманию недоимок по сельхозналогу, а также по размещению в деревне займа восстановления крестьянского хозяйства нашли широкое отражение среди красноармейского состава Красной Армии и Флота.

2) Настроения деревни передались (через письма, ходоков и отпусковников) крестьянской части армии, вызвав ряд нездоровых явлений и разговоров, в том числе когда недовольства экономического порядка приобретали политическую окраску.

3) В реагировании красноармейцев—крестьян на кампанию хлебозаготовок проявился их классовый состав. Причем, в первые недели кампании недовольства высказали представители всех трех групп крестьян. Если зажиточная часть крестьянства активно проявляла свои недовольства, середняцкая часть крестьянства часто «блокировалась и шла с зажиточными, во всяком случае прислушивалась к ним», то бедняцкая часть имела «свои особые недовольства, проявляла малую активность, а иногда подпадала под влияние остальной части крестьянства».

4) Младший начальствующий состав и курсанты полковых школ (как более образованная часть рядового состава) также не проявили политической сознательности, а в некоторых случаях «крестьянские настроения» среди них были не менее активны.

5) Кампания по хлебозаготовкам обнаружила целый ряд недочетов в области строительства армии, проявившихся прежде всего в вопросах: комплектования армии в целом и полковых школ в частности; в вопросах материально—бытового обслуживания частей; в отрыве начсостава от рядового состава; в недостаточной связи кадров тердивизий с переменным составом.. Не менее серьезные недочеты выявились и в работе партполитаппарата — несвоевременное, медленное и неглубокое реагирование, и даже паникерство, растерянность и даже проявления крестьянских настроений самими партийцами.

В заключении «справки» содержались слишком оптимистические выводы и надежды: об овладении ситуацией с КН, об убыли КН и их сохранении лишь в связи с отдельными извращениями. Завершалась «справка» словами: «Выводы из данной кампании, таким образом, сделаны и необходимо их, лишь провести в жизнь»⁴³.

Наряду с ПУ РККА, как отмечалось ранее, политико—моральное состояние армии отслеживалось по линии ОГПУ. Возможно, что это ведомство было в числе первых, зафиксировавших тенденцию к повышению «крестьянских настроений в армии». В докладной записке, подписанной зам. начальника Особого отдела ОГПУ Ольским и посланной 24 января 1928 г. по указанию Г. Г. Ягоды на имя К. Е. Ворошилова и А. С. Бубнова, отмечалось: «Начиная с осени 1927 г. в армии замечается некоторый рост крестьянских настроений, каковые по данным ОО ОГПУ, за

последнее время значительно усилились. Особенно сильный толчок этим настроениям дали последние мероприятия, связанные с усилением ХЗ»⁴⁴. Приводя примеры отдельных высказываний и случаев агитации, особенно за «крестьянские союзы», ОО ОГПУ возлагал ответственность за усиление КН на армейские политорганы и парторганизации, которые своей «недостаточной деятельностью» в отношении «этих преувеличенных сведений, идущих из деревни» создают «благоприятную почву для усиления крестьянских настроений»⁴⁵. Такое обвинение со стороны ОГПУ не могло порадовать ни Ворошилова, ни Бубнова; оно могло стать причиной серьезных последствий как для армии в целом, так и для руководства в частности.

Правомерно предположить, что именно ОГПУ подтолкнуло НКВМ (в лице ПУ РККА) к серьезной фиксации негативных явлений в армии, выразившейся в итоге в форме резолюции упоминаемого нами совещания начальников политуправлений военных округов. К такому выводу нас заставляет придти труднообъяснимый разрыв (почти месяц), имеющийся между днями проведения совещания (начало января 1928 г.) и датой утверждения и рассылки резолюции в округа (началом февраля 1928 г.). Просмотр сводок политуправлений военных округов может подтвердить или опровергнуть наше предположение, но как бы то ни было, отдадим должное оперативной работе особых отделов.

В приводимой записке ОО ОГПУ было обращено внимание еще на одну острейшую тенденцию в армии – «обострение антагонизма между крестьянскими и рабочими слоями красноармейцев, причем на почве недостойного поведения красноармейцев-рабочих», в том числе, появление их в пьяном виде после возвращения из краткосрочных отпусков.

В дальнейшем ОО ОГПУ продолжал информировать руководство НКВМ⁴⁶ о своих наблюдениях и выводах в состоянии армии. Так, 2 апреля 1928 г. в адрес Ворошилова, Уншлихта и в ПУ РККА (Славино) была направлена новая сводка «Настроения в РККА в связи с кампаниями по хлебозаготовкам, самообложению и размещению крестьянского займа». Подтверждая все вышеприведенные выводы, ОО ОГПУ был более реалистичным во взглядах на будущее: «Несмотря на достигнутый в основном перелом в настроениях наличие в весьма широких размерах крестьянских настроений в армии на ближайшее время будет сохраняться и требует к себе особого внимания»⁴⁷.

К лету 1928 г. ситуация в армии продолжала оставаться напряженной. Июнь принес «новый прилив» КН в частях и «нажим» деревни на армию. В связи с этим вопрос о политико-моральном состоянии РККА стал предметом пристального внимания не только политического руководства армии, но и более высокого уровня. 22 июня 1928 г. этот вопрос был обсужден на расширенном заседании РВС СССР, принявшем в итоге соответствующее постановление РВС СССР. В нем были зафиксированы все те явления, отмечаемые в информационных материалах ПУ РККА. В постановлении от 27 июня 1928 г. «О политико-моральном состоянии

РККА»⁴⁸, наряду с положительными результатами, достигнутыми с начала военной реформы 1924 г., указывались и трудности, «отражающиеся» на строительстве и состоянии Красной Армии и «неизбежно сопровождающие» рост и укрепление социализма в стране. К таким «трудностям» и «противоречиям» были отнесены хлебозаготовительные затруднения, а также активность кулацкой части крестьянства. Отдельный пункт постановления указывал на рост КН в армии. При этом, отмечалось, что «нынешние КН в казарме характеризуются не только своей остротой, но и тем, что они будут иметь более или менее длительный характер, ибо в настоящее время мы вступили в такой период, который характеризуется усилением нашего наступления на частнокапиталистические элементы в деревне, еще более решительным вытеснением их из экономики страны и связанным с этим повышением активности враждебных пролетарской диктатуре классов и групп населения в обстановке неизбежных затруднений текущего периода»⁴⁹.

Дальнейшим шагом военного руководства с целью стабилизации ситуации в армии стало принятие решения об изъятии из армейских рядов социально-чуждых элементов. Этот своеобразный шаг в духе «нового курса» в деревне был оформлен в виде совершенно секретной директивы РВС СССР от 16 июля 1928 г. (№ 065652/сс), которая предписывала произвести изъятие из армии классово-чуждых и социально-опасных элементов, приурочив это изъятие ко времени общего призыва и увольнения⁵⁰. Изъятию подлежали лица («элементы») по следующим признакам: «1) социально-чуждые по происхождению (дети попов, бывших жандармов, полицейских), зарекомендовавшие себя с резко отрицательной стороны по службе и по влиянию на окружающих, а также лица, находившиеся ранее от шести и более месяцев в местах заключения за уголовные преступления; 2) явно кулацкие, родители которых лишены избирательных прав; 3) из числа зажиточных, которые в течение последнего времени проявили себя активными и сознательными проводниками классово-чуждых влияний и совершенно не поддающимися перевоспитанию». Списки увольняемых должны были утверждаться распоряжением РВС округов и направляться далее в соответствующие губернские или окружные (по месту жительства) исполкомы с ходатайством о зачислении в тыловое ополчение. Вся работа по отбору к изъятию должна была проводиться в строго секретном порядке. Однако, директива предписывала не допускать массового увольнения и избегать в этом деле методов «кампаний» и «ударности»⁵¹.

Не вдаваясь в подробности проведения этой кампании (что является предметом самостоятельного исследования), скажем только, что в мае 1929 г. ПУ РККА, подводя итоги выполнения постановления РВС СССР от 27 июня 1928 г., подытожила работу и в этом направлении. В подготовленной ПУ РККА справке приводились цифры изъятых по некоторым округам: ЛВО – 412 чел. (за январь-май 1929 г.), по БВО – 1329 чел. (с 15 ноября 1928 г. по 1 июня 1929 г.), по СВО – 177 чел. (с 1 июня 1928 г.

по 1 мая 1929 г.)⁵². Изъятие» продолжалось и в последующем.

Безусловно, что факт принятие подобной директивы был явным свидетельством неблагополучной ситуации в армии и, прежде всего, по причине «нового курса» в деревне. С июля 1928 г. ПУ РККА вновь возвращается к составлению информационных сводок-обзоров о КН, продолжая начатую весной работу по их изучению. Появившиеся новые сводки имели не только общий заголовок с предыдущими – *«Крестьянские настроения в РККА»*, но и общую нумерацию. С июля по декабрь 1928 г. ПУ РККА было подготовлено семь таких сводок (№№ 2-8). Важно отметить, что список рассылки сводок-обзоров составлял 26 адресатов, среди которых были руководящие лица государства – Сталин, Орджоникидзе, Ягода и др.

Форма и принципы составления сводок оставались неизменными. Между собой они отличались внутренним наполнением и разбивкой на тематические блоки. Зачастую названия этих внутренних разделов и подразделов настолько образно раскрывали их содержание, что достаточно привести их перечень, чтобы иметь представление о содержании сводок.

Обзор-сводка № 2 от 2 июля 1928 г. – 1) Новый прилив КН в частях, «нажим» деревни на Красную Армию; 2) Политические настроения красноармейцев – подразделы: а) антисоветская активность зажиточных; б) настроения середняцкой массы красноармейцев; в) беднота против притязаний зажиточных, но боязнь голода порождает колебания; г) отрицательное влияние на красноармейцев непосредственного общения с деревней и с городским населением; д) влияние красноармейцев, возвращающихся из отпусков; е) возрождение недовольства местными организациями, обострение ревности к рабочему классу; ж) болезненные явления внутри страны и приезд падишаха увязывается красноармейцами с мероприятиями партии в деревне; з) отражение в казарме классового расщепления деревни; 3) Размах и качество политработы вокруг КН.

Обзор-сводка № 3 от 14 июля 1928 г.: 1) Дальнейшее усиление КН в частях; 2) Апелляция деревни к Красной Армии; 3) Усиление кулацкой антисоветской агитации в армии и извне; 4) Реагирование отдельных групп красноармейцев и начсостава на ХЗ; 5) Реагирование красноармейцев на новый с/х налог; 6) Реагирование политаппарата и парторганизаций на КН красноармейцев.

Обзор-сводка № 4 от 28 июля 1928 г.: 1) Влияние деревни на армию; 2) Настроения красноармейцев; 3) Реагирование отдельных социальных групп; 4) «Куда девался хлеб»; 5) Отношение красноармейцев к «разъяснительной работе»; 6) Реагирование коммунистов и комсомольцев; 7) Отношение красноармейцев к новому с/х налогу.

Обзор-сводка № 5 от 3 сентября 1928 г.: 1) Приток писем с жалобами из деревни сократился. Острота КН уменьшается; 2) Реагирование красноармейцев на решения июльского пленума ЦК ВКП(б); 3) Отклики красноармейцев на новый с/х налог; 4) КН и партполитработа.

Обзор-сводка № 6 от 3 октября 1928 г.: 1) Отношение красноармейцев к новому с/х налогу; 2) Настроения красноармейцев и ХЗ; 3) Отношение красноармейцев к колхозному движению; 4) О «крестьянских настроениях» среди рабочих; 5) КН и партийные организации.

Обзор-сводка № 7 от 22 октября 1928 г.: 1) Отношение красноармейцев к новому с/х налогу; 2) Настроения красноармейцев и ХЗ; 3) Решения июльского пленума ЦК ВКП(б) и парторганизации частей; 4) «крестьянские настроения» и политаппарат.

Обзор-сводка № 8 от 19 декабря 1928 г.: 1) Отношение к хозяйственной политике партии; 2) Отношение к коллективизации деревни; 3) Сельхозналог; 4) Ревность к бедноте и к рабочему классу; 5) Льготные настроения; 6) «крестьянские настроения» и политаппарат; 7) «крестьянские настроения» в парторганизации и комсомоле⁵³.

Даже простое перечисление разделов сводок позволяет выделить основные вопросы, находящиеся в центре внимания политорганов, так или иначе связанных с КН в армии. Это, прежде всего:

- содержание КН – сводка № 2, раздел 2, а также 3 (3), 4 (2); обратим внимание на кричащий раздел «Куда девался хлеб» – № 4 (4);
- тенденция развития КН – «приливы» и «уменьшение остроты» – №№ 2 (1), 3 (1), 5 (1);
- апелляция деревни к армии – №№ 3 (2), 4 (1));
- реагирование различных социальных групп в армии – №№ 2 (2), 3 (4), 4 (3)), в том числе отношение рабочих–красноармейцев – №№ 6 (4), 8 (4); обращает на себя внимание раздел сводки № 8 (4) – «Ревность к бедноте и к рабочему классу»;
- антисоветская агитация в армии – №№ 3 (3);
- сельхозналог – №№ 3 (5), 4 (7), 5 (3), 6 (1), 7 (1), 8 (3);
- льготные настроения – № 8 (5);
- реакция на ХЗ – №№ 3 (4), 4 (4), 6 (2), 7 (2);
- отношение к хозяйственной политике – №№ 5 (2), 7 (3), 8 (1);
- отношение к колхозному движению – №№ 6 (3), 8 (2);
- политическая работа в отношении КН – №№ 2 (3), 4 (5), 5 (4), 8 (6);
- реакция политаппарата на КН – №№ 3 (6), 4 (6), 6 (5), 7 (4), 8 (6 и 7).

Основной вывод, вытекающий из приведенного перечня вопросов, освещаемых в сводках, – КН в армии не ослабевали и во второй половине 1928 г., они продолжали оставаться предметом пристального внимания политического руководства армии. Более того, уже первый раздел сводки № 2 говорит о «новом приливе» КН в частях и «нажиге» деревни на армию. Вторым важнейшим выводом на наш взгляд – деревня продолжала рассматривать армию как объект апелляции и средство, через которое можно повлиять на власть. Среди причин, вызывающих эти явления указывались – «новое усиление темпа ХЗ, трудности хлебоснабжения города и деревни», а также перспективы неурожая озимых хлебов в отдельных районах⁵⁴. В свою очередь, «нажим» деревни на армию и усиление

притока «панических» писем принес в армию новые жалобы «на извращения в методах проведения хлебозаготовок, самообложения и распространения крестьянского займа, на голод, на очереди за хлебом, на отпуск такового по ограниченным нормам». По-прежнему деревня жаловалась, что «все до фунта забирают», что «облигации навязывают самым насильственным образом», что «озимые померзли, будет голод»⁵⁵. В сводках отмечалось усиление притока писем *из разных районов СССР* с жалобами на отсутствие хлеба в деревне: «Живем совершенно без хлеба, едим суррогат, умираем с голоду. На рынке хлеб продается только зажиточной частью и втридорога...»; «Хлеба нет ни ярового, ни озимого...». «Стоят толпами около кооперации богатые, бедные, русские, евреи...». «Сидим голодные, как собаки...». «У нас в гор. Верхнеуральске ужас смотреть, все стоят в затылок и ждут килограмм хлеба на семью...». «Мы, твои родители и твои дети, через 2-3 недели будем умирать с голоду. Поспешите выхлопотать нам бумагу, чтобы дали нам хлеба, чтобы не допустить нас до гибели. 21-й год надвигается...»⁵⁶.

Если в первых весенних сводках отмечались со стороны деревни только угрозы выступлений, то к лету на смену угрозам пришли сообщения и о «царящей большой злобе» у крестьян по отношению к коммунистам, и о женских бунтах, и о восстаниях: «В селе Красинском было восстание, что теперь всех восставших отправили неизвестно куда и что такие вспышки бывают теперь часто...»; «Бабы собираются, идут разбивать амбары и лавки и забирают муку...»; «Слышно по народу, что ездили отбирать хлеб в поселок, вышли бабы, кто с вилами, кто с лопатами и не дали хлеб...»; «Пригнали к нам пять человек выгребать хлеб, вступились красноармейки-бабы, этот хлеб отстояли, а мужики были на изготовке...»⁵⁷.

Мнение политорганов в отношении подобных примеров и писем было однозначно: «Значительная часть писем, идущих из деревни, составлена, несомненно, под большим влиянием кулацкой агитации в деревне. Во многих письмах описываемые факты намеренно раздуты, с прямым расчетом – отрицательно воздействовать на личный состав частей»; «В письмах сообщается масса тревожных и иногда явно преувеличенных, ложных и провокационных фактов»; «Уменьшилось количество писем из деревни, отрицательно освещающих этот вопрос. К тому же красноармейцы уже не так болезненно реагируют на эти письма, так как в частях имелось очень много фактов, когда после проверки правильности содержания писем оказывалось, что они ложны, исходили в большинстве случаев от зажиточной и кулацкой части деревни, спекулирующей на хлебных затруднениях. К этим письмам красноармейцы теперь относятся с осторожностью, а иногда и с недоверием»⁵⁸.

И хотя подобные выводы, зачастую, диктовались политической ситуацией, однако примеры «преувеличенных слухов», которыми деревня апеллировала к армии, призывая ее «вмешаться», имели место быть. Так, например, в сообщении политотдела Украинского военного округа при-

водилась выдержка из письма: «Сейчас в г. Балте бабы разбили лавки, а милиция потребовала полк солдат. Солдаты приехали, посмотрели, разобрались с делом, сложили ружья в козлы и сказали: "Дайте им хлеба"»⁵⁹. В настоящем случае мы видим сочетание действительности и желаемого. Солдаты могли приехать на усмирение «бунта», но мало вероятны их дальнейшие действия

Наряду «со сравнительно невинными письмами», содержащими описание жизни деревни и конкретных примеров «недовольств» и взывающими о помощи: «Как вы есть Красная Армия, то вся надежда на вас. Вы наши помощники, вы должны нас защищать (от притеснений местных властей при хлебозаготовках)...», в армию приходили письма–воззвания, письма–обращения, наполненные «контрреволюционными» лозунгами. Среди них были и такие: «Товарищи красноармейцы, добивайтесь крестьянского союза, теперь можно жить только закланному пролетариату, требуйте крестьянского союза, хотя коммунисты и не разрешают этого»⁶⁰.

Сводки по-прежнему фиксировали усиление противоречия между городом и деревней, отражавшееся и на армейской среде: «Местная власть ко всему относится халатно, а город и внимания не обращает, смеется...»; «Рабочий–сезонник, подвыпивший, простояв в очереди, натолкнулся на нескольких красноармейцев и говорил: "Что вы смотрите, хлеба не достал, смотрите, как рабочему живется, ваших батек грабят"..."»⁶¹.

Как новое явление, было отмечено – сокращение красноармейцами от лиц начсостава и политруков приходящих из деревни писем, «очевидно из боязни репрессий по отношению к авторам этих писем».

Обращает на себя внимание, что из 7 составленных ПУ РККА сводок – три датируются июлем. Столь повышенное внимание к июлю месяцу было не случайным. Политорганы ждали реакции армии на состоявшийся в июле пленум ЦК ВКП(б), на котором продолжилась борьба «за деревню» между Сталиным и Бухариным и их сторонниками. Отклики армии на решения июльского пленума, официально осудившего использование чрезвычайных методов при проведении ХЗ кампании, присутствуют в осенних сводках ПУ РККА (сводка № 5 от 3 сентября и № 6 от 3 октября). Важнейшим выводом для армейского и политического руководства стало – «Приток писем с жалобами из деревни сократился. Острота крестьянских настроений уменьшается». Так, например, в сводке № 5 говорилось: «Августовские политдонесения политуправлений округов говорят о заметном сокращении притока в части писем из деревни с жалобами на хлебозаготовки и на применение чрезвычайных мер. Это, по-видимому, связано с окончанием хлебозаготовительного года, а также с решением июльского пленума ЦК об отмене чрезвычайных мер. Все [э]то начинает оказывать благотворное влияние на настроения крестьян–красноармейцев, и «крестьянские настроения» в частях в последнее время начинают несколько терять ту остроту, которую они имели еще только 1-2 месяца тому назад»; «В результате популяризации решений пле-

нума ЦК части 4 кавалерийской бригады отмечают значительное снижение резкости и массовости настроений, вызванных хлебными затруднениями»⁶².

Наряду с общей тенденцией уменьшения остроты КН, в сводках отмечалось «заострение внимания» красноармейских масс (особенно в БВО⁶³, СКВО, МВО⁶⁴) на вопросах, связанных с проведением с/х налога. Действительно, практически во всех рассматриваемых нами сводках ПУ РККА с/х налог выделен в самостоятельный раздел. Об актуальности этого вопроса говорит также и тот факт, что 3 сентября 1928 г. ПУ РККА была принята секретная директива «О налоговых настроениях», которая предписывала проведение среди красноармейцев «правильного разъяснения» единого с/х налога и «всей налоговой политики советского правительства». Директива призывала политорганы и парторганизации и весь начсостав быть готовыми к повторению настроений, подобных настроениям, связанным с хлебными затруднениями»⁶⁵.

Закономерно, что проведение сельхозналоговой кампании в деревне повысили интерес красноармейцев к разного рода льготам по снижению с/х налога, тем более, что на них имели право так называемые «красноармейские» хозяйства, среди членов семей которых были красноармейцы. В декабрьской сводке (№ 8) «льготным настроениям» был отведен самостоятельный раздел, в котором отмечалось «оживление» подобных настроений, особенно в связи с приходом молодого пополнения в части: «Молодняк спешит получить удостоверения для своих родных на предмет получения льгот»⁶⁶.

В разбираемых сводках ПУ РККА появляются и новые вопросы — отношение красноармейцев к коллективизации. К концу 1928 г. процесс коллективизации деревни только начинал наращивать темпы, являясь ключевым вопросом «нового курса». Поэтому так важно было властям узнать, как к этому процессу относится армия, а точнее молодые солдаты, которым предстояло работать в этих колхозах. Вывод не был утешительным для властей. Отношение к колхозам характеризовалось как «нездоровое». Наиболее резкое отношение было отмечено среди зажиточной и крепкой части середняков — «недоверчивое и во многих случаях враждебное к развертыванию колхозов и совхозов». Беднота, напротив, одобряла эту политику, «видя в ней единственный выход для улучшения собственного положения»⁶⁷.

К концу 1928 г. общие политические настроения бедняцкой части и основной массы середняков красноармейцев «складывались в пользу Советской власти». Даже прибытие в части молодняка из нового призыва не изменили радикально этих настроений. Причина тому, как отмечали авторы сводок, — в приходящих из деревни сведениях — об улучшении работы местных организаций, в частности кредитной; об ослаблении в деревне товарного голода и даже наблюдающегося в ряде случаев удешевления товаров; об улучшении работы кооперации. Хотя в декабрьской сводке отмечалось наличие «резких» КН среди молодняка, который не

понимает хозяйственной политики в деревне и жалуется на быстрый темп индустриализации страны, на невнимание правительства к развитию индивидуальных хозяйств, в том числе бедняцких и середняцких, на низкие цены на хлеб — в целом, вывод был оптимистичен — это не может изменить позитивные настроения в армии⁶⁸.

Начало 1929 года, видимо, принесло успокоение в ряды армейских политорганов и затишье в их работу по анализу КН в армии. Только этим, можно объяснить отсутствие подобных информационных сводок в первой половине года. Это обстоятельство удивляет, так как в январе 1929 г. было принято совместное постановление СНК и Политбюро ЦК ВКП(б) «О хлебозаготовках», которое признавало «правильным» и «целесообразным» произведенное НКТоргом повышение хлебозаготовительных заданий в районах Поволжья, Башкирии, на Урале, Сибири и Казахстане⁶⁹. Увеличение годового плана централизованных заготовок зерновых хлебов для ряда важнейших районов страны не могло не вызвать «прилива» КН в армии, ведь реакция деревни на это решение властей была однозначным. Сводки и сообщения соответствующих органов и представителей ОГПУ свидетельствовали о массовых выступлениях крестьян и других формах крестьянского сопротивления, особенно в Сибири⁷⁰.

ОГПУ, в отличие от ПУ РККА, продолжало изучать и информировать власть о настроениях в армии. Так, например, сводке ОО ОГПУ «Основные моменты отрицательных настроений РККА» по состоянию на 1 мая 1929 г. важнейшими из них назывались: «1) Дальнейший рост и обострение так называемых «крестьянских настроений». 2) По прежнему высокая активность всего антисоветского элемента, проникшего в армию (а/с выступления, антисемитизм, религиозная агитация, работа троцкистов и проч. к/р групп). 3) В ряде частей усиление недоверчивого отношения красноармейцев к разъяснениям начсостава по вопросам внутреннего положения страны. 4) Сохраняется оторванность части начсостава от красноармейцев, бездушное отношение к их нуждам и извращение дисциплинарной практики. 5) По некоторым округам увеличилось число правонарушений и ухудшилось общее состояние дисциплины, особенно по терчастям. 6) За последнее время имел место опять ряд случаев очковирательства со стороны командиров частей»⁷¹.

Как видим, КН занимают первое место в общем, достаточно большом списке. В этой же сводке отмечалось, что «новым в т.н. «крестьянских настроениях» является то, что ими за последнее время охвачена в большей мере, чем прежде, середняцкая прослойка, особенно в тердивизиях». С присущей ОО точностью, фиксировались не только сами высказывания, но и количество этих высказываний, позволяющие увидеть в численном эквиваленте рост «недовольства по крестьянским вопросам». По данным ОО ОГПУ было зарегистрировано случаев высказывания недовольства: в ЛВО: в феврале с.г. — 401, в марте — 1187; в БВО: в январе — 528, в марте — 561, в УВО: в январе — 1142, в марте — 1444, в СКВО: в

марте – 954, в апреле – 1229, в СИБВО: в феврале – 1667, в марте – 2014⁷². При этом отмечалось: «Поступающие в адреса красноармейцев письма из деревень получают из месяца в месяц более резкий характер, особенно идущие из производящих районов. Апелляция крестьян к Красной Армии, призывы стать «на защиту крестьянства» принимает в письмах более массовый чем прежде, характер, причем подобные призывы принимают форму систематической к/р работы верхушки деревни»⁷³.

Приводимые в сводке примеры из деревенских писем говорили о том, что деревня продолжает рассчитывать на помощь армии: «ПРИВО: «Советская власть есть бич народа, я бы предложил Вам, красноармейцам, поднять вопрос на собрании о том, чтобы не морили людей голодом и не издевались над народом. Вам непременно нужно поднимать вопрос на собраниях, потому что Вы из деревни и знаете нужды деревни...». ККА: «Это не жизнь пошла, а гибель всему миру. По всему видно, что придется пропадать, хоть бы вы там говорили. Вам вольнее говорить, чем нам. Говорите своему начальству, почему это делается. Поднимайте вопрос, иначе мы все до единого человека погибнем...». СИБВО: «Не дают нам даже иголки потому, что не даем хлеб в кооператив, а хлеба у нас и для себя нет. За что Вы служите и кого защищаете; будет время, самый низкий середняк перейдет в кулака. Как вам политруки напевают о новой жизни, люди, говорят, что сейчас хорошо стало жить...»; «Прочитай всей роте, напишу про крестьянскую жизнь. Нажим местных властей на крестьян большой, хлеб гонят беспощадно. Нет интереса, пахать, надо бросать крестьянство...». УВО: «Сообщи своим командирам, что они совершенно забыли о крестьянстве. Все красноармейцы — крестьяне и, если крестьянство пойдет против Соввласти, то и армия пойдет против нее. Дай прочитать своим командирам, пусть знают, что делается в деревне...»; «Пусть она провалится такая власть, долго ли еще придется терпеть, когда же всему придет конец, а вы еще служите и защищаете эту власть. Как получишь письмо, всем товарищам расскажи, какое обращение с нами и вы там подумайте, можно ли жить так дальше...». По поводу последнего высказывания говорилось, что в «указанной дивизии аналогичных документов было получено 18»⁷⁴.

Итоговый вывод ОО ОГПУ в отношении борьбы с КН в армии был нелицеприятный – «работа политаппарата по-прежнему (*подчеркивание наше*) в ряде частей ведется недостаточно интенсивно. За последнее время отмечается рост числа случаев, когда под давлением красноармейской массы по конкретным вопросам хоззатруднений (карточки, нехватка товаров и проч.) политаппарат и начсостав фактически соглашались с мнением выступающих, сводя свою роль только к подбору смягчающих эти факты объяснений, сваливая вину, подчас, на местный аппарат, а иногда просто уклоняясь от ответов»⁷⁵.

Напомним, что в сводке ОО ОГПУ было отмечено, что «КН за последнее время охвачена в большей мере, чем прежде, середняцкая прослойка, особенно в тердивизиях», причем об этом говорилось, как о «но-

вом» явлении. Объем статьи не позволяет более подробно остановиться на КН среди переменного состава территориальных частей. Скажем только, что «острота» КН среди этой категории рядового состава была намного сильнее, чем в кадровых частях, что вполне объяснимо. Отрыв переменников от деревенской жизни составлял всего несколько месяцев, и жизнь на сборах не могла заслонить у переменного состава тех проблем, которыми жила деревня. Еще в более ранних сводках ПУ РККА отмечалось более острое реагирование красноармейцев переменного состава территориальных частей на события в деревне. О размахе КН среди этой категории красноармейцев свидетельствует тот факт, что перед предстоящим весенним призывом на сборы был принят соответствующий циркуляр ПУ РККА (от 4 апреля 1929 г.), в котором указывалось на «неизбежность» усиления КН на сборах⁷⁶.

Видимо, предупреждения об усилении КН в территориальных частях оказались правильными, так как 1 июня 1929 г. на имя К. Е. Ворошилова поступило служебное письмо от Г. Г. Ягоды, который будучи зам. начальника ОГПУ, являлся одновременно нач. ОО ОГПУ. В этом письме говорилось: «В 1926 году ОГПУ ставило перед РВС СССР вопрос о наиболее слабых местах терсистемы РККА. В течение последующих лет терсистема, как и РККА в целом, значительно укрепились, чему особенно способствовало численное усиление кадров в наиболее слабых тердивизиях. Тщательное изучение материалов прошедшего, после 1926 года, периода, особенно в связи с ростом в армии так называемых «крестьянских настроениях» и работы зарубежных к/р организаций и внутренней к/р, — приводят ОГПУ к убеждению, что терсистема на сегодняшний день все еще имеет ряд слабых мест, для изжития коих требуются мероприятия РВС СССР». В отношении политических настроений указывалось: «Настроения красноармейцев в терчастях, в большинстве случаев, хуже, чем в кадровых, и первые более подвержены антисоветским влияниям, что особенно ярко выявилось при проведении перевыборов советов в местах расположения тердивизий, а также по т.н. «крестьянским настроениям». Крестьянские настроения в терчастях носят более массовый характер, чем в кадровых частях. Деревенская верхушка пытается использовать армию для борьбы с Соввластью и защиты своих интересов, путем соответствующей обработки переменного состава. Нередко в районах комплектования переменники втягиваются в местные кулацкие группировки, противодействующие мероприятиям Соввласти в деревне»⁷⁷.

ОГПУ не ограничилось только констатацией фактов. Наряду с выводами были и конкретные предложения, в том числе по усилению кадров начсостава в территориальных частях, по пересмотру принципов комплектования этих частей и пр.: «Выводы и предложения: 1) Особенности терсистемы требуют, как одно из неперенных условий, особо крепкого, политически выдержанного кадра начсостава. Командование на местах до сих пор этому вопросу уделяет совершенно недостаточное внимание.

Надо, чтобы в терчасть направлялся бы лучший комполитсостав. 2) Неизбежность наличия в переменном составе тердивизий преобладающего % крестьян — требует особо серьезного внимания к социальному отбору при комплектовании кадровых красноармейцев. При отборе прослойки рабочих особое внимание должно быть уделено отбору промышленных рабочих, % каковых должен быть максимальным, во много сильнее, чем в кадровых дивизиях. ...5) При чистке от социально-чуждого элемента РККА из тердивизий, были изъяты (в силу трудности выявления) не все, подлежащие удалению из армии лица. Работа по их дальнейшему выявлению и удалению должна быть продолжена. Систематическое изучение социально политической физиономии переменников и чистка терчастей необходимы еще в силу тех социальных изменений, кои происходят в деревне за время пребывания переменников в части»⁷⁸.

Дальнейшие шаги власти не ослабили ситуацию в деревне. Наоборот, принятые постановления по усилению ХЗ, в частности постановления СТО от 7 мая 1929 г. «О хлебозаготовках» и от 31 мая 1929 г. «О мерах к усилению хлебозаготовок в июле-августе 1929 г.», а также постановление СНК от 21 июня 1929 г. «Об организации хлебозаготовок на 1929/30 гг». вновь обострили и без того напряженную ситуацию в деревне, заставляя последнюю использовать самые активные формы протеста⁷⁹. Ситуация в деревне не могла не отразиться на настроениях армии. Тем более, что по данным ОО ОГПУ (по состоянию на 1 августа 1929 г.) рост недовольства не уменьшался. Более того, наряду с проявлениями отдельных недовольств ОО указывали на появление в армейской среде красноармейских группировок, недовольных хозяйственной политикой власти, что, безусловно, было более чем тревожным симптомом. «Случаев высказывания недовольства по крестьянским вопросам» было отмечено: в мае — июне — июле соответственно: по ЛВО⁸⁰ — 1274, 973, 706; по УВО — 1542, 2742, 1974; по СКВО — 766, 1802, 1125; по СибВО⁸¹ — 2863, 2012 (показатели за июль по СибВО отсутствовали). При этом, как отмечалось в сводке, «большая активность кулацкой и зажиточной части выражается в увеличении числа а/с, к/р группировок, в большей части возглавляемых кулаками, усилении нажима на армию через письма, ходоков и агитацию против пятилетки. Эти группировки ставят себе целью срыв разъяснительной работы политаппарата путем организованных выступлений на занятиях — обработка отдельных красноармейцев и пр. По данным за февраль — апрель ОО учтено 56 а/с красноармейских группировок с количеством 297 чел., в том числе 26 — младших командиров, из коих 23 [группировки] ликвидированы оперативным порядком с количеством 103 чел. За май—июль месяцы с.г. вновь выявлено по округам 70 а/с группировок, с количеством 362 участников, из коих 4 группировки состоят исключительно из младшего н/с (всего 24 человека). Из этих группировок ликвидировано 34, с количеством 158 человек»⁸².

Отмеченный органами ОГПУ тревожный симптом по вовлечению в сферу КН комначсостава был также зафиксирован и политорганами

Красной Армии. Об этом свидетельствует отложившийся в материалах ПУ РККА обзор, датированный декабрем 1929 г. Обзор этот интересен не только постановкой вопроса, но и его дальнейшей судьбой. Подготовленный для официального информирования и подписанный начальником ПУ РККА Я. Б. Гамарником обзор имел первичный заголовок – «Сращивание начсостава с классово-враждебными элементами». Однако, это название слишком кричаще обозначало проблему политических настроений начсостава. В связи с этим прежний заголовок был заменен на новый – «О подборе работников посылаемых для работы в деревню». Но и этот камуфляж не смог прикрыть остроту описываемых явлений. В результате обзор, подготовленный для рассылки по инстанциям и в округах, остался лежать в делах ПУ РККА с надписью на документе «Нач. ПУРа приказал сообщить, что рассылать обзор не будет. 2.1. [19]30». Примеры сокрытия информации (даже сугубо служебной) пока единичны, и поэтому особенно интересно подробнее остановиться на тех зафиксированных явлениях, которые стали причиной засекречивания данного обзора⁸³.

Задача этого обзора заключалась в показе форм и средств, используемых армейскими политорганами для «непосредственного влияния Красной Армии на деревню». В их арсенале были две основные формы: *первая (заочная)*, предусматривающая посылку писем в деревню от имени красноармейцев с призывами поддержки действий власти; *вторая (очная)*, предусматривающая «массовое личное участие начсостава и красноармейцев в работе в деревне». Признавая последнюю форму наиболее эффективной и важной, политорганы уделяли ей большое внимание. Поэтому заголовок (окончательный) и содержание обзора ПУ РККА были нацелены на анализ «подбора работников», посылаемых для работы в деревню. Основные требования политорганов к подобным лицам были: «Внимание всех работающих в деревне военнослужащих должно быть заострено на задаче выдержанного, активного, продуманного осуществления в деревне линии партии. ...Классовая непримиримость в условиях обостряющейся классовой борьбы и упорного сопротивления капиталистических элементов является важнейшей задачей всех военнослужащих, ведущих работу в деревне». Особенно же большое значение придавалось «работе среди населения начальствующего состава территориальных частей в междуборовый период, в период работы с допризывниками и вневойсковиками». Именно поэтому так болезненно и тревожно была воспринята тенденция «сращивания» начсостава с «классово-враждебными элементами деревни» – «когда наименее устойчивые элементы армейской парторганизации и начсостава попадают под влияние и даже сращиваются с кулацко-капиталистическими элементами деревни». В обзоре отмечалось, что «сращивание» имеет разные корни, не только родственные – «через своих родных, жен, знакомых», но и бытовые – «классово-враждебные элементы опутывают того или иного неустойчивого командира или политработника выпивкой, угощением, предоставлением лучшей квартиры, уюта в деревенской обстановке, извле-

кая из этого для себя выгоду»⁸⁴.

Какова бы ни была причина взаимодействия начсостава с «классово-враждебными элементами деревни», озабоченность политорганов прежде всего проявлялась в отношении политических настроений начсостава и поддержки, которую «враждебные элементы» получали от начсостава. В обзоре отмечалось: «Особенную остроту вопрос имеет в территориальных частях, где большое количество лиц начсостава выбрасывается в район комплектования для проведения межсборовых работ, краткосрочных сборов, допризывной подготовки, обучения вневойсковиков и т.д. Имеется целый ряд фактов связи начсостава с социально-чуждыми элементами именно в междусборовый период. ...Все это оказывается возможным благодаря тому, что отдельные лица начсостава не только не дооценивают (или не понимают) классовой борьбы в стране, не видят ее, не получают твердых директив проведения четкой классовой линии, но сами подвержены известным мелкобуржуазным колебаниям, классово индифферентны и неспособны проводить классово-выдержанную линию»⁸⁵. Примером тому в обзоре приводился факт, опубликованный в № 279 «Красной Звезды», когда член партии, нач. военно-хозяйственного довольствия артполка, приехав в отпуск в деревню, пользуясь авторитетом, как военный работник, проводил «явно кулацкую работу (кричал, что хлеб брать можно только по согласию, что хлебозаготовки неправильны и т.д.)». Когда его привлекли к партответственности, он утверждал, что никаких кулаков и классовой борьбы в деревне нет⁸⁶.

Пристального внимания политорганов заслуживали факты, когда кулаки пытались использовать начсостав в своих «классовых целях». В качестве яркого примера таких случаев в обзоре приводился факт срыва хлебозаготовок в ЛВО (в районе 30 стр. полка). Два ротных командира Чернов и Питкевич, направленные для вневойсковой работы в деревню, своим вмешательством в действия местных властей сорвали хлебозаготовки почти в целом районе. Приехав в деревню, они спросили у крестьян: «Где живут индивидуально обложенные?». Им указали «махрового кулака». Они пошли к нему ночевать. Кулак стал жаловаться на непосильный налог и хлебозаготовки. После ночной беседы оба командира пошли в сельсовет и стали проверять правильность обложения не только этого кулака, но и других зажиточных. В результате командиры заявили председателю сельсовета, что не следует раскулачивать кулаков. Весть о деятельности командиров быстро разнеслась по остальным деревням. В итоге, крестьяне стали выжидать и приостановили подвоз хлеба. Действия командиров были оценены как «прямая контрреволюция» и они были арестованы. Видимо, таких подобных случаев было немало, иначе вопрос о подборе кадров в деревню не стал предметом самостоятельного обзора ПУ РККА. Вывод данного обзора был категоричным: «Этот случай свидетельствует о наличии серьезных недочетов в работе отдельных парторганизаций и политаппарата. Недостаточным вниманием и механическим подходом полковой парторганизации к выполнению этой ответ-

ственной задачи можно в значительной мере объяснить посылку на хлебозаготовки непроверенных, неподготовленных и слабо политически грамотных лиц, которые своими действиями играют на руку классовому врагу». Завершая обзор, его авторы очень четко определили значимость политических настроений в армии в свете «нового курса» в деревне: «Помощь Красной Армии социалистической переделке с/х будет действительной только тогда, когда она будет проникнута духом классовой настороженности и непримиримости к классовому врагу»⁸⁷.

К концу 1929 г., несмотря на описанные тревожные явления, в целом острота КН в армии в сравнении с 1928 г. снизилась. В сводке ПУ РККА о крестьянских настроениях от 26 октября 1929 г. говорилось: «1) Возросшая кулацкая активность в стране находит и в армии почву для своей агитации среди некоторой части середняков, насторожившихся и колеблющихся под влиянием изъятия хлебных излишков у состоятельных слоев деревне. Тем не менее, основная масса бедняцко-середняцких слоев все время противостоит кулацкой агитации и остается в основном политически здоровой. 2) Так называемые «крестьянские настроения» в армии в условиях обострения классовой борьбы в стране, получают отчетливое кулацкое выражение и по существу они уже превратились из расплывчатых «общекрестьянских» настроений в чисто кулацкие настроения (*подчеркивания документа*), отражающие в основном классовые интересы капиталистических элементов деревне»⁸⁸.

Выводы политорганов Красной Армии подтверждал и ОО ОГПУ. В упоминаемой ранее сводке ОО ОГПУ говорилось: «В связи с окончанием в отдельных районах хлебозаготовительной кампании 1928-29 г. и поступлением в части сведений о благоприятном урожае, по ряду округов отмечается снижение крестьянских настроений у основной (середняцко-бедняцкой) массы красноармейцев. Рост или стабильность этих настроений имеют место лишь в тех частях, кои укомплектованы, главным образом, из производных районов (Сибирь, бывш. Самарск. и Пензенск. губернии и т.д.), в коих последние месяцы еще производился нажим на хлебозаготовки. Кроме того, почти по всем округам можно видеть, что попутно с понижением крестьянских настроений в основной середняцко-бедняцкой прослойке, мы имеем рост этих настроений среди кулаков и зажиточных, хотя по некоторым округам (например, УВО, ККА⁸⁹) зажиточная прослойка стала реже высказывать свое недовольство Соввластью, по-видимому, потому, что а/с разговоры не встречают больше прежней поддержки среди широкой красноармейской массы»⁹⁰.

Произошедший перелом в настроениях красноармейской части армии в позитивную сторону, безусловно, был заслугой политорганов, которые смогли перестроить свою работу, сделать ее более эффективной. Хотя недочеты в этом направлении еще были немалые, и об этом говорили сами политорганы – «недостаточно четко и решительно ведется работа по разоблачению кулацкого характера «крестьянских настроений», по освобождению колеблющейся части красноармейцев из-под влияния ку-

лацкой агитации, по линии агитации за необходимость сдачи хлебных излишков середняками; недостаточное до сих пор изучение состава красноармейцев и их настроений, слабое информирование и инструктирование низовых работников по вопросам текущей политики и практики партии и Соввласти»⁹¹ – но результат был налицо.

1930 год принес новые политические задачи, став годом сплошной коллективизации деревни и раскулачивания. Эти задачи были определены на ноябрьском пленуме ЦК ВКП(б) 1929 года⁹². В соответствии с ними, была определена и работа политорганов армии. В директиве ПУ РККА от 12 декабря 1929 г. указывалось, прежде всего, на два основных направления – «обострение классовой борьбы в стране требуют неусыпной пролетарской бдительности в казарме» и «повысить роль армии, как школы строителей социализма»⁹³. С развертыванием в общегосударственном масштабе практической работы по ликвидации кулачества («раскулачиванию») и созданию колхозов политорганы продолжали изучать и следить за настроениями армии, тем более, что вовлечение ее в эти процессы шло достаточно активно.

Учитывая ошибки прошлых лет, ПУ РККА в начале 1930 г. послало своих сотрудников на места, в районы расположения территориальных дивизий, с целью изучения «реакции казармы на поворот в политике партии». В ряду округов, подвергшихся изучению, были округа Северного Кавказа, Украины и Поволжья – Донской, Кубанский, Самарский, Сталинградский, Донецкий, Донецко–Шахтинский, Шевченковский и др. По итогам этих поездок было созвано совещание (26 февраля 1930 г.), под председательством Я.Б.Гамарника⁹⁴. Один из выступающих (Ильин), посетивший 7 территориальную дивизию, располагавшуюся на Украине (Черниговский, Роменский, Нежинский и Конотопский округа) так характеризовал настроение казармы в частях дивизии:

«Чем сейчас интересуется казарма? Следует учитывать, что кулак и крепкий середняк, экспортник на Украине, проявляют себя сейчас исключительно активно в направлении срыва наших задач. Выступают они, примерно, под такими лозунгами: «Коллективизация – это возврат к панщине»; «Государство опять хочет насадить помещиков, крестьян сделать крепостными»; «Кулаки такие же крестьяне, как и все»; «Кулаков теперь нет, кулака давно раскулачили, на селе есть лишь более крепкие крестьяне труженики»; «Помогите, покончат с нами, а тогда и за середняка примутся»; «Обирают на селе, а нэпманов в городе не трогают»; «Средняцкому государству не выгодно идти в колхозы вместе с беднотой»; «Бедняк и батрак ничего не дают, а середняк повинен сдавать все свое майно» и т.п. Это – выступления кулацкой части. Ведут такого порядка разговоры и переменники, ведутся они в казарме. По такой, примерно, линии идет и антисоветская работа в казарме»⁹⁵.

Характеризуя процессы происходящие в казарме и обобщая результаты

своих бесед с красноармейцами, докладчик приводил следующие подсчеты:

«Я имел возможность беседовать с личным составом дивизии, ко мне поступило на этих беседах около 1500 красноармейских записок. Я их обработать не смог полностью, но вчерне обработал. Если взять эти записки, то в них вопросов организационного порядка – как будет проведена коллективизация, как ликвидировать кулака как класс – такого характера вопросов 43-45%. Вопросы, в которых проявляется жалость к кулаку, забота о нем и его семье – 15%. Недопонимание коллективизации отражено в 7% записок, нежелание идти в колхозы – 4%.

Не был обойден вниманием и *младший начсостав*, который дал, «примерно, такую же картину: вопросов организационного порядка – 45%, выражающих жалость к кулаку – 15%, но зато вопросов непонимания политики партии всего 1%. Вывод такой: 75% вопросов более или менее деловых и здоровых и только 25% можно отнести к колебаниям».

Несколько иная картина настроений была дана в отношении вневойсковой молодежи, т.е. тех, кто не прошел школу политического воспитания через армию:

«Если сопоставить этот анализ с анализом характера вопросов, заданных вневойсковиками, то тут мы имеем несколько иную картину. Вопросы такого порядка – «Что будет с тем, кто категорически не пойдет в коллектив?» задано 26% к общему количеству заданных вопросов. Вопросы, показывающих на жалость к кулаку до 24%, т.е. здесь уже 50% заданных вопросов говорят о крайне слабой работе, проведенной с вневойсковиками. Причем, следующих 25% вопросов, следует отнести за счет такого рода вопросов: «Почему сейчас, а не раньше ликвидируют кулака, как класс?»; «Чем вызваны продовольственные затруднения?»; «Будут ли приниматься в колхозы лишенцы по суду?»; «Как поступят с религиозно настроенными?» и т.п.. И только 14% вопросов затрагивают вопросы организационного порядка и справочные. То есть, среди вневойсковиков мы имеем, грубо говоря, как раз обратную картину той, что характерна для кадрового состава дивизии. Из этой коротенькой цифровой характеристики можно сделать, пожалуй, близкий к действительности вывод и о состоянии настроений переменников, так как вневойсковики вряд ли чем от них отличаются»⁹⁶.

На совещании было уделено внимание и настроениям начсостава в связи с «новым курсом» И хотя в целом вывод был позитивным – «начсостав в своей основной массе также правильно усвоил новый поворот в политике нашей страны», в то же время признавалось, что «в смысле выявления его настроений вокруг коллективизации и поворота в политике», это направление информационной работы политорганов является «наиболее слабым». При этом, указывалось, что до сих пор нет точных данных у

политорганов о связи начсостава с с/х (имелось ввиду наличие близкого родства с конкретными социальными группами в деревне). Отмечалось также наличие попыток «некоторой части» начсостава «отмежеваться, спрятаться за спину политработников от непосредственного активного участия в деле разъяснения переменникам и красноармейцам новой политики партии». Необходимость усиления как общей, так и политической работы с начсоставом была признана важнейшей задачей политорганов и праторганизаций армии. Более того, на совещании прозвучали требования – решительнее поставить вопрос «о примерности командира как военного и политического руководителя в деле коллективизации» – командир не должен ждать, чтобы красноармейцы на него показывали пальцем»⁹⁷.

Более чем серьезным, если не сказать кричащим обстоятельством, отмеченным еще ранее органами ОГПУ, стало продолжающаяся тенденция оформления и роста бедняцко–середняцких группировок в армии – «не кулацких, не верхушки, а вот именно бедняцко–середняцких» – и как следствие этого увеличение выступлений отдельных красноармейцев. Было подмечено, что причины появления подобных группировок вытекали первоначально из хозяйственно–бытовых вопросов, перерастающих в более серьезные недовольства. Таким образом, на первый взгляд безобидные неурядицы становились поводом формирования внутри армии политических группировок, в которых в результате объединялись лица, недовольные политикой власти, в частности политикой ликвидации кулака как класса. Причем, наиболее распространенный способ действий участников этих группировок («кулацких элементов в казарме») был – высмеивание и критиканство записавшихся в колхозы.

В дальнейшем деятельность подобных группировок подавалась, в информационных сводках ПУ РККА как «кулацкие настроения». Появление трудностей в колхозном строительстве и в первую очередь – возникающие «искривления» – вызывали обострение недовольств и усиление выступлений «кулацких элементов». Их основными доводами были – «коллективизируют насильно», «коллективизация есть кабала, барщина и крепостное право», «коллективы несут голод и гибель», «за счет коллективов будут жить бедняки и лодыри», «хозяйственному крестьянину коллективы не к чему и что надо развивать и поддерживать индивидуальное хозяйство», «взяты непосильные темпы коллективизации»⁹⁸. Политорганы указывали, что наряду с агитацией против действий власти, в том числе в вопросах колхозного строительства, «кулацкие элементы» занимались распространением слухов и сеянием паники. Так, например, в отношении льгот для красноармейских хозяйств говорилось: «Льготы – это маневр, приманка, временная мера, которая скоро будет отобрана, которая не будет осуществлена»⁹⁹.

В первой половине 1930 г. основным лейтмотивом КН в армии являлись вопросы колхозного движения. Наряду с общей позитивной картиной этих настроений, характеризующихся как «здоровые», «одобряю-

щие» и «поддерживающие», были и отрицательные моменты, проявляющиеся в виде «отдельных отрицательных настроений, неверных суждений, измышлений и кривотолков вокруг деревенской политики партии». При этом отмечалось, что позиция красноармейцев–середняков была осторожной и выжидательной. Они, в большинстве своем, «избегали высказывать свою точку зрения на поворот в политике партии (курс на сплошную коллективизацию), стали проявлять сомнения и колебания». Более того, наиболее распространенной темой их разговоров стала – отношение партии к середняку в связи с политикой ликвидации кулачества как класса, как бы раскулачивание не задело и середняцкие хозяйства: «Не тронут ли раскулачиванием середняка», «Не станут ли ликвидировать середняков»¹⁰⁰.

К осени 1930 г. сводки политорганов армии фиксировали значительный рост «кулацкой агитации», и в связи с этим усиление «кулацких настроений» в частях, особенно на сборах территориальных дивизий. В сводке ПУ РККА «Обострение кулацких настроений в армии», датированной 8 сентября 1930 г., указывались следующие направления этих настроений: 1) агитация против колхозного строительства, 2) развертывание ХЗ, 3) товарные и продовольственные затруднения, 4) вопросы военной опасности¹⁰¹.

В отношении *колхозного строительства* отмечалось, что эти «настроения» достигли большой остроты, особенно среди красноармейцев–переменников, вышедших из колхозов: «Хоть зарежь, а в колхоз не пойду...»; «От имени вышедших из колхозов заявляем, что ни за что в колхозы не пойдём...».

Развертывание хлебозаготовок вновь усилило поток писем в армию «кулацкого характера с воплями о грабеже», с просьбами «защитить крестьянство, повернуть оружие против Советской власти». При этом отмечалось, что увеличилось и количество «прибытия в части кулацких ходок из деревни». Ситуация напоминала 1928 год, когда отрицательные настроения в армии в связи с хлебозаготовками дали резкий рост. Приходящие письма из деревни взывали к красноармейцам: «Не успели собрать хлеб, а его уже отбирают...», «В этом году крестьяне не дадут хлеб, они уже попробовали, как жить голодными...», «Надо готовиться к срыву хлебозаготовок, добывать оружие, тайком бить представителей по хлебозаготовкам...», «Дома берут и берут без конца, скорей бы сентябрь, приехать домой, и перестрелять всех заправил...». Политорганы сообщали и о более тревожных симптомах: «Есть факты голосования против (и воздержания) резолюции на красноармейских собраниях по вопросу хлебозаготовок». Так например, в 4 горно-стрелковом полку 1-й дивизии (САВО¹⁰²) от голосования воздержалось 10 чел. и 3 чел. – против, большинство из которых были «середняки и зажиточные – уральцы».

Товарные и продовольственные затруднения в деревне становились не только причиной обострения настроений личного состава армии, но и предметом «антисоветской агитации» в ее рядах. Товарный голод, рост

цен на сельско-хозяйственные продукты, перебои с разменной монетой, плохая работа кооперации – все это занимало «довольно видное место» в настроениях армии. В числе примеров в сводке приводились и такие: «Сволочи, пятилетку строят на мужицкой спине, ненавижу я эту власть...» (заявление красноармейца середняка 6-го Кавказского стр. полка), «Пятилетний план только на бумаге, а на деле голодовка...», «Пятилетка съела крестьянина...», «Наша пятилетка на шее рабочих и крестьян, в тезисах цифр много, а хлеба и товаров нет...». Внимание политорганов было обращено на то, что «недовольства» уже не ограничивались только рамками красноармейцев–крестьян. Их стали проявлять и красноармейцы из рабочей среды: «Рабочие голодают, в столовых жрать нечего, на «Потемкине» восстание тоже началось на почве недовольства пищей...», «Напевают, что с каждым годом промышленность растет, а на деле совсем наоборот – мануфактуры, хлеба и табаку нет. Кто у власти и комсоставу в армии – живется хорошо...». Последнее высказывание свидетельствовало еще об одной тревожной тенденции – рядовой состав (и крестьянин, и рабочий) стал сравнивать свое положение с начсоставом, не в пользу последнего: «Комсостав и их семьи получают все, жены комсостава ничего не делают, наши же семьи перегружены работой и ничего не имеют...», «Начсостав консервы жрет, а рабочих жмут, ни черта не дают...», «Возьми жен нашего начсостава, они не отличаются от буржуев...».

И, наконец, усиление «недовольства» политикой власти вновь, как в 1928 г., возродило разговоры о *военной опасности*. Опасность подобных разговоров заключалась в том, что они способствовали пораженческим настроениям среди рядового состава и тем самым могли негативно отражаться на боеспособности армии: «Если бы была война, все красноармейцы повернут штыки в обратную сторону...»; «Соввласть будет существовать только до первой войны, а там настанет ее гибель, так как каждый крестьянин, выйдет с чем попало и будет кричать – долой Соввласть...»; «Учат нашего брата как народ уничтожать, учите, мы их же будем и бить...», «У нас в стране кушать нечего, а поэтому мы не сможем удержаться, и нас побьют...», «На случай войны не ходите защищать Соввласть, а дезертируйте и организуйте банды, разрушайте колхозы, убивайте работников, избивайте евреев и разрушайте военные склады...». Как видим, вопросы военной угрозы и пораженческие настроения были теснейшим образом связаны с призывами свержения власти, а это уже слишком серьезные симптомы, которые политорганами характеризовались, как «скрытая борьба за разложение рядов армии».

Выводы армейских политорганов подтверждали и органы ОГПУ, указывая, что чрезвычайно большой, по сравнению с прошлыми годами, рост «кулацких настроений» наблюдался «особенно в период весенних перегибов по коллективизации». В сводке ОО ОГПУ «*Основные отрицательные моменты политсостояния РККА*» от 14 октября 1930 г. отмечалось: «Наиболее важным моментом, характерным для данного года,

является более усиленный, чем прежде переход к/р элемента в армии к организованным методам своей работы, т.е. к массовому созданию группировок, зачастую связанных с к/р организациями, возникающими вне армии и руководимыми последними. Вместе с тем, значительно растет количество фактов активного участия в к/р организациях отдельных лиц младшего, среднего и даже старшего начсостава»¹⁰³. Причем, в феврале–марте 1930 г. из общего числа писем из деревни до 90% в среднем были отрицательные. При этом органы ОГПУ указывали на возрастающую тенденцию «призывов к армии восстать с оружием в руках против Соввласти», «фиксирувавшаяся раньше в единичных случаях агитация за восстание против Соввласти, стала теперь на много более частым явлением»¹⁰⁴.

Динамика роста «кулацких настроений» в течение 1930 г. характеризовалась по данным ОО ОГПУ с учетом показателей по четырем округам (ЛВО, БВО, УВО и СКВО) следующими цифрами:¹⁰⁵

1929 год						Октябрь	Ноябрь	Декабрь
						2305	2608	3167
%						100%	128%	156%
1930 год	Январь	Февраль	Март	Апрель	Май	Июнь	Июль	Август
	4296	8178	7750	5061	3751	5759	6239	6363
%	212%	401%	380%	248%	184%	282%	306%	313%

Этот рост распределялся по следующим социальным группам (в процентах):¹⁰⁶

	1929 год	1930 год		
	4 четверть	1 четверть	2 четверть	3 четверть
Средняки	45,6%	51,0%	53,4%	50%
Зажиточные	31,7%	24,7%	12,2%	9%
Бедняки	10,9%	13,0%	14,6%	14%
Рабочие и батраки	2,0%	7,3%	10,6%	11%
Прочие и неустановленные	9,8%	4%	9,2%	12%
Колхозники	—	—	—	4%
Итого:	100%	100%	100%	100%

Безусловно, что рост «кулацких настроений» в армии в свою очередь влиял на усиление карательных мер как со стороны политорганов, так и ОГПУ. По данным ОГПУ «чистка» армии в связи с ее «засоренностью» была «весьма значительна». За 6 месяцев 1930 г. (январь–июнь) из армии было изъято 5703 человек¹⁰⁷. Этот показатель на 15 января 1929 г. составлял 4029 человек¹⁰⁸.

1931 год не внес существенных перемен в «настроения» красноармейцев. По-прежнему в сводках фиксировались проявления «нездоровых» явлений и «недовольств». Как и в предыдущие годы, суть этих «настроений» сводилась к вопросам «1) колхозного строительства; 2) текущих хозяйственно-политических кампаний и мероприятий партии и власти; 3) хода выполнения пятилетки и трудностей переживаемого периода, в особенности трудностей товарного и продовольственного снабжения». В информационной сводке ПУ РККА от 7 мая 1931 г. отмечалось: «Более важное место в последнее время занимают вопросы хлебных, мясных и лесных заготовок, которые, мол, «разоряют крестьянство». Особенно ожесточенной критике со стороны кулацко-настроенных элементов подвергаются лесозаготовки, причем нередко эти элементы целиком и полностью поддерживают заграничную клевету о «принудительном труде». ...Сущность антиколхозных настроений по-прежнему сводится к попыткам дискредитировать и опорочить новые, социалистические формы ведения сельского хозяйства». Как и всегда выводы подтверждались примерами конкретных высказываний: «Колхозы – это барщина, сам не вступлю и другим не советую...» (красноармеец, середняк–единоличник); «Середняка продолжают раскулачивать, в колхоз гонят насильно...» (краснофлотец, середняк–единоличник); «Бедняки–лодыри, они не умеют работать и из-за нежелания трудиться идут в колхозы...» (красноармеец, середняк–единоличник); «Сплошная коллективизация не улучшает моего положения и положения моей семьи. Раньше жили с кулаками, но лучше...»; «В колхоз не пойду потому, что там нет порядка... Колхозные поля зарастают бурьяном... В колхозах плохая организация труда... Колхозники – голы и босы, ходят как нищие... Только на бумаге имеются хорошие колхозы»¹⁰⁹.

Работа политорганов армии в первой половине 1931 г. была нацелена на организацию политико-воспитательной работы вокруг весенней посевной кампаний и вступления красноармейцев–единоналичников в колхозы. Результаты этой работы, как отмечалось в цитируемой нами сводке ПУ РККА «вызвала значительное усиление здорового влияния казармы на селе». Среди форм политической агитации наибольшее распространение получили индивидуальные и групповые письма красноармейцев родным, в сельсоветы и колхозы с разъяснением задач весенней посевной кампании, призывающие к выполнению планов сева и к вступлению в колхозы. Особое внимание было уделено агитации среди середняков, в том числе и среди красноармейцев. Приводимые примеры высказываний этой категории красноармейцев говорили о том, что процесс «вовлечения красноармейцев в колхозы недопустимо слаб». В сводке отмечалось: «В этих частях вступившие за последнее время в колхозы насчитываются единицами; чрезвычайно низок удельный вес колхозников среди старослужащих; темпы коллективизации переменников отстают от темпов колхозного прилива в районах комплектования; есть немало коммунистов и комсомольцев–крестьян, не вступивших еще в колхозы»¹¹⁰.

Несмотря на имеющиеся недочеты политорганы сообщали о «значительных результатах влияния казармы на деревню». Наряду с массовой посылкой писем, получили распространение и другие формы влияния на деревню: выезд на места красноармейских бригад по вербовке новых колхозников, организация земляческих групп по подготовке своих родных к вступлению в колхозы, заключение соц. соревнования с селами на лучшее выполнение плана посевной кампании.

Однако, деревня продолжала рассматривать армию как свою защитницу и писала своим сыновьям о трудностях повседневной жизни: «У нас здесь совершенно нет выхода, сено забрали, солому, семена тоже забирают, одним словом, что попало на глаза, то и забирают. Сейчас крестьян гонят на лесозаготовки, гонят всех до одного без пощады. Трудно жить на белом свете. Скоро все подохнем. Больше я не могу терпеть и писать, голова разбита, не знаю, куда деваться. Зачем нас обобрали кругом? Теперь осталось только взять лошадь и корову...». «Забирают последнюю корову...», «Мясозаготовку проводят неправильно. У нас нет коровы, а заставляют платить за нее...», «С нас требуют 130 пудов хлеба...», «Имущество описано и подлежит продаже...»¹¹¹. Подобные письма, телеграммы и разговоры приезжающих родных и односельчан оказывали отрицательное воздействие на красноармейцев, проявлявшееся в усилении «демобилизационных настроений», а также в проявлении апатии к службе и работе, в недоверии и огульном обвинении местных властей.

Вывод, заключающий цитируемую сводку, сводился к следующему – «отрицательные политические настроения красноармейцев отражают процессы классовой борьбы, происходящей в стране». Усиление этих настроений происходит в зависимости от «переживаемых трудностей»¹¹². Этот вывод, сделанный политорганами армии в мае 1931 г., был правомерен не только для одного года, но и для остальных предыдущих лет, несмотря на то, какие бы положительные примеры (их было тоже немало) не приводились в сводках ПУ РККА и ОГПУ. Впереди был 1932 год, принесший голод и новый взрыв недовольства не только в Красной Армии, но и стране в целом.

Подводя итог данному исследованию, позволим сделать тоже несколько выводов.

Первый вывод – КН в армии, возникнув как отклик на «новый курс» в деревне, на протяжении всего рассматриваемого периода не утихали, несмотря на уверения различных органов. В основе этих настроений лежала позиция крестьян–красноармейцев, которые либо поддерживали, либо не поддерживали мероприятия власти в отношении деревни. Сущность «крестьянских настроений» составляли вопросы, являющиеся основными для жизнедеятельности деревни. Это были *вопросы* – проведения и размеров ХЗ; изменения товарных отношений на рынке, в частности по продаже хлеба; повышения цен на хлеб; трудностей со снабжени-

ем деревни промышленными товарами; порядка и размеров с/х налога и самообложения. С развертыванием колхозного строительства и проведением массового раскулачивания к ним добавились вопросы «перегибов» при осуществлении этих мероприятий. Все перечисленные вопросы были актуальны как для «крестьянских настроений», так и пришедшим им на смену «кулацким настроениям». Напомним, что эта перемена в названии произошла в тот период, когда начался процесс массового раскулачивания, т.е. активизации борьбы с кулаком. Поэтому правомерно сделать вывод, о том что, тот водораздел, который проводили политорганы в отношении «крестьянских» и «кулацких» настроений, навряд ли обоснован. Изменения названия «настроений» можно рассматривать просто как очередной камуфляж, примененный соответствующими органами в угоду политической ситуации в стране.

Второй вывод, который можно сделать на основании проведенного исследования заключается в том, что субъектом носителем КН являлся прежде всего, крестьянин–красноармеец в целом. В эту общую категорию могли входить все три социальные группы крестьян, проходящие службу в армии (крестьяне–бедняки, крестьяне–середняки и крестьяне–кулаки). В зависимости от периода роль каждой из социальных групп могла либо усиливаться, либо понижаться. *Постоянными составляющим «настроений»* были зажиточные крестьяне (кулаки), те из них, которым удалось преодолеть ограничения по линии тылового ополчения и которые всегда резко и негативно относились к действиям властей, составляя им стойкую оппозицию. *Переменным составляющим «настроений»* являлись остальные две группы – красноармейцы–середняки и красноармейцы–бедняки. Последние, в большинстве своем, всегда поддерживали «новый курс» власти в деревне. Их позиция не могла существенно влиять на КН в армии, за исключением начального этапа «нового курса», когда методы «чрезвычайности» обострили до предела ситуацию в деревне и соответственно настроения всех слоев деревне. В связи с этим правомерно предположить, что колебания в настроении армии определялись в большинстве своем позицией красноармейцев–середняков. Ситуация, сложившаяся в конце 20-х годов сравнима со временем Гражданской войны, когда от позиции середняка зависела судьба всей власти.

Наконец, *третий вывод*, вытекающий из данного исследования. Общая стабилизация настроений в армии, наблюдающаяся по сводкам с конца 1929 г. имела в основе своей совокупность нескольких причин. Безусловно, что важнейшей из них является политическая и агитационная работа с красноармейскими массами, особенно с колеблющимися. Однако нельзя также забывать и о «карательной кампании», проводившейся внутри армии и нацеленной на изъятие из ее рядов «социально-чуждых элементов». Наряду с чисткой армейских рядов происходила чистка и внутри деревенского общества. Таким образом, «просочиться» (через призыв или сборы) в армейские ряды «социально-чуждым элементам» становилось все труднее, а со временем и невозможно. Тем более,

что на защите интересов армии стояла вдобавок система тылового ополчения.

Другим важнейшим фактором, влияющим на стабилизацию настроений в армии, являлось активное вовлечение армии в процесс социалистического строительства в деревне через организацию красноармейских колхозов и систему курсов для подготовки кадров в деревню. Возвращающиеся из Красной Армии демобилизованные красноармейцы, получившие армейскую политическую закалку, в основной массе своей становились опорой власти в деревне. Более того, приобретенные ими организационные и хозяйственные навыки на армейских курсах подготовки кадров для деревни делали их центральными фигурами в новых колхозах и совхозах.

В завершении отметим, что власть смогла удержать под своим контролем ситуацию в Красной Армии, возникшую в связи с изменением политики в деревне и характеризующуюся как «крестьянские настроения». Несмотря на колебания, наблюдающиеся в различные периоды в 1928-1931 гг., эти настроения красноармейских масс удалось нейтрализовать совместными усилиями и конкретными мероприятиями (политическими, агитационными, карательными) различных органов. Своеобразная победа в армейской среде была важнейшим залогом победы всего «нового курса» в деревне и по праву сравнима со стратегическим сражением, определяющим исход войны. Иначе трудно объяснить тот факт, что ни социалистические «преобразования» деревни, сопровождающиеся различными «перегибами», ни карательные меры, как внутри армии, так и в деревне, ни массовые выступления крестьян, ни даже голод 30-х годов, не смогли поднять планку «крестьянских настроений» в армии также высоко, как это было в 1928 году.

Примечания

¹ В.П. Данилов. Введение. // Красная Армия и коллективизация деревни в СССР (1928-1933 гг.). Сборник документов из фондов Российского государственного военного архива. Составители А. Романо и Н. Тархова. Неаполь. 1996. С. 22. (Далее – сб. КА и КД). Для сравнения приведем соответствующие показатели за предыдущий период. За время с 1 октября 1926 г. до 31 октября 1927 г. по СССР было отмечено 63 массовых выступления. (Там же. С. 20).

² Н.С. Тархова. Участие Красной армии в заселении станицы Полтавской зимой 1932-1933 гг. (по материалам РГВА). // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. 1997. № 1. С. 38-42.

В.М. Михалева. Н.С. Тархова. «Медынское дело» в Красной Армии или рассказ о том, как проводилось раскулачивание в провинциальном городке Медынь в январе 1930 г. // The Stalin-Era Research and Archives Project. Centre for Russian and East European Studies University of Toronto. Working Paper № 6. 2000.

³ *Красная Армия и коллективизация деревни в СССР (1928-1933 гг.).* Сборник документов из фондов РГВА. Составители Андре Романо и Нонна Тархова. Неаполь. 1996. (Публикация документов и предисловий одновременно на русском и итальянском языках). *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание.* Сборники документов и материалов. Тома 1-4. М. РОССПЭН. 1999-2003. В данном серийном издании опубликованы документы Российского государственного военного архива.

⁴ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 12. Л. 247-251 об. // Оpub. в сб. КА и КД... С. 72.

⁵ Из них 60,6% составляли крестьяне, 3,0% батраки. *Там же.*

⁶ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 12. Л. 247-251 об. // Оpub. в сб. КА и КД... С. 72.

⁷ Из них 68,2% составляли крестьяне, 3,6% батраки. *Там же.*

⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 29. Д. 12. Л. 247-251 об. // Оpub. в сб. КА и КД... С. 72

⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 32. Д. 1 // Оpub. в сб. КА и КД... С.72

¹⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 32. Д. 1 // Оpub. в сб. КА и КД... С.72

¹¹ Там же.

¹² Далее в тексте – ОО ОГПУ.

¹³ Далее в тексте – КН (сокращ.)

¹⁴ Далее в тексте – ХЗ (сокращ.)

¹⁵ СКВО – Северо-Кавказский военный округ.

¹⁶ УВО – Украинский военный округ.

¹⁷ ПриВО – Приволжский военный округ.

¹⁸ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 263. Л. 19-20 // Оpub. в сб. КА и КД...(документ № 1). С. 76-80.

¹⁹ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 263. Л. 25.

²⁰ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 263. Л. 19-20 // Оpub. в сб. КА и КД... С. 80.

²¹ Сводки ПУ РККА от 14 февраля 1928 г. и 10 марта 1928 г. // Частично опуб. в сб. КА и КД...(док. № 2,3). С. 90, 102.

²² Сводка ПУ РККА от 14 февраля 1928 г. (пункт 1) // Там же. С. 100.

²³ Там же. С. 82, 100.

²⁴ Там же. С. 84, 86, 88.

²⁵ Там же. С. 84, 86, 88, 92.

²⁶ Там же. С. 84, 86, 92.

²⁷ Там же. С. 84, 86, 90.

²⁸ Там же. С. 92, 100, 102.

²⁹ Там же. С. 92, 94, 96, 100, 102.

³⁰ Сводка ПУ РККА от 10 марта 1928 г. , (пункты 4, 3). // Там же. С. 102, 104, 108.

³¹ Там же, (пункты 1, 2, 3, 5). С. 102, 108.

³² Там же, (пункты 2, 5). С. 102, 104, 108.

³³ Там же. С. 102, 104.

³⁴ Сводки ПУ РККА от 14 февраля 1928 г. и 10 марта 1928 г. // Там же. С. 92, 94, 104, 108.

³⁵ Там же. С. 94, 110.

³⁶ Там же. С. 96, 100, 104.

³⁷ Там же. С. 98, 104, 106.

³⁸ Там же. С. 98, 106.

- ³⁹ Сводка ПУ РККА от 10 марта 1928 г. // Там же. С. 106.
- ⁴⁰ Сводки ПУ РККА от 14 февраля 1928 г. (пункт 4-6) и от 10 марта 1928 г. (пункт 8-10). // Там же. С. 100, 110.
- ⁴¹ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 263. Л. 2. // Там же (документ № 4). С. 112.
- ⁴² РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 263. Л. 3-5. // Там же (документ № 5). С. 114-118.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ *Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Сборник документов и материалов.* // Тома 1. М. РОССПЭН. 1999. (Далее - ТСД). С. 170-171 (док. № 56).
- ⁴⁵ Там же. С. 171.
- ⁴⁶ НКВМ - Народный комиссариат по военным и морским делам.
- ⁴⁷ ТСД. Том. 1 (док. № 85). С. 232.
- ⁴⁸ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 759. Л. 52.
- ⁴⁹ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 726. Л. 218-222. // Частично опуб. в сб. КА и КД... (док. № 6). С. 120-126.
- ⁵⁰ РГВА. Ф. 4. Оп. 1. Д. 726. Л. 153-154. // Оpub. в сб. КА и КД... (док. № 7). С. 128-130.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 109. Л. 109. Эти цифры отличались от тех, что приводятся в обзоре Военной прокуратуры. (РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 108. Л. 145-146).
- ⁵³ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 68. Л. 37-85. // Частично в сб. КА и КД... (док. №№ 8-9, 11). С. 132-138, 144, а также в сб.: ТСД. Том 1 (док. № № 123, 141). С. 373-378, 467-473.
- ⁵⁴ Там же, сб.: КА и КД... С. 132.
- ⁵⁵ Там же.
- ⁵⁶ Там же. С. 132, 138.
- ⁵⁷ Там же. С. 132.
- ⁵⁸ Сводка № 5. // ТСД. Том. 1 (док. № 123). С. 373.
- ⁵⁹ Сводка № 2. // КА и КД (док. № 8). С. 134.
- ⁶⁰ Там же.
- ⁶¹ Сводка № 3. // Там же (док. № 9). С. 138.
- ⁶² Сводка № 5. // ТСД. Том. 1 (док. № 123). С. 373.
- ⁶³ БВО - Белорусский военный округ.
- ⁶⁴ МВО - Московский военный округ.
- ⁶⁵ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 262. Л. 58 и об. // Частично опуб. в сб: КА и КД... (док. № 10). С. 140.
- ⁶⁶ ТСД. Том 1, (док. № 141). С. 472 - 473.
- ⁶⁷ Сводка № 8. // Частично опуб. в сб: КА и КД... (док. № 11). С. 144.
- ⁶⁸ Сводка № 8. // ТСД. Том 1, (док. № 141). С. 468.
- ⁶⁹ ТСД. Т. 1. С. 511-514..
- ⁷⁰ ТСД. Т. 1. С. 606-609.
- ⁷¹ Сводка ОО ОГПУ по состоянию на 1 мая 1929 г. // Частично опуб в сб. КА и КД... (док. № 14). С. 158.
- ⁷² Там же.
- ⁷³ Там же. С. 159.
- ⁷⁴ Там же. С. 160.

⁷⁵ Там же. С. 160, 162.

⁷⁶ Циркуляр ПУ РККА о проведении сборов территориальных дивизий от 4 апреля 1929 г. // Там же (док. № 12). С. 146-152.

⁷⁷ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 115. Л. 187-196. // Частично опуб. в сб. КА и КД... (док. № 13). С. 154-156.

⁷⁸ Там же.

⁷⁹ ТСД. Том 1. – Док. № 185, С. 618-620. Док. № 193, С. 622-624. Док. № 196, С. 635-636. Док. №№ 198 и 199, С. 644-648. Док. № 214, С. 661-663.

⁸⁰ ЛВО - Ленинградский военный округ.

⁸¹ СибВО - Сибирский военный округ.

⁸² РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 115. Л. 26-27. // Частично опуб. в сб. КА и КД... (док. № 15). С. 164-166.

⁸³ РГВА. Ф. 9. Оп. 28. Д. 707. Л. 41-45. // Частично опуб. в сб. КА и КД... (док. № 20). С. 194-198.

⁸⁴ Там же. С. 196.

⁸⁵ Там же. С. 196.

⁸⁶ Там же. С. 196.

⁸⁷ Там же. С. 196-198.

⁸⁸ Сводка ПУ РККА от 26 октября 1929 г. // Частично опуб. в сб.: КА и КД... (док. № 19). С. 190-192.

⁸⁹ ККА - Краснознаменная Кавказская армия.

⁹⁰ Сводка ОО ОГПУ по состоянию на 1 августа 1929 г. // Частично опуб. в сб. КА и КД... (док. № 15). С. 164-166.

⁹¹ Сводка ПУ РККА от 26 октября 1929 г. // Частично опуб. в сб.: КА и КД... (док. № 19). С. 190-192.

⁹² ТСД. Том.1. Док. №№ 270-272.

⁹³ Директива ПУ РККА от 12 декабря 1929 г. // Частично опуб. в сб.: КА и КД... (док. № 21). С. 200-206.

⁹⁴ Стенограмма совещания частично опуб. в сб. КА и КД...(док. № 40). С. 306-318.

⁹⁵ Там же. С. 310.

⁹⁶ Там же. С. 306-318.

⁹⁷ Там же. С. 314.

⁹⁸ Сводка ПУ РККА от 1 июля 1930 г. // Частично опуб. в сб. КА и КД... (док. № 45). С. 350-352.

⁹⁹ Там же. С. 352.

¹⁰⁰ Там же.

¹⁰¹ Здесь и далее приводятся цитаты из сводки ПУ РККА от 8 сентября 1930 г. // Частично опуб. в сб. КА и КД... (док. № 46). С. 354-358.

¹⁰² САВО - Средне-Азиатский военный округ.

¹⁰³ Сводка ОО ОГПУ по данным на 14 октября 1930 г. // Частично опуб. в сб. КА и КД... (док. № 47). С. 360.

¹⁰⁴ Там же. С. 362.

¹⁰⁵ Там же. С. 362.

¹⁰⁶ Там же. С. 364.

¹⁰⁷ Там же. С. 360.

¹⁰⁸ ТСД. Том. 1 (док.. № 155). С. 519.

¹⁰⁹ Сводка ПУ РККА об отношениях красноармейцев к весеннему севу и колхозному строительству от 7 мая 1931 г. // Частично опуб. в сб. КА и КД... (док. № 49). С. 374.

¹¹⁰ Там же. С. 370.

¹¹¹ Там же. С. 372, 374.

¹¹² Там же. С. 376.

Голод 1932 – 1933 гг. в России и Украине: трагедия советской деревни

В 2003 году мировая общественность отметила печальную дату – 70-летие голода 1932-1933 годов в СССР, явившегося одной из самых трагических страниц в мировой истории XX века.

В центре внимания настоящей статьи – ситуация 1931-1933 годов в аграрных районах России и Украины. При этом основной акцент делается на событиях в российских регионах – Поволжье, на Дону, Кубани, Южном Урале. Подобный подход обусловлен следующими причинами: во-первых, в течение многих лет автор занимался историей голода 1932-1933 годов в Поволжье и на Южном Урале¹, во-вторых, в 2002 году совместно с американским историком Дианой Пеннер он опубликовал книгу о голоде 1932-1933 годов в российской деревне, в которой широко представлены материалы о ситуации на Дону и Кубани в период голодомора²; в-третьих, автор являлся одним из ответственных составителей 3-го тома пятитомной серии документальных сборников “Трагедия советской деревни: коллективизация и раскулачивание”, целиком посвященного событиям 1931-1933 годов, что позволило ему использовать многочисленные документы по данной теме, выявленные в ходе работы над сборником³. Кроме того, наряду с традиционными архивными материалами автором изучены оригинальные источники. В частности – документы 65 районных и четырех областных архивов ЗАГС Поволжья и Южного Урала, весьма полезные для определения масштабов и демографических последствий голода в российской деревне, а также материалы проведенного им социологического обследования 102 селений Поволжья и Южного Урала, в ходе которого были записаны свидетельства о голоде 617 переживших его очевидцев⁴.

Особый акцент в статье делается автором на сравнительном анализе обстоятельств трагедии 1932-1933 годов в России и Украине. Данный подход обусловлен, с одной стороны, уровнем историографической разработки темы, а с другой – ее явной политизацией в последние годы историками и политиками Украины.

В конце 1990-х – начале 2000-х годов антироссийские силы в Украине и на Западе вновь попытались использовать трагедию 1932-1933 годов в конъюнктурных политических целях⁵. Они предъявили обвинения России, которая, как правопреемник СССР, должна была, по их мнению, взять на себя ответственность за политику сталинского режима в Украине в 1930-е

годы. В этом случае Украина рассчитывала на материальную компенсацию от России за организованный в Украине геноцид голодом в 1932–1933 годах руководством СССР. Попытки провести данную резолюцию в ООН закончились неудачей. 15–18 октября 2003 года в Италии (в г. Виченца) была проведена крупная международная конференция с целью «научно подтвердить» теорию геноцида Украины в 1932–1933 годах со стороны сталинского руководства. Но на ней украинская версия трагедии 1932–1933 годов в Украине не была поддержана российской делегацией в составе крупнейшего российского исследователя коллективизации Н. А. Ивницкого и автора настоящей статьи.

Еще одной попыткой обосновать теорию геноцида голодом в 1932–1933 годах украинского народа со стороны руководства СССР стало научное заседание, организованное Институтом всеобщей истории РАН, Институтом истории Украины Национальной Академии Наук Украины, Российско-украинской комиссией историков 29 марта 2004 года в Москве, в здании Президиума Российской Академии Наук. Заседание было посвящено обсуждению темы «Голод в Украине 1932–33 годов: Причины и последствия», в котором принял участие и автор настоящей статьи. Заседание проводилось в рамках семинаров российских и украинских ученых, а также по инициативе МИДа России, который обратился к Российской Академии Наук за разъяснением относительно обстоятельств голода 1932–1933 годов в Украине. В заседании участвовали ведущие российские историки, специалисты в области изучения Советской России сталинского периода из Института российской истории РАН, Института Всеобщей истории РАН, МГУ им. М. В. Ломоносова, МПГУ: А. А. Чубарьян, В. П. Данилов, Е. И. Пивовар, А. А. Данилов, А. В. Шубин, В. С. Лельчук, В. Б. Жиромская, О. М. Вербицкая, Н. А. Араловец и другие. С украинской стороны в заседании участвовали С. В. Кульчицкий, В. И. Марочко, Г. Г. Ефименко.

Для проведения дискуссии с основными докладами выступили С. В. Кульчицкий и В. П. Данилов. Доклад С. В. Кульчицкого назывался «Были ли голод 1932–1933 годов геноцидом?». В. П. Данилов выступил на тему «Голод 1932–1933 годов – кем и как он был организован?». Затем состоялась свободная дискуссия участников заседания. В результате открытого и эмоционального обмена мнениями российские историки не поддержали версию украинских коллег о геноциде голодом в Украине в 1932–1933 годах со стороны сталинского режима. Российские участники пришли к заключению, что в научном плане следует говорить о недальновидной, безнравственной и в ряде моментов преступной политике Сталина, ответственного за голод в СССР в 1932–1933 годах, причем не только в Украине, но и в российских регионах.

В то же время и российские, и украинские историки были едины в том, что память о трагедии 1932–1933 годов должна не разъединять, а объединять братские народы. Поэтому необходимо продолжение научного диалога по спорным вопросам данной темы. В какой-то

степени решению этой задачи и посвящена данная статья.

Итак, как уже отмечалось нами, очевидным является тот факт, что тема голода 1932-1933 годов выходит за рамки научной дискуссии, поскольку значительно политизирована. В этой связи следует напомнить слова известного исследователя голода Майка Дэвиса относительно непонятной забывчивости западной общественности голодных трагедий в Индии и странах третьего мира, по крайней мере, не уступавших по числу жертв сталинскому голодомору в Украине. «Дети голода 1876 и 1890 исчезли из мирового курса истории», – констатировал Дэвис⁶.

Еще один известный факт, представители ирландских националистов, выступающие с обвинением в адрес Англии по поводу якобы организованного ею картофельного голода в Ирландии с целью окончательно сломить движение ирландского народа за независимость, не поддержаны серьезными экспертами, имеющими доступ к соответствующим архивным материалам⁷.

И третий факт, проблема сталинского голодомора в Украине приобрела особый подтекст в связи с распадом СССР. До этого времени Запад, по большому счету, не замечал данной трагедии в Украине ни в 1930-е годы, ни в последующие. В настоящее же время, как свидетельствует, например, прошедший в Италии (г. Виченца) в октябре 2003 года международный симпозиум, посвященный голоду в Украине, события семидесятилетней давности приобретают очевидную антироссийскую направленность⁸.

Главный вопрос дискуссии – это вопрос о специфике ситуации в Украине и других регионах СССР в начале 1930-х годов. В какой степени сталинская политика коллективизации, хлебозаготовок и в целом имела региональные особенности с точки зрения конкретных мер и последствий?

Установленным в историографии фактом является распространение голодного бедствия в 1932-1933 годах за пределы Украины, на Дон, Кубань, Поволжье, ЦЧО, Южный Урал, Западную Сибирь. Совершенно исключительными по драматизму и последствиям стали события в Казахстане⁹.

На собственном опыте автор настоящей статьи убедился, что трагедия 1932-1933 годов в российских регионах оставила не менее неизгладимый след в народной памяти, чем в Украине. Занимаясь, по инициативе В. П. Данилова, кандидатской диссертацией по теме голода 1932-1933 годов в Поволжье и на Южном Урале, он обошел 5 областей и в 102-х селениях опросил около 700 очевидцев трагедии¹⁰. Их свидетельства можно ставить в один ряд с опубликованными воспоминаниями украинских крестьян в известной «Народной книге-мемориале» «Голод 33» Лидии Коваленко и Владимира Маняка¹¹. В каждой российской деревне, попавшей в зону голода, до сих пор помнят 33-й год. Например, недавно в районном поселке Малая Сердоба Пензенской области жителями установлен обелиск в память о жертвах 33-го года...

По нашему глубокому убеждению, дискуссия на тему, какой народ больше пострадал от сталинского режима малопродуктивна в научном отношении и опасна в нравственном и политическом.

За последние годы благодаря прежде всего исследованиям В. П. Данилова, Н. А. Ивницкого, И. Е. Зеленина, Е. Н. Осколкова общественность получила всестороннее представление о причинах, ходе и последствиях коллективизации в СССР¹². Их работы и труды других историков, а также публикация огромного комплекса источников по истории коллективизации из ранее недоступных фондов российских архивов, на наш взгляд, достаточно убедительно показали, что в основе трагедии 1932–1933 годов в советской деревне, в том числе в Украине, лежала политика насильственной коллективизации и принудительных хлебозаготовок сталинского режима¹³.

Данный вывод подтвердился на региональном уровне: в ЦЧО – П. В. Загоровским, в Уральском регионе – Ю. П. Барановым, на Дону и Кубани – Д. Пеннер, в Республики Мордовия – Т. Д. Надькиным, в Поволжье – В. В. Кондрашиным¹⁴.

Необходимо вспомнить и о зарубежных исследователях, подтвердивших выводы российских историков. Среди них – Р. Дэвис, С. Уиткрофт, М. Левин, С. Мерль, Л. Виола, Д. Пеннер, Х. Окуда, Ш. Фицпатрик и др.¹⁵

Выявленные факты и сделанные обобщения в ходе многолетних изысканий дают основания, на наш взгляд, для следующих суждений относительно причин, масштабов и последствий голода 1932–1933 годов в основных аграрных районах СССР, в том числе в Украине. Эти суждения основываются на разнообразном и достоверном, на наш взгляд, источниковом материале.

Каковы же были причины голода? Традиционно голод в России был связан с засухами и недородами хлебов. Поэтому принципиальным для нас является вопрос о погодных условиях и урожае в зерновых районах СССР накануне трагедии. На этот счет нами собраны многочисленные факты.

Прежде всего имеются очень важные свидетельства специалистов, непосредственно наблюдавших за погодой и урожаем 1932 года в зерновых районах СССР. Так, Комиссия президиума ЦИК по изучению хода советского, экономического и культурного строительства на территории Северного Кавказа в своем отчетном докладе, написанном в январе 1933 года, затрагивая вопрос об урожае 1932 года, заключила, что погодный фактор не заслуживал внимания с точки зрения его включения в итоговый отчет¹⁶. В письме Сталину от 26 июля 1932 года К. Е. Ворошилов, побывавший в Северо-Кавказском крае, сообщал: «Климатические (метеорологические) условия текущей весны и лета на С.К. были исключительно благоприятны»¹⁷.

Эндрю Кэрнс, шотландско–канадский специалист по пшенице, объехавший весной–летом 1932 года основные сельскохозяйственные районы,

включая Украину, указал на проходившие дожди и не привел никаких сведений о природных катаклизмах типа засух, наводнений и т.д. Он отмечал, что, хотя зерновые хлеба вокруг Киева и Днепропетровска были довольно бедными, цвет пшеницы говорил о том, что она вовремя получила необходимое количество осадков. Аналогичную ситуацию наблюдал Кэрнс и на Кубани¹⁸.

То же самое можно сказать и о Поволжье, регионе традиционно подверженном засухам и недородам. В 1931-1933 годах специалистами-метеорологами установлена следующая характеристика погоды в весенне-летний период, определяющий созревание сельскохозяйственных культур. 1931 год – средняя засуха в районе городов Саратова и Сталинграда, сильная – в районе г. Безенчука. В 1932 году – засухи нет. По мнению специалистов, этот год можно охарактеризовать, как “благоприятный для урожая всех полевых культур”¹⁹. Известными российскими исследователями засух В. Ф. Козельцевой и Д. А. Педью по 40 метеостанциям, расположенным в Европейской части страны, в том числе и в рассматриваемых регионах, был рассчитан индекс засушливости, характеризующий интенсивность атмосферной засушливости за май-август 1900-1979 годов. Было установлено, что в 1931 году индекс атмосферной засушливости в районе городов Саратова, Оренбурга, Астрахани был значительно слабее, чем в 1921, 1924 годах. В 1932 году индекс атмосферной засушливости не показывал засухи в Поволжье, на Дону и Кубани²⁰.

По просьбе автора, в бывшем Всесоюзном научно-исследовательском институте сельскохозяйственной метеорологии (г. Обнинск) по методике, разработанной доктором физико-математических наук О. Д. Сиротенко, сотрудницей института В. Н. Павловой с помощью математического моделирования была определена урожайность одной из основных зерновых культур Поволжья яровой пшеницы за период с 1890 по 1990 годы, исходя из агроклиматических условий данных лет. Гипотетически был определен средний уровень урожайности яровой пшеницы за 100 лет и ее отклонения от этого уровня за каждый из данных 100 лет. Было установлено, что в 1931 году на территории Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев должно было произойти существенное снижение урожайности яровой пшеницы вследствие засухи. В 1932 году ситуация уже складывалась по другому. Гипотетически урожайность яровой пшеницы должна была равняться средней за 100 лет в сельских районах современных Волгоградской и Ульяновской областей, незначительно снизиться в современных районах Саратовской (на 30%) и Самарской (на 10%) областей, и более серьезно упасть в Оренбургской области (на 40%)²¹.

О том, что в Поволжье в 1932 году погода не могла существенно снизить урожайность зерновых культур, говорит и такой факт. В Саратове на экспериментальной станции Института зерна урожай пшеницы в 1932 году в среднем составил 15 центнеров с гектара, в то время как самое лучшее

хозяйство во всем Поволжье дало в этом году урожайность 6 центнеров с гектара²².

В ходе социологического обследования деревень Поволжья и Южного Урала старожилам нами был задан вопрос, касающийся влияния погодных условий на наступление голода. В составленной анкете он звучал следующим образом: “Достаточным ли был урожай зерновых, собранный крестьянами вашего села накануне голода, чтобы обеспечить их семьи хлебом до следующего урожая, или этот урожай полностью или частично погиб вследствие засухи?”. Из 617 человек, опрошенных, уверенно ответить смогли 293 человека. Из них 206 ответили утвердительно и 87 – отрицательно. То есть, из числа сумевших дать ответ на указанный вопрос, преобладающее большинство свидетелей событий 1932-1933 годов в Нижне-Волжском и Средне-Волжском краях (70,2%) не признали влияния погодных условий на наступление голода. В то же время почти 30% заняли иную позицию. Но здесь следует оговориться, что и эти 30% не отрицали негативных последствий коллективизации и хлебозаготовок для судеб крестьянства и подчеркивали, что хлеб вывезли из деревни, несмотря на засуху²³. Таким образом, очевидцы рассматриваемых событий подтвердили данные других источников о характере погодных условий в Поволжье и на Южном Урале в 1932 году.

В целом можно заключить, что в 1931-1932 годах погода в зерновых районах СССР была не совсем благоприятной для сельского хозяйства. Однако при сохранении существовавшего уровня агротехники она не могла вызвать массового недорода хлебов. В 1932 году в зерновых районах не было засухи, аналогичной по своей интенсивности и границам распространения засухам XIX – первой половины XX вв., приводившим к повсеместной гибели посевов²⁴. Речь может идти лишь о локальной засухе в отдельных районах, средней по своей интенсивности.

Поэтому голод 1932-1933 годов – это не результат стихийных бедствий, а закономерное следствие аграрной политики сталинского режима и реакции на нее крестьянства. Его непосредственными причинами стала антикрестьянская политика коллективизации и хлебозаготовок, проводившаяся сталинским руководством ради решения задач форсированной индустриализации страны и укрепления собственной власти.

В 1932-1933 годах голод поразил не только Украину, а все основные зерновые районы СССР, зоны сплошной коллективизации. Внимательное изучение источников указывает на единый в своей основе механизм создания голодной ситуации в зерновых районах страны. Повсюду это насильственная коллективизация, принудительные хлебозаготовки и госпоставки других сельскохозяйственных продуктов, раскулачивание, подавление крестьянского сопротивления, разрушение традиционной системы выживания крестьян в условиях голода (ликвидация кулака, борьба с нищенством, стихийной миграцией и т.д.)²⁵.

Самое главное, что шел процесс одновременного вхождения коллективизированных регионов СССР в голод. Мы еще раз подчеркиваем,

одновременного вхождения.

Логическую цепочку событий, приведших к трагедии, можно выстроить следующим образом – коллективизация, хлебозаготовки, аграрный кризис 1932 года, крестьянское сопротивление, “наказание крестьян с помощью голода” во имя укрепления режима и утверждения колхозного строя.

О неразрывной связи коллективизации и голода можно судить хотя бы по такому очевидному факту, как прекращение в 1930 году полосы стабильного развития советской деревни, наступившей после голодных 1924-1925 годов. Уже 1930 год – год сплошной коллективизации – ознаменовал возвращение призрака голода. В ряде районов Украины, Северного Кавказа, Сибири, Нижней и Средней Волги возникли продовольственные затруднения вследствие хлебозаготовительной кампании 1929 года, использовавшейся в качестве катализатора колхозного движения²⁶.

Казалось, 1931 год должен стать для хлеборобов сытым, поскольку в 1930 году вследствие исключительно благоприятных погодных условий в зерновых районах страны был собран рекордный урожай (по официальным данным – 835,4 млн. центнеров, в действительности же – не более 772 млн. центнеров)²⁷. Но нет. Зима-весна 1931 года – печальный предвестник будущей трагедии. В редакции центральных газет шли многочисленные письма колхозников Поволжья, Северного Кавказа и других районов о тяжелом материальном положении. Основными причинами возникших трудностей в этих письмах назывались хлебозаготовки и политика коллективизации. Причем нередко ответственность за это возлагалась лично на Сталина. “Люди дышат огнем, проклинают самого тов. Сталина, который создал эту скорбь”, – говорилось в одном из таких писем²⁸.

Опыт первых двух лет коллективизации наглядно продемонстрировал, что сталинские колхозы по своей сути не имели ничего общего с крестьянскими интересами. Они рассматривались властью прежде всего как источник для получения товарного хлеба и другой сельскохозяйственной продукции. Интересы хлеборобов при этом в расчет не брались. Об этом очень красноречиво говорили система планирования хлебозаготовок и методы их осуществления.

Уже первый год коллективизации ясно показал те цели, ради которых она осуществлялась. В 1930 году государственные заготовки зерна, по сравнению с 1928 годом, выросли в 2 раза. Из деревень в счет хлебозаготовок было вывезено рекордное за все годы Советской власти количество зерна (221,4 млн. центнеров). В основных зерновых районах заготовки составили в среднем 35-40%²⁹. В 1928 году они колебались в пределах 20-25%. Так, например, в 1930 году в Северо-Кавказском крае валовой сбор зерна вырос до 60,1 млн. центнеров, по сравнению с 49,3 млн. центнеров в 1928 году. В то же время, в счет хлебозаготовок было изъято 22,9 млн. центнеров, по сравнению с 10,7 млн. центнеров в 1928 году, то есть на 107% больше. Причем, Северный Кавказ выполнил не только первоначальный план, но и

дополнительный, сдав в счет хлебозаготовок часть посевного материала, фуражного и продовольственного зерна. В результате, как уже говорилось, некоторые районы Северо-Кавказского края весной 1931 года испытывали серьезные продовольственные трудности, и в них пришлось завозить семена для засева колхозных полей³⁰.

1931 год выдался не совсем благоприятным по погодным условиям. Хотя не такая сильная, как в 1921 году, но все же засуха поразила пять основных районов Северо-востока страны (Зауралье, Башкирию, Западную Сибирь, Поволжье, Казахстан)³¹. Это самым негативным образом сказалось на урожайности и валовых сборах зерновых хлебов. В 1931 году был получен пониженный урожай зерновых, по официальным данным, 694,8 млн. центнеров, (в 1930 году – 772 млн. центнеров)³². Однако государственные заготовки хлеба не только не были сокращены, по сравнению с урожайным 1930 годом, но даже повышены. Например, для пораженных засухой Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев план хлебозаготовок составил соответственно 145 млн. пудов и 125 млн. пудов (в 1930 году они равнялись 100,8 млн. пудов и 88,6 млн. пудов)³³.

Методы выполнения планов хлебозаготовок носили характер продразверстки. В деревню вернулись порядки эпохи “военного коммунизма”. Местные власти, под давлением Центра, выгребали из колхозов и единоличных хозяйств весь наличный хлеб. С помощью “конвейерного метода” уборки, встречных планов и других мер устанавливался жесткий контроль над выращенным урожаем. Недовольных крестьян и активистов безжалостно репрессировали: раскулачивали, высылали, отдавали под суд³⁴. При этом инициатива в “хлебозаготовительном беспределе” исходила от сталинского руководства и лично Сталина³⁵. Наглядным свидетельством этого является выступление Сталина на октябрьском 1931 года пленуме ЦК ВКП(б). Прозвучавшие на пленуме просьбы секретарей Средне-Волжского и Нижне-Волжского крайкомов о сокращении хлебозаготовок в связи с недородом (при этом приводились конкретные данные об урожайности) Сталин отверг в резкой форме, поиронизировав над тем, “какими точными в последнее время” стали секретари... А присутствующий на пленуме нарком Наркомата снабжения Микоян, непосредственно отвечавший за снабжение населения продуктами питания, подводя итоги заслушанным сообщениям, подчеркнул: “Вопрос не в нормах, сколько останется на еду и пр., главное в том, чтобы сказать колхозам: “в первую очередь выполни государственный план, а потом удовлетворяй свой план”³⁶. Таким образом, давление на колхозную деревню шло с самого верха. Сталин и его ближайшее окружение несли личную ответственность за все действия местных властей по реализации их решений и их трагические последствия.

Результатом подобной политики, а также коллективизации в целом, явился глубокий кризис сельскохозяйственного производства в 1932 году. Его осязаемыми проявлениями стали: резкое сокращение поголовья рабочего и продуктивного скота, стихийные миграции сельского населения,

снижение качества основных сельскохозяйственных работ.

К началу посевной 1932 года стал очевиден тот невосполнимый урон, который понесло животноводство в результате коллективизации. Страна лишилась половины поголовья, потеряв примерно столько же животноводческой продукции. Только в 1958 году в СССР был превышен уровень 1928 года по основным видам поголовья скота. Из-за недостатка фуража, обусловленного последствиями хлебозаготовок, зимой 1931/32 года произошло самое резкое сокращение поголовья рабочего и продуктивного скота с начала коллективизации: пало 6,6 млн. лошадей – четвертая часть из еще оставшегося тяглового скота, остальной скот был крайне истощен. Общее поголовье рабочих лошадей и быков сократилось в СССР с 27,4 млн. в 1928 году до 17,9 млн. в 1932 году³⁷. В Нижне-Волжском и Средне-Волжском краях в 1932 году наблюдалась аналогичная картина. Произошло самое большое за все годы коллективизации сокращение поголовья скота. Если в 1931 году по сравнению с 1930 годом на Нижней Волге численность лошадей сократилось на 117,0 тысяч, на Средней Волге – на 128,0 тысяч, то в 1932 году по сравнению с 1931 годом этот показатель на Нижней Волге составил 333,0 тысяч лошадей, на Средней Волге – 300,0 тысяч³⁸. Поэтому, по данным Наркомзема СССР, в весеннюю посевную кампанию 1932 года, например, в Нижне-Волжском крае нагрузка на одну рабочую лошадь в среднем составила 23 гектара, (вместо 10 гектаров до начала коллективизации)³⁹. Отсюда вполне закономерным было снижение качества основных полевых работ в колхозах в 1932 году.

Трагическим по своим последствиям для деревни стало принудительное обобществление коров и личного скота колхозников. Источником этого беззакония стало постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 30 июля 1931 года “О развертывании социалистического животноводства”⁴⁰. На практике его выполнение вылилось в банальную реквизицию скота с крестьянских подворий. Ответом на такого рода действия явились массовые выходы крестьян из колхозов с требованием вернуть им скот, инвентарь, часть посевов. Крестьяне уничтожали скот, подрывая тем самым основы не только животноводства, но и продовольственной безопасности⁴¹.

Массовая миграция наиболее здоровых и молодых крестьян в города сначала от страха перед раскулачиванием, а затем из колхозов в поисках лучшей доли также существенно ослабила производственный потенциал деревни в 1932 году. Вследствие тяжелого продовольственного положения зимой 1931/32 года из сельской местности началось бегство в города и на заработки наиболее активной части колхозников и единоличников, прежде всего мужчин трудоспособного возраста. Значительная часть колхозников пыталась выйти из колхозов и вернуться к единоличному хозяйствованию. Пик массовых выходов пришелся на первое полугодие 1932 года, когда число коллективизированных хозяйств в РСФСР сократилось на 1370,8 тыс., в Украине на 41,2 тысячи⁴². Несанкционированное отходничество из деревни в города и промышленные районы составило по СССР за период с октября 1931 года по 1 апреля 1932 года 698342 чело-

век⁴³.

К началу весенней посевной 1932 года советская деревня подошла с подорванным животноводством и тяжелым продовольственным положением населения. Поэтому посевная кампания по объективным причинам не могла быть проведена качественно и в срок. Недостаток тягловой силы и нарушения правил агротехники в ходе сельскохозяйственной кампании 1932 года были предопределены последствиями пагубной для сельскохозяйственного производства аграрной политики сталинского руководства. Так, сокращение тягловой силы привело к серьезным задержкам всех основных полевых работ, снижению их качества. В 1932 году, согласно отчету комиссии ВЦИК, весенняя посевная кампания на Северном Кавказе растянулась на 30–45 дней, вместо обычной недели или чуть больше. В Украине к 15 мая 1932 года было засеяно только 8 млн. гектаров (для сравнения: 15,9 млн. в 1930 году и 12,3 в 1931 году)⁴⁴. Упорные усилия власти по расширению посевных площадей зерновых культур для роста их товарности, без введения прогрессивных севооборотов, внесения достаточного количества навоза и удобрений, неизбежно вели к истощению земли, падению урожайности, росту заболеваемости растений. Огромное сокращение тягловой силы при одновременном увеличении посевных площадей не могло не иметь своим результатом ухудшения качества вспашки, засева и уборки, а следовательно, снижения урожайности и увеличения потерь. Широко известны факты высокого засилья сорняков на полях, засеянных хлебами в 1932 году в Украине, на Северном Кавказе и в других районах, низкое качество прополочных работ⁴⁵.

Закономерным следствием подобных объективных обстоятельств стали огромные потери зерна при уборке урожая, размеры которых не имели аналогов в прошлом. Если в 1931 году, по данным НК РКИ, при уборке было потеряно более 150 млн. центнеров (около 20% валового сбора зерновых), то в 1932 году потери урожая оказались еще большими⁴⁶. Например, в Украине они колебались от 100 до 200 млн. пудов, На Нижней и Средней Волге достигли 72 млн. пудов (35,6% от всего валового сбора зерновых). В целом по стране в 1932 году не менее половины выращенного урожая осталось в поле⁴⁷. Если бы эти потери были сокращены хотя бы на половину, то никакой массовой голодной смертности в советской деревне не было.

Тем не менее, по оценкам источников и свидетельствам очевидцев, в 1932 году урожай был выращен средний по сравнению с предыдущими годами и вполне достаточный, чтобы не допустить массового голода. Но убрать его своевременно и без потерь не удалось. Поэтому, в конечном итоге, он оказался хуже, чем в 1931 году, хотя официальные цифры свидетельствуют об обратном. Огромный дефицит зерна в стране после окончания уборки и хлебазаготовительной кампании 1932 года возник в силу объективных и субъективных обстоятельств.

К объективным причинам можно отнести вышеназванные последствия двух лет коллективизации, сказавшиеся на уровне агротехники в

1932 году. Субъективными причинами стали, во-первых, крестьянское сопротивление хлебозаготовкам и коллективизации и, во-вторых, сталинская политика хлебозаготовок и репрессий в деревне.

Крестьянское неприятие колхозов, их активное сопротивление политике коллективизации и хлебозаготовок - важнейший фактор аграрного кризиса 1932 года. Основная масса колхозников и единоличников, имея крайне негативный опыт 1931 года, когда в результате выполнения хлебозаготовок они остались без хлеба и вынуждены были пережить голодную зиму, не желала и, в силу объективных условий (недостатка тягла прежде всего), не могла добросовестно работать в колхозах и своих хозяйствах. Колхозники предпочитали работе в колхозе любые другие заработки: в личном хозяйстве, совхозах, городе.

Уже с осени 1931 году и, особенно, весной 1932 года по стране прокатились так называемые “волынки” — коллективные отказы от работы в колхозах. В них приняло участие 55387 крестьян, в том числе 23946 человек в Украине⁴⁸. В этих условиях, чтобы заинтересовать крестьян в своевременной уборке урожая, в мае 1932 года выходят постановления СНК, ЦИК СССР и ЦК ВКП(б), согласно которым сокращается государственный план хлебозаготовок и после их выполнения (с 15 января) разрешается свободная торговля хлебом и мясом (в случае регулярного выполнения поставок в централизованные фонды)⁴⁹. В весенние и летние месяцы 1932 года следуют постановления о недопустимости ликвидации личных подсобных хозяйств колхозников, о возвращении им ранее реквизированного для общественных ферм скота, о соблюдении законности и прекращении беззаконий в деревне⁵⁰.

Однако все эти меры так называемого “неонэпа” не могли дать результата, поскольку они были приняты слишком поздно. В частности, постановление о “свободной торговле”, на которое рассчитывало Советское правительство, не сработало, так как на начало мая 1932 года у колхозников просто не осталось хлеба для его продажи на рынок. Его не хватало для собственного потребления. Голодавшими крестьянами владела одна мысль: как пережить зиму и весну. Задавленные многолетним произволом казаки и крестьяне уже не верили власти⁵¹.

Поэтому летом 1932 года с начала уборочной кампании в колхозах получили повсеместное распространение небывалое ранее воровство колхозного зерна с полей, массовый уход из деревень трудоспособного населения на заработки. Продолжались самороспуски колхозов, сопровождавшиеся, как говорилось в сводках ОГПУ, “разбором скота, имущества и с/х инвентаря”, “самочинным захватом и разделом в единоличное пользование земли и посевов”. Колхозники и единоличники отказывались работать в поле без обеспеченности общественным питанием⁵². В ряде мест вспыхивали массовые волнения, которые власти подавляли вооруженной силой. По данным ОГПУ, с апреля по июнь 1932 года в сельских районах СССР было зарегистрировано 949 массовых выступлений, против 576 в первом квартале⁵³.

Кроме того, с началом уборочной страды массовым явлением стало воровство крестьян колхозного зерна. Масштабы явления были настолько велики, что Советское государство, по личной инициативе Сталина, 7 августа 1932 года приняло “знаменитое” Постановление об охране общественной (социалистической) собственности, предусматривающее пойманным ворами срок наказания в виде 10 лет и расстрела⁵⁴. Местные власти в назидание остальным публиковали списки расстрелянных крестьян по этому, метко названному в народе, “закону о пяти колосках”⁵⁵.

Подобная ситуация была закономерна, поскольку ее острота была обусловлена начавшейся хлебозаготовительной кампанией, характер которой убеждал крестьян в правильности их поведения. Спущенные сверху планы были непосильными для колхозов и единоличных хозяйств с точки зрения их организационно-хозяйственного состояния.

Таким образом, пониженный урожай 1932 года определила совокупность объективных и субъективных причин. Их соотношение не было равнозначным на протяжении всего года. Весной 1932 года доминирующими были объективные факторы – последствия насильственной коллективизации и хлебозаготовок, обусловившие нарушения агротехники в период посевных и прополочных работ. Хотя и субъективный фактор – нежелание крестьян добросовестно работать, тоже проявлялся. Однако во многом он определялся объективными обстоятельствами (продовольственными трудностями, сокращением тягла, рабочих рук и т.д.). С началом же уборочных работ доминирующим стал субъективный фактор – крестьянское сопротивление хлебозаготовкам. Крестьяне не желали добросовестно убирать урожай в страхе перед голодом, который усиливался по мере развертывания хлебозаготовительной кампании. Но и здесь объективные причины того же рода, что и в период посевных и прополочных работ, давали о себе знать. В основе всей совокупности перечисленных обстоятельств лежала сталинская политика коллективизации, проводившаяся осознанно и решительно. Поэтому главная вина за аграрный кризис 1932 года лежит на политическом руководстве страны. Именно оно породило кризис и несет основную ответственность за последующие события. Поэтому в широком смысле слова мы можем говорить, что пониженный урожай 1932 года явился результатом действия субъективного фактора – политики форсированной модернизации, осуществляемой сталинским режимом за счет безжалостной эксплуатации деревни.

Хлебозаготовительная кампания 1932 года, оставившая деревню без хлеба, получила достаточное освещение в историографии⁵⁶. Ее региональные особенности связаны лишь с размерами территорий и конкретными персоналиями исполнителей. В остальном же, по своей сути, она была единой и для Украины, и для Поволжья, и для других зон сплошной коллективизации.

В Украине, Поволжье, ЦЧО, на Дону и Кубани происходили при-

мерно одни и те же процессы. Октябрьский 1931 года Пленум ЦК ВКП(б) о хлебозаготовках касался всех зерновых районов, а не лишь Украины. Чрезвычайные комиссии Политбюро ЦК 1932 года по хлебозаготовкам были созданы, почти одновременно, и не только в Украине, но и на Кубани и в Поволжье. «Черные доски» для невыполнивших план хлебозаготовок районов были введены не только в Украине, но и в Северо-Кавказском крае и Поволжье⁵⁷. Конфискация всего продовольствия у крестьян за невыполнение плана хлебозаготовок происходила в 1932-1933 годах не только в Украине, но и российских регионах, о чем свидетельствует, например, постановление Староминского райкома ВКП(б) Северо-Кавказского края по поводу Новодеревенской станицы⁵⁸. Произвол местных властей там в отношении сельских тружеников в период хлебозаготовок был не меньшим, чем в Украине, о чем можно судить, хотя бы, по письмам М. А. Шолохова И. В. Сталину о ситуации в Вешенском районе⁵⁹. И, наконец, печально известная директива Сталина-Молотова от 22 января 1933 года о принудительном закреплении крестьян в голодающих районах касалась не одной только Украины⁶⁰.

Следует не забывать, что в российских регионах было и то, чего не было в Украине. Это порки крестьян в колхозах Нижне-Волжского края в период сельскохозяйственной кампании 1931 года, а также поголовное выселение казачьих станиц на Кубани за «саботаж хлебозаготовок»⁶¹.

В то же время, украинская специфика в событиях 1932-1933 годов присутствовала, также как присутствуют свои специфики во всех регионах, особенно, в Казахстане, если говорить о последствиях трагедии⁶². В многонациональном Поволжье, например, спецификой голода было отсутствие его «национальной специфики». Это значит, что в зоне сплошной коллективизации одинаково голодали и русские, и татары, и мордва, и представители других народов⁶³.

В данном контексте следует отметить, что перерыв горы документов, исследователями еще не обнаружено ни одного постановления ЦК партии и Советского правительства, приказывающих убить с помощью голода определенное число украинских или других крестьян!

Возвращаясь к украинскому фактору в событиях 1932-1933 годах, укажем, на наш взгляд, на одно очень важное обстоятельство, повлиявшее на их ход и в немалой степени предопределившее их трагические последствия.

Летом 1932 года голод в Украине сыграл роль дестабилизирующего фактора для соседних регионов, прежде всего Северо-Кавказского края и ЦЧО. Хлынувшие туда голодные украинские крестьяне стимулировали «панические настроения» в казачьей и крестьянской среде, срывая тем самым уборочную кампанию и хлебозаготовки. Сам факт голода в Украине явился шоком для русских крестьян. Показательным в этом плане стала реакция и белоруссов. Летом 1932 года Белоруссия оказалась заполнена голодающими сельскими жителями Украины. Изумленные белорусские рабочие писали в «Правду» и высшему руководству страны,

что они не помнят, чтобы когда бы то ни было «Белоруссия кормила Украину»⁶⁴.

Однако следует отметить принципиальное положение – голод в соседних зерновых районах России возник одновременно с украинским, и последний лишь выступил в качестве катализатора событий, но не их главной причиной.

На наш взгляд, именно массовое бегство украинских крестьян из колхозов весной-летом 1932 года, в немалой степени, обусловило ужесточение политики сталинского руководства в деревне в целом, во всех регионах, в том числе в Украине.

Как свидетельствует опубликованная переписка И. В. Сталина и Л. М. Кагановича, в начале 1932 года Сталин полагал, что главная вина за возникшие в Украине трудности лежала на местном руководстве, которое не уделило должного внимания сельскому хозяйству, поскольку увлеклось «гигантами промышленности» и уравнил план хлебозаготовок по районам и колхозам. Именно поэтому весной 1932 года была предоставлена помощь Центра: семенная и продовольственная ссуды⁶⁵.

Однако после того, как Сталину сообщили, что руководители Украины (Г. И. Петровский) пытаются свалить вину за возникшие трудности на ЦК ВКП(б), а украинские колхозники, вместо благодарности за оказанную помощь, бросают колхозы, разъезжают по Европейской части СССР и разлагают чужие колхозы «своими жалобами и нытьем», его позиция стала изменяться⁶⁶. От практики предоставления продовольственных ссуд Сталин переходит к политике установления жесткого контроля над сельским населением. Причем эта тенденция усиливалась по мере усиления крестьянского противодействия хлебозаготовкам в форме прежде всего массового расхищения урожая и во всех без исключения зерновых районах СССР.

Таким образом, в основе сталинской твердости было стремление укрепить колхозный строй и сломить крестьянское сопротивление хлебозаготовкам как в Украине, так и других районах.

В определенной степени подобная политика обуславливалась и международной обстановкой. В литературе на тему коллективизации как-то глухо говорится об этом, а, между тем, внешний фактор, на наш взгляд, сыграл значительную роль в событиях 1932-1933 годов в Украине и советской деревне в целом.

В декабре 1931 года на сессии ЦИК В.М. Молотов в сильных выражениях говорил о «растущей опасности военной интервенции против СССР»⁶⁷. Это были не пустые слова. В результате крупного провала политики Коминтерна в Китае и агрессивной политики Японии на дальневосточных рубежах СССР возник реальный очаг военной угрозы. В сентябре 1931 года Япония вторглась в Маньчжурию и через год оккупировала ее. 13 декабря 1932 года Япония отвергла предложенный СССР пакт о ненападении. В начале 1933 года японская армия вышла непосредственно к дальневосточным границам Советского Союза⁶⁸. Сталинское

руководство с тревогой ожидало дальнейших шагов Японии. А в Германии к власти пришел Гитлер, который в период избирательной кампании инициировал кружечный сбор средств для оказания помощи голодающим немцам в СССР⁶⁹.

В условиях японской агрессии в Северном Китае и возникшей нацистской угрозы в Европе для сталинского руководства была важна твердая и решительная позиция. «Уверенно-пренебрежительный тон в отношении великих держав, вера в свои силы», – как выразил ее суть в январе 1933 года на сессии ЦИК В. М. Молотов⁷⁰.

Фактор внешней угрозы, стремление сохранить международный престиж СССР также предопределили бескомпромиссный характер противоборства сталинистов и крестьянства в период хлебозаготовительной кампании 1932 года и в Украине, и в других районах.

В то же время, мы не отрицаем наличия у сталинского режима сопутствующего мотива в его политике в Украине в 1932-1933 годах – стремления воспользоваться ситуацией и нейтрализовать те слои украинской интеллигенции и партийно-советской бюрократии, которые выступали за сохранение самобытности украинской культуры и образования в условиях начавшейся унификации национальных культур. Происходило примерно то, что было в период голода 1921-1922 годов, когда большевистское руководство под предлогом спасения голодающих расправлялось с инакомыслящими священниками, сопротивлявшимися неупорядоченному изъятию церковных ценностей (вспомним известное письмо В. И. Ленина В. М. Молотову от 19 марта 1922 года)⁷¹.

Голод 1932-1933 годов помог Сталину ликвидировать в Украине, по его мнению, потенциальную оппозицию его режиму, которая из культурной могла вырасти в политическую и опереться при этом на крестьянство. На этот счет имеются факты, в том числе в 3-ем томе документального сборника «Трагедия советской деревни», посвященного голодомору, где характеризуется деятельность в украинском селе органов ГПУ.

В частности, органы ОГПУ вели решительную борьбу против так называемой «националистической контрреволюции». Только в период с января по август 1932 года ОГПУ Украины было раскрыто и обезврежено 8 «националистических группировок украинской шовинистической интеллигенции» с 179 участниками. К концу августа 1932 года было ликвидировано уже 35 подобных групп с 562 участниками. Кроме того, ОГПУ фиксировали факты ведения в сельской местности среди партийно-хозяйственного актива антисоветской агитации бывшими укапистами, утверждавшими о том, что ВКП(б) и Советская власть «душат украинскую национальную культуру». В этом же ключе можно рассматривать постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 14 декабря 1932 года «О хлебозаготовках на Украине, Северном Кавказе и в Западной области», предусматривавшее изгнание «петлюровских и других буржуазно-националистических элементов из партийных и советских организаций», а также пе-

ревод на Северном Кавказе делопроизводства советских и кооперативных органов «украинских районов», всех издающихся там газет и журналов с украинского языка на русский, перевод в школах этих районов преподавания предметов с украинского на русский язык⁷².

Однако все же в основе трагедии в Украине были другие причины, прежде всего антикрестьянская политика сталинцев, недоверие Сталина к крестьянству как классу, независимо от его национальной принадлежности.

Характерным в этом плане было распоряжение Сталина, озвученное в его письме из Сочи Кагановичу и Молотову 18 июня 1932 года, о запрещении доводить до села сниженный план хлебозаготовок, чтобы не расхолаживать крестьян⁷³. В этом же ключе почти анекдотическая история с заготовкой яиц в Украине, план которой предполагал, что на каждую подсчитанную курицу, исходя из логики крестьянского поведения, приходится, как минимум две, укрытые от учета. Поэтому спустили план, выполнение которого было возможным, если бы каждая курица откладывала по одному яйцу в день⁷⁴.

Сталинская стратегия «подстраховки от крестьянской хитрости» усугубила ситуацию, о чем не побоялся указать Сталину М. Хатаевич в письме от 27 декабря 1932 года. Он заметил, что если бы Украина сразу получила сниженный план хлебозаготовок, то он бы был выполнен, поскольку люди были бы уверены в его реальности⁷⁵.

Крестьяне России и Украины были наказаны за их нежелание добросовестно работать в сталинских колхозах голодомором 1933 года. Вся вина за развал сельского хозяйства страны была возложена Сталиным и его окружением на местные власти, «кулаков» и «лодырей–колхозников». Об этом на весь мир было сказано в выступлениях вождя и его соратников на Январском объединенном 1933 года Пленуме ЦК и ЦКК и Первом Всесоюзном съезде колхозников ударников (февраль 1933 года)⁷⁶.

Масштабы голода 1932–1933 годов сопоставимы с ситуацией во время «Царя-голода» 1921–1922 годов. Голод охватил основные житницы страны и сопровождался всеми его ужасами. Многочисленные документы рисуют жуткую картину страданий миллионов сельских жителей. Эпицентры голода сосредоточились в зерновых районах – зонах сплошной коллективизации, где положение голодающего населения было примерно одинаковым. Об этом можно судить по данным сводок ОГПУ, донесениям политотделов МТС, закрытой переписке местных органов власти с Центром, свидетельствам очевидцев⁷⁷. В частности, только нами установлено, что в 1933 году в Поволжье такие населенные пункты Нижне-Волжского края, как деревня Ивлевка Аткарского района, село Старые Гривки Турковского района, колхоз имени Свердлова Семеновского сельсовета Федоровского кантона АССРНП почти полностью обезлюдели. Выявлены многочисленные случаи трупоедств и захоронений в общих ямах жертв голода в селах Саратовской, Пензенской, Самарской, Волгоградской об-

ластей. Как известно, подобное же наблюдалось в Украине, на Дону и Кубани⁷⁸.

Существуют официальные зарегистрированные ЗАГСами цифры голодной смертности сельского населения в 1932-1933 годах. Мы не разделяем распространенное в историографии мнение об отсутствии достоверной информации о смертности в голодающих районах СССР вследствие неэффективной работы органов учета (ЗАГСов). Проведенный нами анализ первичной документации 65 районных архивов ЗАГС и четырех областных, расположенных на территории, в 1933 году входившей в состав Нижне-Волжского и Средне-Волжского краев, убедительно доказал факт высокой смертности на почве голода и связанных с ним болезней в рассматриваемый период на данной территории. Об этом же говорило существенное падение уровня рождаемости в 1932-1934 годах в изученных районах. Анализ содержащихся в архивах ЗАГСов книг записей актов гражданского состояния о смерти по 895 сельским Советам за период с 1927 по 1940 годы показал, что зарегистрированный уровень смертности населения в 1933 году в Нижне-Волжском крае превысил уровень 1931 года – в 3,4 раза, 1932 года – в 3,3 раза, в Средне-Волжском крае соответственно 1931 года – в 1,5 раза, 1932 года – в 1,8 раза⁷⁹. На то, что резкий скачок смертности в 1933 году и падение рождаемости сельского населения были обусловлены наступившим голодом, указывают имеющиеся в актах о смерти записи причин смерти, прямо или косвенно свидетельствующие о голоде. Прежде всего в актовых книгах о смерти имеются прямые указания на смерть крестьян в 1933 году от голода. В частности, в графе акта о смерти “причины смерти” содержатся записи типа: умер “от голода”, “истощения”, “голодания” и т.п.⁸⁰ В изученных архивах ЗАГС нами обнаружены 3296 записей подобного содержания. О наступлении голода и степени обрушившихся на деревню тягот свидетельствуют имеющиеся в актах о смерти за 1933 год записи о смерти крестьян от болезней органов пищеварения. В частности, в графе “причина смерти” актов о смерти широко распространены такие записи, как: “истощение желудка”, “воспаление кишечника”, “кровоавый понос”, “отравление суррогатом” и т.п.⁸¹ Они убедительно иллюстрируют характерную черту голодного бедствия – смерть голодающих вследствие употребления в пищу различных суррогатов. Документы архивов ЗАГСов фиксируют многочисленные факты смертей крестьян в 1933 году от таких болезней, как “тиф”, “дизентерия”, “водянка”, “малярия” – постоянных спутников голода⁸². Таким образом, демографическая статистика ЗАГСов однозначно указывает на огромные масштабы голодного бедствия, сопоставимые для основных зерновых районов СССР.

Как показывают изученные источники, голод в его эпицентрах в равной степени затронул селения с русским и нерусским населением и не имел “национальной специфики” как таковой, то есть направленности против какого-то одного народа. Особенно убедительно данное положение иллюстрируется на примере Поволжья – одного из самых многона-

циональных регионов России. В частности, оно подтверждается результатами проведенного нами анкетирования очевидцев голода, в ходе которого были опрошены представители основных народов, традиционно проживавших в Поволжье (449 русских, 69 украинцев, 42 мордвина, 39 чувашей, 10 немцев, 7 татар, 4 казаха и 4 литовца). Они зафиксировали, что степень остроты голода определялась территориальным расположением селения в регионе и его экономической специализацией. Прежде всего в эпицентре голода оказались селения, расположенные в районах, специализировавшихся на товарном зерновом производстве. В них голод в равной степени поразил русские, мордовские, украинские и другие селения⁸³.

Голод 1932-1933 годов стал подлинной демографической катастрофой для деревни и страны в целом. В докладной записке заместителя начальника сектора населения и здравоохранения ЦУНХУ Госплана СССР от 7 июня 1934 года указывалось, что численность населения Украины и Северного Кавказа только по состоянию на 1 января 1933 года уменьшилась на 2,4 млн. человек⁸⁴.

Среди исследователей существуют различные оценки числа жертв данного голода. Произведенные в последние годы расчеты специалистов, базирующиеся на достоверной источниковой базе, рисуют следующую картину демографических потрясений на территории бывшего СССР в 1932-1933 годах.

Так, на основе анализа данных переписей 1926 и 1937 годов, а также текущего загсовского учета рассчитаны демографические потери от свирепствовавшего голода в Украине. Его прямые потери составили 3238 тыс. человек, или, с поправкой на несовершенство расчетов, они могут колебаться в диапазоне от 3 до 3,5 млн. человек. С учетом недобора родившихся в 1932-1934 годах (1268 тыс. человек) и снижения рождаемости полные потери колеблются в интервале от 4,3 до 5 млн. человек⁸⁵.

По нашим расчетам, основанным на анализе материалов 65 архивов ЗАГС Поволжья и данных центральных органов ЦУНХУ СССР, общие демографические потери сел и деревень Поволжья во время голода 1932-1933 годов, включавшие непосредственные жертвы голода, а также косвенные потери в результате падения рождаемости и миграции сельского населения, составили около 1 млн. человек. Численность крестьян, умерших непосредственно от голода и вызванных им болезней, определилась в 200-300 тыс. человек⁸⁶.

В Северо-Кавказском крае количество казаков и крестьян, непосредственно погибших от голода и вызванных им болезней, по официальным данным, исчисляется цифрой 350 тыс. человек. Однако применительно к этому региону необходимо учесть еще то обстоятельство, что в ходе хлебозаготовок огромный размах в крае получило массовое выселение "саботажников". Всего лишь одна хлебозаготовительная кампания 1932 года в Северо-Кавказском крае сопровождалась людскими потерями (жертвы голода, репрессий и депортаций) в 620 тыс. человек, то есть около 8%

населения Дона и Кубани⁸⁷.

С помощью анализа изменений в половозрастной структуре населения Казахстана между двумя переписями (1926 и 1939 годов) численность погибших от голода и безвозвратно мигрировавших казахов в 1931-1933 годах определена в пределах 1750-1798 тыс. человек, или 49% его первоначальной численности⁸⁸.

На наш взгляд, современная разработка проблемы демографических потерь населения СССР в 1930-е годы позволяет утверждать по крайней мере о 5 – максимум 7 млн. жертв голода 1932-1933 годов (прямые и косвенные потери)⁸⁹.

Важнейший вопрос темы – это причины огромных жертв Украины во время голодомора, по сравнению с другими регионами СССР. На наш взгляд, точнее всех в определении величины демографических потерь Украины в 1932-1933 годах является С. Уиткрофт, как специалист, досконально изучивший источники по данной проблеме, и самый авторитетный зарубежный исследователь в области изучения демографических потерь СССР в 1930-е годы⁹⁰.

С другой стороны, автор настоящей статьи может поделиться некоторыми своими наблюдениями при подсчете количества жертв голода в Поволжье и на Южном Урале. Располагая информацией о повсеместном распространении голода в регионе, он столкнулся, как ему показалось, на первый взгляд, с заниженными официальными цифрами голодной смертности. Изучив материалы 65 районных архивов ЗАГС, сопоставляя их с другими источниками, он пришел к выводу, что в пределах селения сельсовет фиксировал почти всех умерших, если не сразу, то чуть позже. В своем селе все друг друга знали, и поэтому факт смерти одного человека, или семьи не мог пройти незамеченным.

Другое дело умершие вне пределов селения. Но и здесь, на примере железнодорожного узла Ртищево Саратовской области (в 1932-33 годах Нижне-Волжского края. – Автор), он убедился, что умерших неизвестных лиц, как правило, беженцев из голодных сел, хоронили в общей яме на кладбище, но выписывали при этом соответствующий акт о смерти.

Сопоставив цифры убыли сельского населения и прибыли городского в Поволжье во время голода, автор данной статьи пришел к выводу, что большая часть бежавших крестьян устроилась в городе, на стройках и не погибла от голода. На это указывают и свидетельства очевидцев. В селениях умирали самые слабые и нетрудоспособные. Те же, кто мог спастись, уходили. И, в первую очередь, спасались крестьяне работоспособного возраста. Хотя, нередко, было и по другому, и не мало отчаявшихся умирало от истощения в пути⁹¹.

Скорее всего в Украине было также и, думается, что и там гораздо больше крестьян спаслось в городах и на стройках первой пятилетки, чем это принято считать. В данном контексте хотелось бы иметь специальные исследования по конкретным селениям, где была бы установлена, как можно точнее, судьба бежавших от голода крестьян.

Огромные потери Украины от голода определяются, с одной стороны, размерами территории Республики и численностью ее населения, проживавшего в сельской местности, в зоне сплошной коллективизации. С другой стороны, они стали результатом более жестких мер властей по установлению контроля над стихийной миграцией голодающего населения, цель которых была в сохранении колхозного производства. Характер этих мер, опять же, определялся огромной территорией Украины, ее пограничным, стратегическим положением, по сравнению с другими зерновыми районами СССР.

В то же время, если сравнить в процентном отношении сокращение сельского населения в Украине и зерновых районах России между переписями 1926 и 1937 годов, то окажется, что картина примерно одна и та же, что подтверждает факт примерно одинаковой остроты голода 1932–1933 годов в данных районах СССР⁹².

Масштабы голода были ужасными, поскольку, наряду с пагубными последствиями хлебозаготовок, они стали прямым результатом разрушения в СССР в годы насильственной коллективизации традиционной для деревни системы выживания в голодное время, а также антигуманной по отношению к голодающему населению политикой Советского государства.

Как известно, исторически сложившиеся формы выживания сельского населения в условиях голодного кризиса, а также государственной политики в период голодовок сводились к созданию продовольственных резервов, миграции голодающего населения, субсидируемым государством работам в эпицентрах трагедии и т.д.

К 1933 году в колхозной деревне не оказалось никаких страховых запасов зерна на случай голода, традиционных для дореволюционного времени. В ходе коллективизации о них вообще не шла речь, поскольку зерно рассматривалось лишь как источник получения средств для нужд государства. Особенно красноречиво об этом свидетельствуют зерновые ссуды, выданные колхозам в 1932–1933 годах. В отличие от доколхозного периода они преследовали одну цель – заставить колхозников добросовестно выполнять государственные повинности.

Как известно, в пик голода, с февраля по июль 1933 года, было принято не менее 35 постановлений Политбюро и декретов Совнаркома о выдаче в общей сложности 320 тыс. тонн зерна для продовольственных нужд. На семена, включая секретные поставки, было выделено 1,274 млн. тонн хлеба⁹³. Однако подавляющее большинство колхозников, по воспоминаниям очевидцев и другим источникам, не посчитало их фактом помощи голодающему населению со стороны государства, так как помощь пришла поздно, ее размеры были мизерными, и она носила избирательный характер. В первую очередь продовольственная помощь предназначалась только для тех колхозников, кто выходил на работу в колхоз. И центральные, и местные власти использовали хлеб как инструмент для выполнения сельскохозяйственных работ. В период весенней и уборочной страды 1933 года выдача

продовольственной ссуды приостанавливалась в колхозах в случае невыполнения колхозниками сельскохозяйственных работ. Выходящим в поле она нередко значительно сокращалась при невыполнении ими запланированных норм выработки⁹⁴. Показательна в этом плане одна из резолюций ЦК КП(б)У относительно того, что делать с крестьянами Киевской области, попавшими в больницу в результате голода: “Разделить всех госпитализированных на больных и выздоравливающих, значительно улучшить питание последних с тем, чтобы как можно скорее выпустить их на работу”⁹⁵.

Коллективизация разрушила одну из традиционных систем выживания земледельцев во время голода, связанную с существованием в деревне кулака, или, точнее сказать, зажиточного, хозяйственного хлеботорговца, который был постоянным гарантом для бедняка на случай голода. Главный итог аграрной политики Советской власти в деревне к началу 1933 года состоял в том, что в результате раскулачивания крестьяне лишились возможности получения частной помощи в пределах своего селения — традиционной формы выживания в условиях голода в доколхозной деревне.

Еще одним средством выживания деревни в условиях голода во все времена было нищенство. В 1932-1933 годах власть использовала все имеющиеся в ее арсенале средства, чтобы не позволить голодающим крестьянам собирать милостыню⁹⁶. Нищих высылали за пределы края. Кроме того, городским рабочим, военнотрудовым и жителям соседних регионов было запрещено делиться своими продовольственными пайками с голодающими колхозниками⁹⁷.

Традиционным средством выживания крестьян в условиях голода была продажа личного имущества, прежде всего домашнего скота и сельскохозяйственного инвентаря. В предшествующие годы, когда урожаи вследствие засухи оказывались низким и селениям угрожал голод, крестьяне обычно уже в первые летние месяцы продавали рабочий скот. Земледельцы сохраняли тем самым хлеб для продовольственного потребления семьи, поскольку его уже не надо было направлять на корм скоту. Катастрофическое сокращение поголовья рабочего и продуктивного скота в годы коллективизации, его обобществление самым негативным образом отразилось на положении крестьян. В 1932-1933 годах крестьяне оказались в более худших условиях, чем в предшествующие голодные годы, так как, с одной стороны, их рабочий скот был обобществлен и не мог быть продан ради получения хлеба, а с другой, оставшийся в их распоряжении домашний скот, прежде всего коровы, гибнул от бескормицы.

Важнейшим средством выживания семей хлеботорговцев во время голода являются огороды и сады на приусадебных участках, позволяющие получить продовольственные запасы. Но в 1932-1933 годах был установлен государственный контроль и над этим источником существования крестьянской семьи. Имеется огромное количество свидетельств конфискации выращенных на приусадебных участках колхозников и единоличников продуктов, а также законсервированных даров природы в наказание за не-

выполнение государственных обязательств во всех регионах СССР⁹⁸.

Веками проверенной традицией спасения во время голода была возможность крестьян покинуть зону бедствия, уйти на заработки, или просто найти более безопасное место и выждать время. Даже без оказания помощи со стороны государства бегство голодающих из эпицентра бедствия в менее пораженные районы значительно увеличивало индивидуальные шансы на спасение. В период голодомора, в отличие от предшествующих лет, отток населения из голодающих районов был затруднен вследствие принятых Советским государством мер по пресечению стихийной миграции из села. Наиболее ярким свидетельством этого стала “знаменитая директива” Сталина и Молотова от 22 января 1933 года ЦК КП(б)У Украины и в Северо-Кавказскому крайкому ВКП(б) о необходимости принять меры к прекращению бегства колхозников из колхозов. Само бегство голодных людей расценивалось как новая форма “кулацкого саботажа” с целью сорвать весеннюю посевную кампанию⁹⁹. В литературе известно, что к началу марта 1933 года ОГПУ и милицией было задержано 219460 человек. Из них 186588 человек было возвращено обратно, остальные привлечены к судебной ответственности и осуждены¹⁰⁰.

В этом же ключе были и меры по изменению правил отходничества и введению паспортной системы. В частности, согласно постановления ЦИК СССР и СНК СССР от 17 марта 1933 года, чтобы уйти в отход колхозник должен был зарегистрировать в правлении колхоза договор с тем хозяйственным органом, который нуждался в его услугах¹⁰¹. На практике эта процедура была почти не осуществима, так как предусматривала предварительную договоренность с предприятием, совхозом и т.д. В случае же самовольного ухода колхозника из колхоза на заработки он и его семья исключались из колхоза и лишались, таким образом, права на получение продовольственной ссуды, а также и тех средств, которые были заработаны ими в колхозе или переданы ему в неделимые фонды.

Начавшаяся в 1933 году паспортизация городского населения существенно затрудняла трудоустройство самовольно покидавших колхозы колхозников. Милиция теперь получила право высылать из городов крестьян, у которых не было договоров о найме с промышленными предприятиями, а также препятствовать самовольному уходу из деревни¹⁰².

Таким образом, принятые Советским государством меры фактически прикрепляли крестьян к колхозам, обрекая их на голод и голодную смерть. Они коснулись всех регионов и обусловили значительный рост смертности сельского населения.

Говоря о причинах высокой голодной смертности в 1932–1933 годах в советской деревне следует особо отметить факт отказа сталинского руководства от международной помощи, а также его политику голодного экспорта зерна в пик голода. Подобная ситуация принципиально отличала голод 1932–1933 годов от первого “советского голода” 1921–1922 годов и массовых голодовок в дореволюционной России. Кроме того, историками установлено, что в 1933 году сталинское правительство не выделило ни

грамма из резервного зернового фонда страны (1,9997 млн. тонн) для нужд села. Не трудно подсчитать, что если бы в первой половине 1933 года, в самый пик голода, этот хлеб поступил голодающим в размере полугодовой нормы на человека в 100 кг, по крайней мере, его хватило бы 20 млн. человек, чтобы не умереть с голоду¹⁰³. Но и этим дело не ограничивалось.

То же самое можно сказать и о голодном экспорте зерна. Во время голода Сталин и его окружение проводили экспортную политику по известной формуле царского правительства – “не доедим, но вывезем”. Так, в 1932 году было экспортировано 1,6 млн. тонн. В январе-июне 1933 года из голодающей страны было вывезено 354 тыс. тонн зерна¹⁰⁴. Два авторитетных российских исследователя – Н. А. Ивницкий и Е. Н. Осколков справедливо считают, что вывезенных за рубеж в 1933 году 1,8 млн. тонн зерна оказалось бы вполне достаточно, чтобы предотвратить массовый голод. По мнению Н. А. Ивницкого, Советское правительство, экспортируя зерно, могло бы одновременно пожертвовать частью золотого запаса страны для закупки за рубежом других пищевых продуктов¹⁰⁵. Однако это не произошло. И масштабы голода приобрели чудовищные размеры.

В историографии доказано, что в 1932-1933 годах сталинское руководство замалчивало голод, продолжало вывозить хлеб за границу и игнорировать попытки мировой общественности оказать помощь голодающему населению СССР исходя из проводимого им политического курса. Признание факта голода было бы равносильным признанию краха выбранной Сталиным и его окружением модели модернизации страны, что в условиях разгрома оппозиции и укрепления режима было нереальным¹⁰⁶. Тем не менее, на наш взгляд, даже в рамках избранной сталинским режимом политики у него имелись реальные альтернативы для смягчения масштабов созданной им трагедии. Например, по мнению Д. Пеннер, разделяемым автором настоящей статьи, гипотетически, Сталин мог бы воспользоваться нормализацией отношений с США и закупить там по дешевым ценам излишки продовольствия. Данный шаг был бы и свидетельством доброй воли со стороны США по отношению к СССР, в связи с установлением официальных дипломатических отношений. Акт признания как бы “покрывал” возможные идеологические и политические издержки СССР, согласившейся принять американскую помощь. Высоким сторонам удалось бы “сохранить свое лицо”. Кроме того, от этого шага была бы несомненная польза американским фермерам¹⁰⁷.

Также, Д. Пеннер и автор считают, что сталинское руководство не совсем рационально использовало возможности международной солидарности рабочих. Советское правительство могло бы закупить продовольствие в качестве награды своим рабочим за их самоотверженный труд у их “товарищей по классу”, переживавших тяжелую экономическую депрессию за рубежом. В частности, можно было бы импортировать апельсины из Калифорнии, где их обливали керосином и уничтожали, так как это было дешевле, чем продать на рынке. Таким образом, получили бы поддержку рабочие

калифорнийских ранчо и их коллеги в далекой России. Это было бы проявлением настоящей международной солидарности, о которой трубила сталинская пропаганда¹⁰⁸.

Главный вывод, к которому пришел автор в результате многолетних исследований данной темы следующий:

Наступление голода в 1932–1933 годах в СССР (в России и Украине) не было связано с погодными условиями и предшествующим коллективизации уровнем развития сельского хозяйства как таковыми. Голод стал результатом коллективизации, принудительных хлебозаготовок и подавления крестьянского сопротивления сталинскому режиму. Все решения, касающиеся развития аграрного сектора экономики СССР в 1931–1933 годах, осознанно принимались сталинским руководством. Ситуация усугубилась его политикой ограничения и ликвидации традиционных методов выживания крестьян во время голода, а так же отказом СССР от международной помощи. Поэтому мы можем назвать голод 1932–1933 годов в России и Украине *организованным, рукотворным голодом*. В то же время, как показывает мировая практика, элемент “рукотворности” присутствовал во всех голодовках, и сталинский режим здесь не был оригинален. Но оправдать его с позиций гуманизма и религиозной морали невозможно.

Нами не поддерживается мнение украинских историков о национальном геноциде голодом в Украине в 1932–1933 годах. На этот счет отсутствуют документы, в которых бы говорилось о наличии у сталинского режима замысла уничтожить украинский народ. В известных в XX веке случаях геноцида народов (армянская резня 1915 года, Холокост, этнические чистки в Руанде) развязавшие его режимы действовали осознанно, т.е. ставили подобную цель и осуществляли ее с помощью репрессивных органов государства, получавших соответствующие распоряжения на уровне высшего политического руководства, о чем сохранились соответствующие архивные документы и свидетельства очевидцев. В Украине ничего подобного не было.

Так же нами не поддерживается и точка зрения В. П. Данилова о социальном геноциде крестьянства в 1932–1933 годах¹⁰⁹. Думается, что социальным геноцидом в какой-то степени можно назвать политику раскулачивания деревни, поскольку она ликвидировала существовавший там слой зажиточных крестьян. Но, опять же, лишь с натяжкой, так как сталинский режим не ставил цели физического уничтожения раскулаченных. Что же касается ситуации 1932–1933 годов, то она не могла быть социальным геноцидом, так как действия сталинцев в деревне не исчерпывались лишь репрессивными мерами, хотя они и доминировали. Наряду с ними продолжалась политика тракторизации и механизации колхозов, культурная революция. Кроме того, весной 1933 года голодающие районы СССР получили семенные и продовольственные ссуды, которые позволили в целом организованно провести весеннюю посевную кампанию и прекратить массовый голод. Наконец, в 1935 году новый колхозный устав

расширил возможности спасения сельского населения на случай голода, разрешив колхозникам иметь личное приусадебное хозяйство. Все эти меры выглядят странными и нелогичными в рамках теории социального геноцида.

На наш взгляд, теория геноцида вообще не применима к советскому периоду истории России и Украины. Если же говорить конкретно о событиях 1932-1933 годов в советской деревне, то в эти годы сталинский режим просто наказал голодом крестьян за их нежелание добросовестно работать в колхозах и сопротивление коллективизации. В то же время мы солидарны с В. П. Даниловым в части его оценки голода 1932-1933 годов как одного из преступлений сталинского режима. По другому нельзя оценивать гибель миллионов сельских тружеников, ввергнутых в несчастье действовавшими политиками. С другой стороны, мы считаем, что Сталин и его окружение не планировали голода как операцию против крестьян заранее. Голод явился результатом их недальновидной, ошибочной аграрной политики, основанной на антикрестьянских представлениях. Его могло бы не быть, если бы сталинцы не победили своих оппонентов, выступавших против насильственной коллективизации. Поэтому сталинский голодомор – это печальный опыт того, к чему приводят непродуманные политические решения, опирающиеся лишь на силу государственной власти, но не на поддержку большинства народа. Этот исторический опыт должен быть учтен, в том числе настоящими политиками в России и Украине.

Современные знания обстоятельств трагедии, на наш взгляд, дают основания для вывода о том, что точнее и корректнее в научном отношении, обращаясь к событиям 1932-1933 годов в СССР, говорить не о голодоморе в Украине, а голодоморе в советской деревне, рассматривая ситуацию в Украине как часть общей трагедии советского крестьянства, в том числе российского.

Примечания

¹ Библиографию работ автора по данной теме см.: Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 годов в российской деревне. Учебное пособие. Пенза, 2003. С. 352-354.

² См: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Голод: 1932-1933 годы в советской деревне (на материалах Поволжья, Дона и Кубани). – Самара–Пенза, 2002. – 432 с.

³ См.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939: Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 3. Конец 1930-1933 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. – М.: РОССПЭН, 2001. – 1008 с.

⁴ См.: Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 годов в деревнях Поволжья (по воспоминаниям очевидцев) // Новые страницы истории Отечества: Межвуз. сб. н. трудов. Пенза, 1992. С. 164-170; он же. Документы архивов бюро ЗАГС как

источник по истории поволжской деревни // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии: Материалы всероссийской научной конференции, посвященной 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда, 1995. С. 68–72.

⁵ Данная тема была крайне политизирована в начале 1990-х годов. Об этом свидетельствовала приуроченная к 60-летней годовщине голода международная научная конференция, проходившая в Киеве в сентябре 1993 года (см.: Голодомор 1932–1933 рр. в Україні: причини і наслідки. Міжнародна наукова конференція (Київ, 9–10 вересня 1993 р.): Матеріали. – Київ: Національна академія наук України 1995). Автор настоящей статьи был одним из участников этой конференции и хорошо помнит как в выступлениях президента Украины Л. Кравчука и лидеров Руха звучали призывы предъявить России счет за якобы организованный ею в 1933 году голод в Украине, аналогичный предъявленному Германии после разгрома нацистов за Холокост. На конференции говорили о голоде, «организованном чужим народом», о необходимости обладания Украиной ядерного оружия, как гарантии против повторения 1933 года, о снятии проблемы Севастополя и Крыма в двусторонних отношениях, как компенсации за 1933 год. Заместитель директора Института российской истории РАН В.П. Дмитренко не принял предложение участника конференции И.Е. Зеленина о публикации на страницах журнала «Отечественная история» всех вышеназванных обстоятельств, под предлогом того, что журнал займет одностороннюю позицию, не опубликовав одновременно украинскую версию событий. Тем не менее, позиция российских ученых по проблеме голода 1932–1933 годов, принимавших участие в работе конференции (И.Е. Зеленина, Н.А. Ивницкого, В.В. Кондрашина, Е.Н. Осколкова), была изложена на страницах данного журнала (см.: «Отечественная история», 1994, № 6, С. 256–262).

⁶ См. об этом подробнее: Кондрашин В.В., Пеннер Д. Указ. соч. С. 393–394.

⁷ Там же.

⁸ Симпозиум на тему «Великий голодомор и геноцид в Украине 1932–33 гг.» проходил с 16 по 18 октября 2003 года в Италии в г. Виченца провинции Венето на базе Института исследований истории религии и общества. Он проводился по инициативе посольства Украины в Италии и Итальянского конгресса. Поводом к нему послужила неудавшаяся попытка представителей Украины в ООН поставить на голосование резолюцию о признании факта геноцида украинцев в 1932–1933 годах со стороны России. Против подобной формулировки выступили представители России, Англии и США. Кроме того, эта инициатива не была поддержана президентом России В.В. Путиным во время его встречи с президентом Украины Л. Кучмой. В сложившейся ситуации представители Украины и украинской диаспоры за рубежом предприняли активные усилия по организации крупного международного научного форума с целью научно подтвердить свои претензии к России по поводу голода 1932–33 годов в УССР. Эта инициатива получила поддержку в Италии, где и состоялся вышеназванный симпозиум. О его статусе говорит тот факт, что он проходил под личным патронажем президента Италии К. Чампи, в его работе приняли участие послы Украины в Италии и Канаде. Председателем оргкомитета симпозиума и его руководителем стал крупнейший итальянский ученый, президент двух ведущих университетов страны, действующий сенатор, профессор Габриэль де Роза. Чтобы придать симпозиуму более научный характер итальянская сторона ре-

шила пригласить в Италию русских ученых – специалистов в области аграрной истории СССР первой трети XX века. После консультаций с РАН и итальянскими историками– русистами выбор пал на профессора Института российской истории РАН Н.А. Ивницкого и профессора ПГПУ им. В.Г. Белинского В.В. Кондрашина. В работе симпозиума приняли участие ученые из Украины, Польши, Италии, США, Канады, Германии. Участники симпозиума получили приветствия от президента и премьер-министра Италии. Его работа широко освещалась итальянскими и зарубежными средствами массовой информации. По итогам работы симпозиума была принята резолюция, в которую, благодаря усилиям русской делегации, был включен пункт о признании факта голода в 1932–1933 годах не только на Украине, но и в России. Данная резолюция направлена в Евросоюз и Итальянский конгресс.

⁹ См. об этом подробнее: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 216–225; Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 55–71.

¹⁰ См.: Кондрашин В.В. Трагедия 1932–1933 гг. в поволжской деревне в памяти народной // Записки краеведов. Сборник материалов. Вып. 2. Ч. 2. Пенза, 2004. С. 83–100.

¹¹ См.: 33-й: голод: Народна Книга – Мемориал / Упоряд.: Л.Б. Коваленко, В.А. Маняк. Київ, 1991. – 584 с.

¹² См.: Данилов В.П. Дискуссия в западной прессе о голоде 1932–1933 гг. о “демографической катастрофе” 30–40-х гг. в СССР // Вопросы истории. 1988. № 3. С. 116–121; Он же. Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 7–30; Зеленин И.Е. О некоторых “белых пятнах” завершающего этапа сплошной коллективизации // История СССР. 1989. № 2. С. 3–19; Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 годов: кто виноват? // Судьбы российского крестьянства. М., 1996. С. 249–297; Он же. Репрессивная политика советской власти в деревне (1928–1933 гг.). М., 2000; Осколков Е.Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991. – 91 с. и др.

¹³ См. напр.: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 1–3. М., 1999–2001 и др.

¹⁴ См.: Баранов Е.Ю. Причины и последствия голода 1932–1933 гг. в СССР: дискуссии российских и зарубежных ученых // Третьи Уральские историко-педагогические чтения. Екатеринбург, 1999. С. 95–100; Он же. Аграрное производство и продовольственное обеспечение населения Уральской области в 1928–1933 гг. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2002; Загоровский П.В. Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х гг. Воронеж, 1998; Надькин Т.Д. Деревня Мордовии в годы коллективизации. Саранск, 2002; D'Ann R. Penner. Stalin and the Ital'ianka of 1932–1933 in The Don region // Cahiers du Monde russe, 39(1–2), janvier-juin 1998, pp. 27–68 и др.

¹⁵ Viola L. Peasant Rebels under Stalin. Collectivization and the Culture of Peasant Resistance. Oxford University Press, N.Y., Oxford, 1996; Davies R.W. The Socialist Offensive: the Collectivization of Soviet Agriculture, 1929–1930. Cambridge, MA. 1980; Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power: A Study of Collectivization. N.Y., 1975; Мерль Ш. Голод 1932–1933 годов: геноцид украинцев для осуществления политики руссификации? // Отечественная история. 1995. № 1. С.

- 49-61; Hiroshi Okuda. Revolution on the Volga: the Soviet Countryside under Stalinist Rule 1929-1934, Tokyo University Press, 1996 (на японском языке); Д. Пеннер. Указ. соч.; The Economic Transformation of the Soviet Union. 1913-1945. Ed. by Davies R.W., Harrison M. and Wheatcroft S.G. Cambridge University Press, 1994. P. 74-76; Stephen G. Wheatcroft. The Scale and Nature of German and Soviet Repression and Mass Killings, 1930-45 // Europe-Asia Studies. Vol. 48. No. 8, 1996, 1319-1353; Уиткрофт С.Г., Дэвис Р.У. Кризис в советском сельском хозяйстве (1931-1933 гг.): Доклад и его обсуждение на теоретическом семинаре "Современные концепции аграрного развития" // Отечественная история. 1998. № 6. С. 95-109; Sheila Fitzpatrick. Stalin's Peasants. Resistance and Survival in the Russian Village After Collectivization. (New York, Oxford University Press, 1994. (В 2001 г. монография издана на русском языке. См.: Шейла Фицпатрик. Сталинские крестьяне. Социальная истории Советской России в 30-е годы: деревня. / Пер. с англ. М., 2001 и др.
- ¹⁶ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 131.
- ¹⁷ РГАСПИ. Ф. 74. Оп. 2. Д. 37. Л. 54.
- ¹⁸ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 132-133.
- ¹⁹ См. об этом подробнее: Кабанов П.Г., Кастров В.Г. Засухи в Поволжье // Научные труды НИИ сельского хозяйства Юго-Востока, 1972. Вып. 31. С. 134-136; Бучинский И.Е. Засухи и суховеи. Л., 1976. С. 47 и др.
- ²⁰ Козельцева В.Ф., Педь Д.А. Данные об атмосферной засушливости по станциям западной части территории СССР (май-август 1900-1979 гг.). М., 1985. С. 3-9, 36-37, 49.
- ²¹ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 136-139.
- ²² Там же. С. 134.
- ²³ Там же. С. 139.
- ²⁴ См.: Ужасы голода в Самарской губернии. Самара, 1922. С. 3.
- ²⁵ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 85-355.
- ²⁶ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 37. Д. 130. Л. 64; Д. 131. Л. 73; Д. 132. Л. 15, 33-36, 83, 109, 110.
- ²⁷ См.: Вопросы истории. 1994. № 10. С. 41.
- ²⁸ ГАРФ. Ф. 5446. Оп. 12. Д. 1040. Л. 1; РГАСПИ. Ф. 631. Оп. 5. Д. 53. Л. 76-76об.
- ²⁹ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 111а. Л. 6-7, 11-12.
- ³⁰ См.: Осколков Е.Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 г. в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991. С. 13-16.
- ³¹ См.: История советского крестьянства. Т. 2. М., 1986. С. 255.
- ³² Там же. С. 260.
- ³³ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 3. Д. 111а. Л. 6, 7, 11, 12.
- ³⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2549. Л. 48; Центр документации новейшей истории Саратовской области (ЦДНИСарО). Ф. 470. Оп. 5. Д. 23. Л. 38.
- ³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 484. Л. 103-107, 117-119.
- ³⁶ См.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 203, 205.
- ³⁷ Отечественная история. 1995. № 1. С. 50.
- ³⁸ Ежегодник. Сельское хозяйство СССР. 1935. М., 1936. С. 514.
- ³⁹ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 144.
- ⁴⁰ РГАЭ. Ф. 7486. Оп. 3. Д. 50606. Л. 97; Кондрашин В.В. Голод 1932-1933 гг. в Поволжье // Вопросы крестьяноведения. Выпуск 3. Саратов, 1996. С. 96.

- ⁴¹ См.: Коллективизация сельского хозяйства. Важнейшие постановления Коммунистической партии и Советского правительства, 1927-1935. М., 1957. С. 381, 391-393.
- ⁴² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 2550. Л. 77.
- ⁴³ Там же. Ф. 631. Оп. 5. Д. 52. Л. 53; Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 318-332, 340, 343-349, 394-397, 420-427, 438-440.
- ⁴⁴ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 349.
- ⁴⁵ См.: Ежегодник. Сельское хозяйство СССР. С. 351; Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 141.
- ⁴⁶ См.: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 142-143.
- ⁴⁷ Куйбышев В. Уборка, хлебозаготовки и укрепление колхозов. М., 1932. С. 14.
- ⁴⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3757. Л. 14; Данилов В.П. Коллективизация: как это было // Страницы истории КПСС: Факты, проблемы, уроки. М., 1988. С. 341; Каревский Ф.А. Социалистическое преобразование сельского хозяйства Среднего Поволжья. Куйбышев, 1975. С. 141.
- ⁴⁹ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 350.
- ⁵⁰ Там же. С. 298, 356; История советского крестьянства. Т. 2. С. 262-263.
- ⁵¹ Хлевнюк О.В. Политбюро. Механизмы политической власти в 30-е годы. М., 1996. С. 58-60; Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 381-385.
- ⁵² Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 397-404, 410-412, 420-427, 438-439.
- ⁵³ Там же. С. 440.
- ⁵⁴ Там же. С. 453-454.
- ⁵⁵ См. напр.: Поволжская правда. 1932. 16 октября.
- ⁵⁶ См. об этом подробнее там же. С. 18-52.
- ⁵⁷ См. об этом подробнее: Кондрашин В.В., Пеннер Д. Указ. соч. С. 191, 202.
- ⁵⁸ Там же. С. 258-259.
- ⁵⁹ См.: Шолохов и Сталин: Переписка начала 30-х годов / Вступ. ст. Мурина Ю.Г. // Вопросы истории. 1994. № 3. С. 3-24.
- ⁶⁰ Трагедия советской деревни. Т. 3. М., 2001. С. 634-635.
- ⁶¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3776. Л. 60; Ф. 631. Оп. 5. Д. 53. Л. 92об., 117, 119, 125; Кондрашин В.В., Пеннер Д. Указ. соч. С. 190.
- ⁶² См.: Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахстанская трагедия. Кондрашин В.В., Пеннер Д. Указ. соч. С. 226-227.
- ⁶³ См.: Голод 1932-1933 годов на Украине: Свидетельствуют архивные документы // Под знаменем Ленинизма. 1990. 8 апреля.
- ⁶⁴ См.: Сталин и Каганович. Переписка. 1931-1936 гг. / Сост. О.В. Хлевнюк, Р.У. Дэвис и др. М., 2001. С. 145, 164, 169, 179.
- ⁶⁵ Там же; Кондрашин В.В., Пеннер Д. Указ. соч. С. 159-161.
- ⁶⁶ См.: Кондрашин В.В., Пеннер Д. Указ. соч. С. 212.
- ⁶⁷ О действиях Японии в Маньчжурии см.: Yoshihisa Tak Matsusaka. The Making of Japanese Manchuria, 1904-1932. (Cambridge, Mass., 2001); Louise Young. Japan's Total Empire: Manchuria and the Culture of Wartime Imperialism. (Berkeley, 1998) и др.
- ⁶⁸ РГАЭ. Ф. 8040. Оп. 8. Д. 5. Л. 478, 486.
- ⁶⁹ См.: Письма И.В. Сталина В.М. Молотову 1925-1936 гг. Сборник документов. М., 1995. С. 245.

- ⁷¹ См.: В.И. Ленин. Неизвестные документы. 1891–1922 гг. М., 1999. С. 516–523.
- ⁷² См.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 421, 443, 445, 577.
- ⁷³ Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. С. 179.
- ⁷⁴ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 годов в российской деревне. Учебное пособие к спецкурсу. Пенза, 2003. С. 116.
- ⁷⁵ См.: Ивницкий Н.А. Голод 1932–1933 годов: кто виноват? // Голод 1932–1933 годов. М., 1995. С. 56–57.
- ⁷⁶ Сталин И.В. Соч. Т. 13. С. 241, 243; Правда. 1933. 10 января.
- ⁷⁷ См. об этом подробнее: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 216–225.
- ⁷⁸ См.: Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 634–678; Кульчицкий С.В. 1933: трагедия голоду. – Т-во «Знания» УРСР, 1989. – 48 с.; 33-й голод: Народна Книга-Меморіал / Упоряд.: Л.Б. Коваленко, В.А. Маняк. – К.: Рад. письменник, 1991. – 584 с. и др.
- ⁷⁹ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 220–221.
- ⁸⁰ Архив ЗАГСа Кондольской администрации Пензенской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1933 год. 63 акта о смерти от голода по Васильевскому сельсовету.
- ⁸¹ Архив ЗАГСа Котовской администрации Волгоградской области. Акты о смерти за 1933 год по Котовскому сельсовету.
- ⁸² Архив ЗАГСа Петровской администрации Саратовской области. Книга записей актов гражданского состояния о смерти за 1933 год по селу Кожевино.
- ⁸³ См.: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 226–227.
- ⁸⁴ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1025. Л. 29.
- ⁸⁵ См.: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 229.
- ⁸⁶ Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. в Поволжье // Вопросы крестьяноведения. Выпуск 3. Саратов, 1996. С. 99.
- ⁸⁷ Осколков Е.Н. Голод 1932/1933. Хлебозаготовки и голод 1932/1933 года в Северо-Кавказском крае. Ростов-на-Дону, 1991. С. 51, 55–56, 59, 62.
- ⁸⁸ Абылхожин Ж.Б., Козыбаев М.К., Татимов М.Б. Казахстанская трагедия // Вопросы истории. 1989. № 7. С. 67; Алексеенко А.Н. Голод начала 30-х гг. в Казахстане (Методика определения числа пострадавших // Историческая демография: новые подходы, методы, источники. Тезисы VIII Всероссийской конференции по исторической демографии. Екатеринбург, 13–14 мая 1992 г. М., 1992. С. 76–78; Отечественная история. 1994. № 6. С. 259.
- ⁸⁹ См. об этом подробнее: С. Уиткрофт. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 866–887.
- ⁹⁰ По мнению С. Уиткрофта, число жертв голода находится в пределах 6–7 млн. человек, в том числе 3,5–4 млн. в Украине. См.: С. Уиткрофт. О демографических свидетельствах трагедии советской деревни в 1931–1933 гг. // Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 866–887.
- ⁹¹ См.: Кондрашин В.В., Пеннер Д. Указ. соч.
- ⁹² См.: Всесоюзная перепись населения 1937 г.: Крат. итоги. М., 1991.
- ⁹³ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 862.
- ⁹⁴ Там же. С. 704–705; ЦДНИСарО. Ф. 55. Оп. 1. Д. 334. Л. 21; Государственный архив Пензенской области (ГАПО). Ф. Р.206. Оп. 1. Д. 72. Л. 85.

- ⁹⁵ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 241.
⁹⁶ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 670-672.
⁹⁷ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 252-254.
⁹⁸ Там же. С. 256-261.
⁹⁹ Трагедия советской деревни. Т. 3. С. 634-635.
¹⁰⁰ История СССР. 1989. № 3. С. 46; Отечественная история. 1994. № 6. С. 259.
¹⁰¹ См.: Важнейшие решения по сельскому хозяйству. М., 1935. С. 443-444.
¹⁰² Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства СССР. 1932. № 84. Ст. 516-517; 1933. № 3. Ст. 22.
¹⁰³ Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 285.
¹⁰⁴ Там же. С. 315.
¹⁰⁵ Там же. С. 320; Ивницкий Н.А. Голод 1932-1933 годов: кто виноват? // Голод 1932-1933 годов: Сб. статей. М., 1995. С. 61; Осколков Е.Н. Указ. соч. С. 79.
¹⁰⁶ См.: Таугер М.Б. Урожай 1932 года и голод 1933 года // Голод 1932-1933 годов: Сб. статей. С. 42.
¹⁰⁷ См.: Виктор Кондрашин, Диана Пеннер. Указ. соч. С. 332-333.
¹⁰⁸ Там же. С. 333.
¹⁰⁹ На вышеупомянутом заседании 29 марта 2004 года в Институте всеобщей истории РАН В.П. Данилов назвал голод 1932-1933 годов социальным геноцидом, поскольку он стал результатом антикрестьянской политики сталинского режима.